

A c t a
Universitatis
Lodziensis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

19
2020

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

A c t a Universitatis Lodzianis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

19
2020

Z zagadnień semantyki,
onomastyki, leksykografii,
przekładoznawstwa
i dydaktyki języka rosyjskiego

pod redakcją
Iji Tuliny-Blumental
Agaty Piaseckiej
przy współpracy
Zoi Kucej

 WYDAWNICTWO
UNIwersytetu
ŁÓDZKIEGO
ŁÓDŹ 2020

 COPE
Member since 2019
JMI4477

REDAKCJA NAUKOWO-DYDAKTYCZNA
Agata Piasecka, Zoja Kuca, Ija Tulina-Blumental

RADA NAUKOWA

Andrzej Charciarek (Polska, Katowice), *Thomas Daiber* (Niemcy, Giessen), *Stefana Dimitrowa* (Bułgaria, Sofia), *Jelena Iwanian* (Rosja, Samara), *Wiera Kartawienko* (Rosja, Smoleńsk), *Julia Krawcowa* (Ukraina, Kijów), *Walerij Mokijenko* (Rosja, Sankt Petersburg), *Jelena Romaniczewa* (Rosja, Moskwa), *Andrzej Sitarski* (Polska, Poznań), *Jelena Stojanowa* (Bułgaria, Szumen)
Damina Szajbakowa (Kazachstan, Ałmaty), *Žanetta Zakupra* (Ukraina, Kijów)

RECENZENCI

Marina Tryhuk (Białoruś, Mińsk), *Julia Krawcowa* (Ukraina, Kijów), *Larysa Nakonechna* (Ukraina, Iwano-Frankiowski), *Nataliya Pyataeva* (Białoruś, Mińsk), *Dorota Chudyk* (Uniwersytet Rzeszowski), *Wiera Kartawienko* (Rosja, Smoleńsk), *Jelena Stojanowa* (Bułgaria, Szumen)
Maria Mocarz-Kleindienst (Polska, Lublin), *Olga Desjukiewicz* (Mińsk, Białoruś)
Julia Lukojanowa (Kazań, Rosja), *Stefka Kalewa* (Bułgaria, Szumen)

REDAKCJA TOMU

Ija Tulina-Blumental i *Agata Piasecka*
przy współpracy *Zoi Kucej*

REDAKTORZY JĘZYKOWI

Ija Tulina-Blumental (język rosyjski), *Zoja Kuca* (język rosyjski)
Konrad Szulga (język angielski), *Agata Piasecka* (język polski, język rosyjski)
Ivaan Smirnov (język rosyjski)

REDAKTOR INICJUJĄCY

Sylvia Mosińska

SKŁAD I ŁAMANIE

Munda – Maciej Torz

KOREKTA TECHNICZNA

Elżbieta Rzymkowska

PROJEKT OKŁADKI

Agencja Komunikacji Marketingowej efectoro.pl

Publikacja bez opracowania redakcyjnego w Wydawnictwie UŁ

© Copyright by Authors, Łódź 2020

© Copyright for this edition by Uniwersytet Łódzki, Łódź 2020

Wydane przez Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

Wydanie I. W.10333.21.0.Z

Ark. wyd. 7,8; ark. druk. 8,5

ISSN 1731-8025

e-ISSN 2353-9623

Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

90-131 Łódź, ul. Lindleya 8

www.wydawnictwo.uni.lodz.pl

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

tel. (42) 665 58 63

Содержание

От Редакции	7
Людмила Викторовна Биркун, Вера Анатольевна Пономарева, Любовь Андреевна Маримонская, Лариса Васильевна Ляшенко – Визуализация научной статьи как предпосылка формирования методической компетенции будущих учителей иностранного языка.	13
– Research article visualization as a prerequisite for methodological competence-building among pre-service teachers of foreign languages	13
Инна Бубнович – Оттопонимические наименования Гродненщины в публицистических и художественных текстах	29
– Toponymy-derived names of the Grodno region in journalistic and literary texts	29
Евгения Дмитриева – Функции эмотивной лексики как средства реализации религиозно-нравственного идеала в житийных текстах XVIII–XX веков.	41
– Functions of emotive vocabulary as a means of pursuing religious and moral ideal in the hagiographic texts of the 18th-20th centuries.	41
Дзмітрый Дзятко – Ілюстрацыйны параметр у лінгвістычнай тэрмінаграфіі.	53
– Illustrative parameter in linguistic terminography	53
Ваня Иванова – Парадигматическая и синтагматическая метонимия как основа развития новых значений в русском языке.	67
– Paradigmatic and syntagmatic metonymy as the basis for the development of new meanings in the Russian language.	67
Людмила Кравцова – Мир в зеркале Словаря моды	79
– The world in the mirror of the Fashion Dictionary.	79

Анжелика Литвинович – Полевая организация глагольной лексики (на примере глаголов со значением ‘защищать’ в русском языке)	91
– Field arrangement of verbs (on the basis of verbs with the meaning ‘to defend’ in the Russian language)	91
Инга Милевич – Стратегии перевода: средство самопрезентации автора научной публикации?	103
– Translation strategy: self-presentation of the author of a scientific publication?	103
Наталья Немич – Лексические средства семантики невыразимого в современном газетном дискурсе	113
– Lexical means of the semantics of the inexpressible in modern newspaper discourse	113

Обзоры и рецензии

Jarosław Wierzbiński, Aleksy Kucy – VII Международная научная конференция «Вопросы семантики и стилистики текста: лингвистический дискурс»	125
– VII International Scientific Conference ‘Issues of Text Semantics and Stylistics: Linguistic Discourse’	125
Jarosław Wierzbiński – Петр Червинский, <i>Знак и значение. Семантика предсказаний в знамениях, повериях и приметах</i> , Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020, ss. 240.	131
– Piotr Czerwiński, <i>The sign and meaning. The prophecy semantics in harbingers, beliefs and folk predictions</i> , Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020, pp. 240.	131

От Редакции

В очередной раз мы представляем Уважаемому Читателю результаты научных исследований, принятых международным авторским коллективом к публикации в журнале *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica*. В издание этого тома вошли статьи представителей зарубежных научных центров, с которыми Кафедра языкознания Института русистики Лодзинского университета сотрудничает уже много лет. В этот выпуск включены, в частности, статьи российских (Волгоград, Сызрань), болгарских (Велико-Тырново), белорусских (Гродно, Минск), литовских (Каунас), латвийских (Рига), украинских (Киев) ученых. Согласно традиции, часть статей была написана также лодзинскими русистами.

Авторы публикуемых в сборнике научных работ использовали различные методологические концепции и представили ряд актуальных проблем в области языкознания. Рассматриваемые в статьях настоящего тома вопросы связаны, в частности, с семантикой, ономастикой, переводоведением, лексикографией, а также методикой обучения иностранным языкам. В 19 выпуске журнала обсуждается эмотивная лексика, лексика из мира моды, процессы метонимизации, характерные для современного русского языка, семантическое поле каузативных глаголов со значением *защищать*, дискурс прессы, стратегии перевода и лексикографические решения. Иллюстративный языковой материал, анализируемый в статьях, был зачерпнут из агиографических и публицистических текстов, а также из художественной литературы. Результаты проведенных исследований были описаны на русском языке. Все научные статьи, вошедшие в сборник, основаны на солидной теоретической базе и отличаются интересными интерпретационными решениями, которые были высоко оценены международной группой Рецензентов.

В настоящем выпуске публикуются также отчеты и рецензии. Ярослав Вежбинский и Алексей Куций представили отчет о конференции *Вопросы семантики и стилистики текста: лингвистический дискурс*, организованной Кафедрой языкознания Лодзинского института русистики в 2020 году. В разделе рецензий мы предлагаем Уважаемому Читателю рецензию Ярослава Вежбинского на новую книгу Петра Червинского *Знак и значение. Семантика предсказаний в знамениях, повериях и приметах* (Катовице 2020).

Редакция убеждена, что вопросы, обсуждаемые в настоящем сборнике, станут источником вдохновения для дальнейших исследований.

Agata Piasecka

Перевод: *Ija Tulina-Blumental i Zoja Kuca*

A Word From The Editors

We are again pleased to share the results of scientific research contributed to *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica* by a group of international authors. This year's issue of the journal features texts submitted by foreign scientific centres cooperating with the Department of Linguistics of the Institute of Russian Studies, Łódź University, for many years. The contributors represent university establishments from Russia (Volgograd, Syzran), Bulgaria (Veliko Tarnovo), Belarus (Grodno, Minsk), Lithuania (Kaunas), Latvia (Riga), and Ukraine (Kiev). Traditionally, some of the texts were penned by Łódź-based experts in Russian studies.

The contributing authors explore various methodological concepts and many fascinating problems from the field of linguistics. They focus, but not only, on semantics, onomastics, translation studies, lexicography, or foreign language teaching methodology. This 19th volume of the journal contains tests on emotive lexis, the vocabulary of the fashion world, metonymisation processes in modern Russian, the semantic field of causative verbs with the meaning of *защищать*, press discourse, translation strategies, or lexicographical solutions. Examples studied by the authors are sourced from hagiographical texts, journalism, or fiction. All the research results are discussed in Russian. They feature a solid theoretical basis and interesting interpretation proposals, which was well received by an international group of reviewers.

The volume also contains reports and reviews. Jarosław Wierzbński and Aleksy Kucy discuss the proceedings of the conference, *Вопросы семантики и стилистики текста: лингвистический дискурс*, held at the Department of Linguistics of the Institute of Russian Studies in 2020. Jarosław Wierzbński reviews the latest, original, and content-rich publication by Piotr Czerwiński, *Знак и значение. Семантика предсказаний в знаменьях, поверьях и приметах* (Katowice 2020).

The editors are more than convinced that the scholarly problems raised in this volume will inspire further research.

Agata Piasecka
Translation: *Konrad Szulga*

Od Redakcji

Kolejny raz prezentujemy Państwu rezultat badań naukowych, jakie międzynarodowe grono Autorów postanowiło opublikować na łamach czasopisma *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*. Tegoroczna edycja zawiera teksty nadesłane z zagranicznych ośrodków naukowych, z którymi Zakład Językoznawstwa Instytutu Rusycystyki w Łodzi współpracuje od wielu lat. Znalazły się zatem w niniejszym zeszycie artykuły nadesłane z Rosji (Wołgograd, Syzrań), Bułgarii (Wielkie Tyrnowo), Białorusi (Grodno, Mińsk), Litwy (Kowno), Łotwy (Ryga), Ukrainy (Kijów). Tradycyjnie już część tekstów wyszła spod pióra łódzkich rusycystów.

Autorzy wykorzystali różne koncepcje metodologiczne i przybliżyli wiele ciekawych zagadnień z zakresu językoznawstwa. Wiążą się one m.in. z semantyką, onomastyką, przekładoznawstwem, leksykografią czy metodyką nauczania języków obcych. W 19. tomie omówiono leksykę emotywną, słownictwo z zakresu świata mody, procesy metonimizacji znamienne dla najnowszego języka rosyjskiego, pole semantyczne czasowników kauzatywnych o znaczeniu *защищать*, dyskurs prasowy, strategię translatorskie czy rozwiązania leksykograficzne. Analizowane w artykułach egzemplifikacje pochodzą z tekstów hagiograficznych, publicystycznych czy literatury pięknej. Wszystkie przeprowadzone badania zostały opisane w języku rosyjskim. Cechuje je rzetelna podbudowa teoretyczna oraz interesujące propozycje interpretacyjne, które zostały docenione przez międzynarodowe grono Recenzentów.

Nie zabrakło ponadto tekstów o charakterze sprawozdań i recenzji. Jarosław Wierzbński i Aleksy Kucy zrelacjonowali konferencję *Вопросы семантики и стилистики текста: лингвистический дискурс*, która została zorganizowana w Zakładzie Językoznawstwa Instytutu Rusycystyki w Łodzi w 2020 r. Recenzję przygotował również Jarosław Wierzbński. Dotyczy ona najnowszej, oryginalnej tematycznie i bardzo wartościowej poznawczo, publikacji Piotra Czerwińskiego pt. *Знак и значение. Семантика предсказаний в знаменях, повериях и приметах* (Katowice 2020).

Redakcja jest przekonana, że poruszona w niniejszym tomie problematyka stanie się inspiracją dla kolejnych poszukiwań badawczych.

Agata Piasecka

Людмила Викторовна Биркун

 <https://orcid.org/0000-0002-1167-6810>

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
Институт филологии
01601, Киев, Украина, бульвар Тараса Шевченка 14
lbyrkun@ukr.net*

Вера Анатольевна Пономарева

 <https://orcid.org/0000-0003-1880-4691>
4091859@ukr.net

Любовь Андреевна Маримонская

 <https://orcid.org/0000-0002-3320-5059>
lmarimonskaya@ukr.net

Лариса Васильевна Ляшенко

 <https://orcid.org/0000-0003-3014-5676>
larisavd04@gmail.com

Визуализация научной статьи как предпосылка формирования методической компетенции будущих учителей иностранного языка

Research article visualization as a prerequisite for methodological competence-building among pre-service teachers of foreign languages

Резюме

Проблема формирования методической компетентности будущих учителей в разных ее аспектах и для разной целевой аудитории была предметом обсуждения во многочисленных методических исследованиях. Различные методики формирования методической компетентности сосредотачиваются на выделении ее основных компонентов или составляющих для дифференциации целей, задач, принципов, способов, этапов получения знаний и выработ-

ки навыков, умений, стратегий. Роль визуализации научной статьи как средства формирования методической компетентности до сих пор не была предметом исследования, результаты которого были бы описаны в доступных авторам публикациях. Целью данной работы было выяснение того, какую роль может играть визуализация научной статьи в формировании методической компетентности будущих учителей иностранного языка. Для этого был проведен анализ определений методической компетентности, с учетом нашего теоретико-практического опыта проведения лекций и семинаров на основе студенческих визуализаций научно-методического текста. Рабочей гипотезой данного исследования, в связи с многолетним практическим опытом, было утверждение, что для формирования методической компетентности можно использовать визуализацию научных статей. Основным ориентиром здесь было понимание того, что оптимальные результаты будут получены, если студенческие визуализации научной статьи будут включены в контекст теоретического образования и методического языкового развития будущих учителей. Материалом исследования стали определения методической компетентности и структурно-содержательные составляющие научно-методической статьи, а также графические средства визуализации.

Исследованный материал дает нам возможность приоритизировать терминологическую компетентность как тот компонент методической компетентности, который можно успешно формировать с помощью визуализации научно-методической статьи путем моделирования грамотной последовательности схематически-табличной наглядности, имитирующей процессы восприятия научного текста и порождения на его основе методических рассуждений.

Для того, чтобы процесс формирования методической компетентности становился интегрированным, с относительно одновременным развитием ее остальных компонентов, возникает необходимость его включения в групповое джигсо-лекционирование.

Ключевые слова: визуализация, методическая компетентность, коллажное размещение лексики, прогнозирование терминов, джигсо-лекционирование, научно-методические статьи.

Summary

The problem of building the methodological competence of future teachers in its various aspects and for different target audiences has been the subject of discussion in numerous methodological studies. Various techniques for the formation of methodological competence focus on identifying its main components or components for differentiating goals, objectives, principles, methods, stages of obtaining knowledge and developing skills, abilities, and strategies. The role of visualization of a scientific article as a means of methodological competence-building has not yet been the subject of research, the results of which would be described in publications available to authors.

The purpose of this work was to find out what role the visualization of a scientific article can play in the formation of methodological competence of future teachers of a foreign language. With this end in view, an analysis of the definitions of methodological competence was carried out, linking to our theoretical and practical experience in conducting lectures and seminars based on students' visualizations of scientific and methodological texts.

The working hypothesis of this study in connection with many years of practical experience was that the visualization of scientific articles can be used to develop methodological competence. The main guideline was based on the understanding that optimal results would be obtained if students' visualizations of a scientific article were set in the context of theoretical education and methodological language development of future teachers.

The material of the research was the definitions of methodological competence and the structural and content-related components of a scientific and methodological article, as well as graphic visualization tools.

The studied material afford an opportunity to prioritize terminological competence as that component of methodological competence that can be successfully formed by visualizing a scientific and methodological article by modelling a competent sequence of schematic-tabular visibility, imitating the processes of perceiving a scientific text and generating methodological reasoning on its basis.

In order for the process of formation of methodological competence to become integrated, so that its other components develop relatively concurrently, it is necessary to embed this process in group jigsaw lectures.

Keywords: visualization, methodological competence, collage placement of vocabulary, forecasting terms, jigsaw lectures, scientific and methodological articles.

Для формирования методической компетентности в рамках курсов методики преподавания иностранного языка в средней и высшей школе нами накоплен значительный опыт использования заданий визуализации научного текста – научной статьи, учебника по методике, образовательных документов в контексте джигсо-чтения, джигсо-говорения, джигсо-аудирования и джигсо-письма. Такой процесс джигсо-обучения начинается с презентаций студентами индивидуальных микро-лекций, подготовленных на основе визуализированных научно-методических статей и предъявленных в нескольких малых группах одновременно и поочередно и завершается обобщающими выводами в устных выступлениях тех студентов, которые являлись активными слушателями в созданных на лекции группах из 4–5 человек. Студенты в группах получали возможность услышать от 10 до 15 микро-лекций в период одного лекционного занятия и, соответственно, могли проанализировать, сопоставить, обобщить услышанное, и, самое главное, соотнести полученную информацию со своим опытом и знаниями, и предъявить ее остальному потоку студентов.

Разработанные нами учебные программы нескольких магистерских курсов (Биркун, 2019; Биркун, 2020) по методике преподавания иностранных языков и подобранные материалы к ним основываются на нескольких теоретических постулатах формирования методической компетенции будущих учителей иностранного языка, среди которых актуальными продолжают быть или становятся следующие проблемы:

- обучение языку как коммуникации (Widdowson, 1978, 1–150);
- визуальное образование, визуальная грамотность и визуальная культура учителей (Eilam, 2012, 81–91; Cope, 1993, 154–231);
- мультимодальность в обучении и коммуникации (Bezemer, 2016; Jewit, 2016);
- опытное обучение в образовании с использованием иностранных языков (Kohonen, 2001);
- креативность (Hegarty, 2014);

- оптимизация входной информации в обучении с акцентом на языковую форму и способы ее употребления (Ellis, 2013, 139–159; Gass, 1997);
- контекстуализации учебного процесса (Вербицкий, 1991; Вербицкий, 1986; Вербицкий, 2000).

С целью выделения теоретических предпосылок формирования методической компетенции будущих учителей иностранного языка, нам необходимо проанализировать научные взгляды на сущность методической компетентности не только будущих учителей, но и будущих преподавателей иностранного языка, с целью поиска научных аргументов для актуализации в рамках коммуникативного подхода такого методического приема как визуализация научной статьи и обоснования его роли в процессе формирования методической компетентности.

Некоторые ученые выделяют как профессионально-методическую, так и собственно методическую компетентность. Так, О.О. Корзун и А.Е. Савкина в состав профессионально-методической компетентности включают собственно методическую, коммуникативную, самообразовательную, исследовательскую компетентности (Корзун, 2018, 423), как необходимые каждому учителю иностранного языка.

Если рассматривать методическую компетентность в широком смысле, то есть как профессионально-методическую, то для ее функционирования необходимо формировать и развивать навыки и умения владения устной и письменной речью не просто в повседневном общении, а именно в профессиональном, как, например, при чтении научной статьи и при передаче ее содержания или использовании ее текстовой канвы для трансформации лексического и текстового ряда в визуальный и создания мультимодальных форм (Bezemer, 2016; Jewit, 2016) ее содержания как основы для дальнейшего анализа и аудиторного обсуждения теоретических вопросов методики в контексте инновационных коммуникативных технологий, таких как метод джигсо (Lestik, 2012). Что касается самообразовательной компетентности, то теоретико-терминологическая часть методической компетентности, на наш взгляд, не может быть сформирована без самостоятельной работы над методическими текстами, включая научные статьи, тем более, она не может быть сформирована вне коммуникативного контекста ее использования в аудиторной коллективной учебной обстановке. Аналогично, для работы с научной статьей самостоятельно и в условиях последующего учебного общения в аудитории элементарные навыки и умения исследовательской деятельности являются необходимыми, а именно понимание логики и особенностей изложения проведенного исследования, которое является основой для целостного усвоения научного текста, значимости его отдельных частей и, соответственно для его грамотной визуализации и последующей устной периодической аудиторной презентации, в частности, с помощью метода джигсо-обучения.

Говоря о специфике методической компетентности будущего преподавателя-филолога, Л.В. Шерстюк подчеркивает важность создания креативного учебного окружения, в котором учат критически мыслить на нескольких языках, анализировать тексты и первоисточники на языке оригинала. Исследователь настаивает на дальнейшем изучении вопросов содержательного наполнения креативного учебного окружения для профессиональной подготовки будущих преподавателей-филологов (Шерстюк, 2017). Визуализацию научно-методической статьи в контексте коллективной джигсо-лекции мы также можем рассматривать как один из важных элементов креативного учебного окружения в процессе формирования методической компетентности будущего учителя иностранного языка, поскольку, получая задание самостоятельно найти методическую статью и принять решение о способах визуализации выбранного текста на основании лишь общих рекомендаций использования графиков, таблиц, схем, диаграмм, инфограмм, коллажей, будущий учитель получает возможность проявить креативность в выборе графической наглядности и в способах сочетания невербальной и вербальной информации, а также в варьировании способов устной презентации в парах, группах, командах и для всего потока учащихся с опорой на визуально-вербальные креативные индивидуальные конспекты.

Предложенные в исследовании О. Игны составляющие методической компетентности учителя иностранного языка значительно расширяют возможности визуализации научной статьи в контексте джигсо-обучения как предпосылки формирования отдельных суб-компетентностей методической компетентности. Автор предлагает следующие составляющие методической компетентности учителя иностранного языка: 1) знания и навыки в области теории, техники и методики преподавания иностранных языков и смежных дисциплин (педагогика, психология, педагогической антропологии, лингвистики и др.); 2) владение методической терминологией; 3) иноязычная коммуникативная компетентность; 4) готовность, способность, умение развивать иноязычную коммуникативную компетенцию учеников; 5) методические умения: анализ, реализация педагогической деятельности, планирование, педагогический дизайн и другие; 6) дидактические и творческие способности, умение использовать имеющиеся знания в практической деятельности; 7) культура языка и культура общения; 8) опыт решения учебных методических заданий; 9) опыт псевдо-профессиональной и профессиональной деятельности; 10) критическое методическое мышление (Игна, 2010, 92).

В получении знаний и приобретении навыков и умений в области теории и методики преподавания иностранных языков, как первой составляющей методической компетентности, важную роль играют чтение, понимание и интерпретация современной периодической литературы, в частности – методических статей. Одним из действенных способов понимания и соответственно контроля понимания прочитанного текста является прием визуализации

зации его содержания. Поскольку научная статья, как правило, имеет четкую структурную организацию, то и визуализация будет зависеть от особенностей разных рубрик научной статьи, так, например, обзор литературы можно представить в виде схематической организации, вербальное описание гипотезы можно проиллюстрировать с помощью причинно-следственной таблицы или диаграммы, выводы могут иметь разнообразную визуальную структуру – форму графика, таблицы или диаграммы, где могут быть показаны разного рода зависимости, результаты исследования и классификации.

В исследовании Игне указано на вторую составляющую методической компетентности – владение методической терминологией (Игна, 2010). Научно-методическая статья является всегда высокоресурсным (актуальным и динамичным) источником для формирования методической терминологической компетентности, потому что для жанра методического текста характерно наличие не просто значительного количества методической терминологии, а присутствие множества определений, часто одного и того же методического термина. Научно-методическая статья является также всегда актуальным и динамичным источником формирования методической терминологической компетентности, потому что, как правило, периодические публикации посвящены актуальным исследовательским вопросам и они, в силу специфики рубрики «Обзор литературы», имеют не только внутреннюю динамику сопоставления, противопоставления, сравнения исследуемых вопросов, цитирований и ссылок, но историей своего вопроса связаны часто со значительными периодами формирования методики как таковой.

Третья составляющая методической компетентности, по Игне, это иноязычная коммуникативная компетентность. Визуализация научно-методической статьи в контексте коллективного джигсо-обучения – это, в первую очередь, конспект для устной презентации прочитанного с опорой на визуализируемое содержание и, что еще важнее, это ключевой этап в формировании неподготовленной речи, который устраняет необходимость зазубривания исходного текста. Если будущий учитель еще в студенческой аудитории овладеет приемами визуализации вербального текста, как для его глубинного понимания, так и для создания различных визуально-вербальных опор для последующей устно-письменной работы, то он приобретет готовность, способность, умения развивать иноязычную коммуникативную компетентность учеников, что по Игне является четвертой составляющей методической компетентности.

Визуализация научно-методической статьи для участия в коллективном джигсо-обучении, то есть фактически в джигсо-проекте – обмене на семинарском занятии устными презентациями разных методических статей, выбранных каждым студентом самостоятельно, на основе содержания, изложенного (каждым студентом) в визуально-вербальной форме, способствует формированию методических умений анализа текста, планированию устной презентации, педагогического дизайна визуализированной страницы и педа-

гогического дизайна реализации умений объяснять, аргументировать, критически относиться к излагаемому, что характеризует пятую составляющую методической компетентности по Игне (Игна, 2010).

Дидактические и творческие способности, умение использовать имеющиеся знания в практической деятельности, то есть, в нашем случае, в процессе решения учебной методической креативной задачи визуализации и последующем креативном устном воссоздании законспектированного визуально-вербального содержания, приобретение навыков и умений культуры общения и культуры языкового оформления высказываний, согласно научному стилю методической статьи, приобретение самостоятельного опыта решения учебно-методических заданий визуализации и последующей вербализации закодированной графически информации – все это согласуется с содержанием методической компетентности, которую определяет Игне и многие другие ученые в своих размышлениях (Игна, 2010).

Важнейшим для понимания роли визуализации научной статьи как предпосылки формирования методической компетентности учителя иностранного языка является определение О.Б. Бигич, в котором методическая компетентность учителя английского языка начальной школы рассматривается как совокупность методических знаний, навыков и умений, индивидуальных, субъективных, личностных качеств, которые функционируют как способность проектировать, адаптировать, организовывать, мотивировать, исследовать и контролировать учебный, познавательный, воспитательный и развивающий аспекты иноязычного образования у младших школьников в классной и внеклассной работе по иностранному языку, путем и через общение с учениками (Бигич, 2006, 12–13). Если мы будем исходить из представления моделирования подготовки будущих учителей как процесса опытного обучения (*experiential learning* в терминах Кохонена (2001)), обучения через действие (*learning through doing* в терминах Дьюи), обучения как прогнозирования и как творческой имитации будущей учительской и ученической учебной деятельности, а также из понимания методической компетентности как трансформирующей способности, что подчеркивает О.Б. Бигич в своих работах, то необходимость заданий типа визуализации научной статьи в контексте коллективных джигсо-лекций будет очевидной, так как будущий учитель – студент курса методики преподавания иностранных языков средней школы, во время реализации соответствующего джигсо-проекта сможет пройти и понять сложности и особенности всех этапов проектного задания коммуникативно-интерактивного типа. Таким образом, он усвоит методику коммуникативно-ориентированного обучения и преподавания иностранных языков, в котором формируется способность проектировать цели и этапы конкретного джигсо-проекта и адаптировать индивидуальную презентацию визуального конспекта под потребности и интересы отдельных слушателей разных джигсо-групп, организовывать процесс идентификации своей группы как процесс называния,

например, сокращениями методических терминов (группа ТТТ (teacher talking time)), группа ALM (audio-lingual method), группа CLT (communicative language teaching), группа COLT (communicatively-oriented language teaching), группа STT (student talking time) и т.д., а также аргументировать и демократически делегировать спикера от первичной джигсо-группы во вторичные, мотивировать выполнение обязанностей секретаря в группе и спикера группы, исследовать и контролировать учебный, познавательный, воспитательный и развивающий баланс содержания визуализаций и презентаций и этического речевого поведения как фундаментальные аспекты иноязычного образования студентов и школьников в работе по иностранному языку через и во время общения и коллективного сотрудничества.

Актуальными при рассмотрении понятия методических знаний есть определение декларативных и процедурных знаний. Декларативные знания студент получает при непосредственном контакте с источником знаний (Бигич, 2006; Кмить, 2016). В нашем случае, при чтении методической статьи студенты приобретают декларативные знания, которые затем превращаются в процедурные при наблюдении за профессиональной деятельностью других учителей и при непосредственном контакте с профессиональной деятельностью учителя иностранного языка через микро-преподавание на занятиях в университете или при проведении уроков во время педагогической практики. По мнению О.Б. Бигич, ключевым вопросом при формировании знаний являются стратегии их освоения. Среди методов приобретения студентами декларативных и процедурных методических знаний, Бигич выделяет текстологические, которые включают методы приобретения знаний из монографий, учебников, методических рекомендаций (Бигич, 2006).

Научная статья по методике преподавания иностранных языков, таким образом, может быть отнесена к источникам для текстологических методов приобретения декларативных и процедурных знаний будущего учителя, в то время как визуализация научной статьи в контексте джигсо-лекции может быть предпосылкой или основой коммуникативно и проектно-ориентированного формирования методической компетенции будущих учителей иностранного языка.

Для иллюстрации способов визуализации основных структурно-содержательных рубрик научной статьи и их роли в формировании методической компетентности мы рассмотрим основные рубрики научно-методической статьи и их учебный потенциал с акцентом на задания, способствующие формированию терминологической компетентности как важнейшей составляющей методической компетентности. Методическая статья как научная статья состоит из заголовка и аннотации с ключевыми словами, вступительной части, обзора литературы, основной части, заключения и списка использованной литературы.

Работа с заголовком, аннотацией и ключевыми словами может способствовать выработке навыков и умений прогнозирования содержания текста статьи и собственно формирования терминологической компетентности как

способности уметь находить методические термины, уметь подыскивать в тексте той же статьи возможные значимые определения и соотносить их с соответствующим методическим термином с обязательным указанием локации и авторства. Ключевые слова можно разместить в схеме (Схема 1), которая не иллюстрирует последовательную зависимость понятий.

Визуализация статьи С. Николаевой студенткой А.О. Кохан (2016), рис. 1

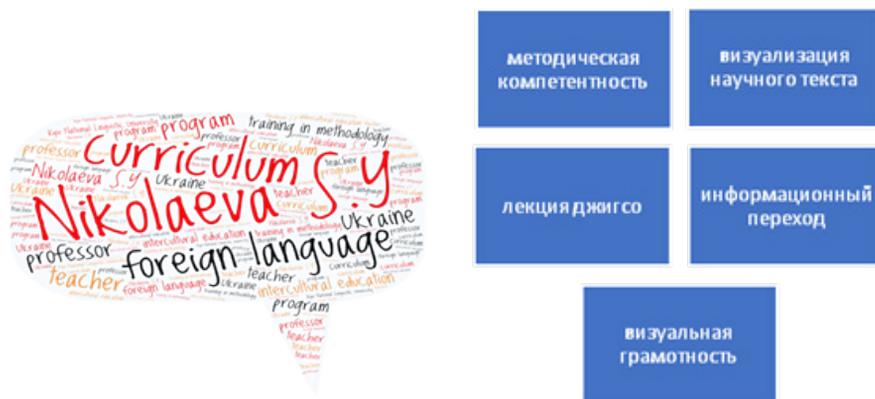

Рис. 1. Вербальный коллаж.

Схема 1. Размещение ключевых слов.

Выработка навыков прогнозирования содержания статьи может происходить в первую очередь на лексическом уровне. С этой целью студентам можно предложить задание по созданию вербального коллажа в форме таблицы или семантического поля в форме облака или в любой другой графической форме, для наполнения визуальной формы методическими терминами, которые содержатся не только в рубрике «Ключевые слова», но и в названии статьи и в аннотации к статье.

Методические термины, взятые с названия статьи, с аннотации к статье и с рубрики «Ключевые слова» (в данном случае мы воспользовались публикацией Джека Ричардса – Jack C. Richards. Curriculum Approaches in Language Teaching: Forward, Central, and Backward Design) могут быть заполнены как преподавателем, так и студентами для работы по прогнозированию студентами содержания статьи. Главное, чтобы эти методические термины заполнялись в «декларативной» таблице «полученных знаний» (“received knowledge” (Wallace, 1991)) взброс без воссоздания парадигматических или синтагматических связей и локализации терминологии научного текста. При этом, последовательность заполнения может быть всегда другой, согласно креативным задумкам или методическим представлениям о системных связях лексико-терминологических гнезд текста у лиц, которые заполняют таблицы, а варьирование и преднамеренная относительная хаотичность последовательности

заполнения методическими терминами может послужить основой для большей или меньшей активизации учебных усилий в процессе последующего воссоздания реальных парадигматических связей терминов и их синтагматических проявлений целевого текста (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Ментальная карта для прогнозирования методических терминов на основе названия статьи, ее аннотации и рубрики ключевых слов

input	Process	outcome	central design	Methods
forward design	Assessment	syllabus design	course design	Methodology
curriculum approaches	syllabus content	curriculum design	syllabus sequencing	backward design
language teaching	classroom processes	curriculum development	learning outcomes	syllabus planning
specification of learning outcomes	Innovative methods of the 1980s and 90s	language teaching programs	The Common European Framework of Reference	language curriculum development

Для прогнозирования содержания текста на основе предложенных таблицы 1 и схемы 1, мы предлагаем таблицу 2 с несколькими внесенными терминами, которые являются, как правило, ядровыми компонентами лексико-терминологических гнезд, содержание которых возможно раскрывать путем прогнозирования, антиципации текстовой информации на основе предыдущих знаний студентов – будущих учителей, которые М. Воллис определил как «существующие концептуальные схемы или ментальные конструкты обучающихся будущих учителей» (Wallace, 1991, 15). Студенты могут заполнять «прогнозирующую» таблицу той лексикой, появление которой они прогнозируют после обсуждения в парах или группах уже заполненных преподавателем важных для содержания визуализируемого текста терминов. Впоследствии, они будут иметь возможность сравнить прогнозируемую часть лексики с реально имеющейся в тексте. Такое сравнение является основой хоть и спорадического, но прочного запоминания отдельных угаданных словоформ и фраз, потому что любая успешная учебная деятельность запоминается лучше, чем неудачная.

Примером может послужить табличное пространство (Таблица 2) для коллажного размещения прогнозируемой лексики без задачи демонстрации внутритекстовых связей. Цель заполнения полей таблицы – воссоздание лексических ассоциаций, которые появились у отдельного студента или небольшой группы студентов не только после прочтения названия исследования, аннотации и ключевых слов уже упомянутой статьи Джека Ричардса, но и после активизации уже имеющегося опыта понимания методических терминов и их внутри-понятийных связей.

Таблица 2. Коллажное размещение прогнозируемой лексики без задачи демонстрации внутритекстовых связей

CLT (Communicative Language Teaching)	ALM (Audio-Lingual Method)	TBLT (Task-based language teaching)	СрБИ (Competency- Based Instruction)	Standards and the Common European Framework of Reference

Для формирования рецептивной терминологической компетентности как способности уметь находить методические термины важна вне-текстовая, до-текстовая и около-текстовая работа, например, знакомство 1) с выделенными заголовками разделов, параграфов, рубрик и основных терминов; 2) с дефинициями учебников по методике, а также основных образовательных документов – учебных программ, методических рекомендаций и Рекомендаций Совета Европы по преподаванию, обучению и оцениванию; 3) со словарными статьями методических терминов словарей по педагогике, психологии и методике преподавания иностранных языков (словарь Азимова (2009)), словарь по прикладной лингвистике на английском языке (Richards, 2002), педагогический словарь Гончаренко (1997) и многие другие, включая многочисленные интернет ресурсы словарно-энциклопедического типа. Уместным для этой цели будут также *просмотр* других методических статей по теме, имеющихся в наличии у каждого студента, и внимательное *прослушивание* на семинарах презентаций статей других студентов с целью подбора дополнительных дефиниций для выбранных терминов, а также *поиск* тематически схожих статей для отбора и накопления дефиниций для одного или нескольких ключевых методических терминов с тем, чтобы были основания для сравнения дефиниций и критического осмысления сущности того или иного методического термина.

Накопленные методические термины и их дефиниции или определения удобнее всего представить в таблице методических терминов и дефиниций с исчерпывающей референционной информацией для выработки навыка цитирования и экноледжмента. Мы предлагаем две разновидности таблиц: одну в ситуации одноязычных задач, и другую – для сопоставления объема значений методического термина в родном языке и в изучаемом иностранном.

Для первой разновидности достаточно разбить таблицу на 4 колонки, где в первой будет обозначаться порядковый номер методического термина, во второй – представлен методический термин, в третьей – одно или несколько его определений, а в четвертой – ссылка на автора/авторов, работу/работы, издательство, место издательства, год издания, общее количество страниц и указание на страницу, с которой было заимствовано определение термина.

Таблица 3. Представление методических терминов и дефиниций в ситуации одноязычных задач (задание выполнено студентом А. Дранниковым)

Пн	Методический термин	Определение	Ссылка
1	Scanning	A type of reading strategy, which is used when the reader wants to locate a particular piece of information without necessarily understanding the rest of a text or passage.	Richards J.C., Schmidt R. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics (4th edition)
2			

Для второй разновидности следует разбить таблицу на 5 колонок, где в первой обозначаем порядковый номер термина, во второй – представляем термин, в третьей – одно или несколько его определений, в четвертой – осуществляем перевод сами или находим перевод в двуязычных словарях (также необходима ссылка, которую можно поставить сразу после перевода или сделать цифровое кодирование и названия источников вынести за пределы таблицы в список литературы), и в пятой колонке – размещаем полную ссылку на источник или на несколько источников.

Таблица 4. Представление методических терминов и дефиниций в ситуации для сопоставления объема значений методического термина в родном языке и в изучаемом иностранном (студентка Х. Йордан).

	Методический термин	Дефиниция, Определение	Перевод Определения	Ссылки
1	Language learner strategy	– conscious mental activity that must contain not only an action but a goal (or an intention) and a learning situation. Whereas a mental action might be subconscious, an action with a goal/intention and related to a learning situation can only be conscious.	свідома психічна діяльність, яка повинна містити не лише дію, а ціль (або намір) і навчальну ситуацію. Оскільки психічна дія може бути підсвідомою, дія, яка має мету/намір і пов'язана з навчальною ситуацією, може бути лише усвідомленою.	1, 2
2	Strategy cluster	the simultaneous combination of different strategies in order to make them more effective. [2; 3]	одночасне поєднання різних стратегій, що використовується задля ефективного результату.	2,3
3				

Литература: 1. Cambridge international dictionary of English. Cambridge: CUP, 1996. XYIII, 1774p. ISBN 0-521-48236 4; 2. Cohen, A.D., Macaro, E. (2007). *Learner Strategies*. Oxford: OUP.; 3. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/>

Для лучшего понимания и запоминания части научной статьи, которая может называться как обзор литературы, возможно использование схем или таблиц. Ниже мы приводим пример схемы, подготовленной студенткой магистратуры для схематического представления:

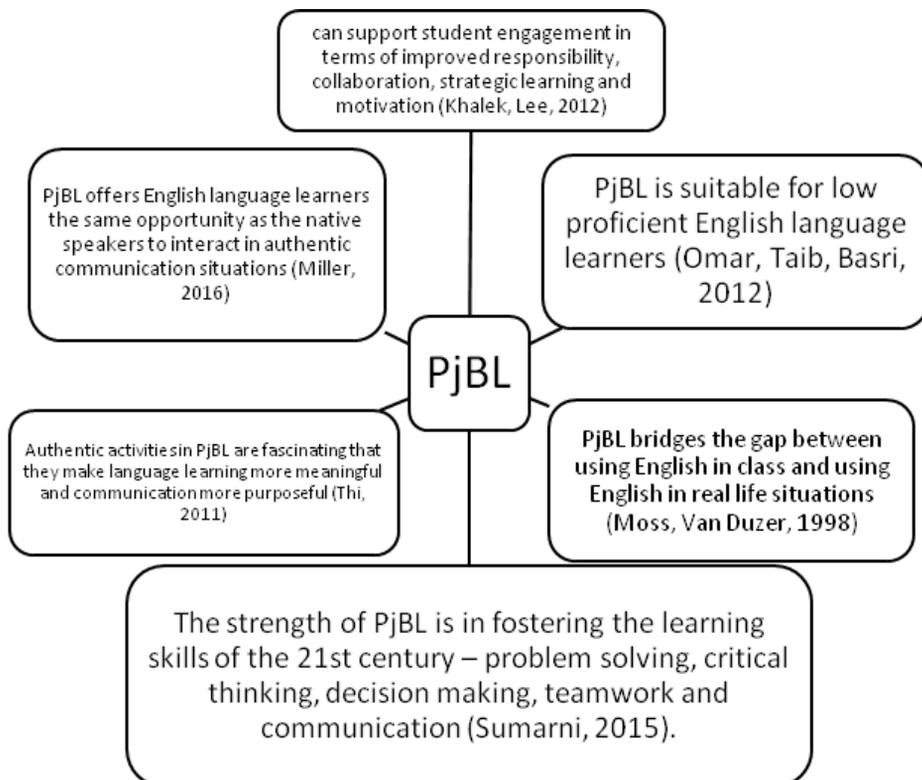

Схема 2. Визуализация обзора литературы.

Эта схема также демонстрирует возможности формирования терминологической компетентности на основе анализа такой рубрики научно-методической статьи как обзор литературы. На схеме представлены ключевые определения различных аспектов проектно-ориентированного обучения, то есть фактически отображены основные дефиниции методического термина: “Project-based Learning”, что создает лингводидактические условия для наглядного анализа дефиниций, их сопоставления и критического оценивания.

Таким образом, проанализировав дефиниции методической компетентности и рассмотрев в контексте ее содержания возможности визуализации научной статьи как предпосылки формирования методической компетенции будущих учителей иностранного языка, а также проиллюстрировав поэим-

ствованные из Word 10, разработанные нами и выполненные студентами способы визуализации рубрик научно-методической статьи, мы пришли к следующим выводам:

1) визуализация научных статей в рамках лекций и семинаров по методике преподавания иностранных языков может стать предпосылкой формирования методической компетенции будущих учителей иностранного языка лишь при условии интеграции этого приема в методический контекст, то есть в процесс его включения в педагогический образовательный дискурс путем профессионального академического общения;

2) оптимальным для этой цели может быть проведение лекции, подготовленной самими студентами, с использованием принципов и приемов метода Джиго;

3) все суб-компетентности методической компетентности получают достаточные возможности для формирования и развития в предложенном методическом контексте;

4) терминологическая компетентность как составляющая методической компетентности, тем не менее, имеет преимущественные условия для ее формирования, поскольку текстовая структура и текстовое содержание научно-методической статьи насыщено методическими терминами и их определениями, от чего специфика научно-методического текста способствует возможности их наглядного сравнения, сопоставления, противопоставления, классификации как на базе лишь выбранного текста, так и с использованием других ресурсов научно-методической литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азимов, А., Шукин, Н. (2009). *Словарь методических терминов*. Москва: Издательство ИКАР.
- Биркун, Л.В. (2019). *Програма навчальної дисципліни «Курс «Англійська мова» у загальноосвітніх навчальних закладах та методика його викладання»*. Вісник КНЛУ. Серія Педагогіка та психологія. Вип. 30., 173–182.
- Биркун, Л.В. (2020). *Програма навчальної дисципліни «Навчально-методичне забезпечення процесу навчання іноземної мови у школах академічного типу»*. Вісник КНЛУ. Серія Педагогіка та психологія. Вип. 32., 175–187.
- Бігич, О.Б. (2006). *Теорія і практика формування методичної компетенції вчителя іноземної мови початкової школи*. Навчальний посібник. Київ: Ленвіт.
- Вербицкий, А.А. (1991). *Активное обучение в высшей школе: Контекстный подход*. (ред.) А.А. Вербицкий. Москва: Высшая школа.
- Вербицкий, А.А. (2000). *Контекстное обучение и становление новой образовательной парадигмы*. Жуковский: МИМ ЛИНК.
- Вербицкий, А.А., Платонова, Т.А. (1986). *Формирование познавательной и профессиональной мотивации студентов*. Вып. 3. Москва: Научно-исследовательский институт высшей школы.
- Выготский, Л.С. (1996). *Педагогическая психология*. Москва: Педагогика-Пресс.

- Гончаренко, С.У. (1997). *Український педагогічний словник*. Київ: Либідь.
- Игна, О.Н. (2010). *Структура и содержание методической компетентности учителя иностранного языка*. Ярославский педагогический вестник. № 1. URL: http://vestnik.uspu.org/releases/2010_1g/22.pdf
- Кміть, О.В. (2016). *Формування методичної компетентності майбутнього вчителя англійської мови початкової школи з позицій контекстного підходу*. Вісник № 135. Серія: Педагогічні науки.
- Корзун, О.О., Савкіна, Е.А. (2017). *К вопросу о формировании словообразовательной компетенции учащихся основной общеобразовательной школы (на материале английского языка)*. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, № 7(73), в 3-х ч., Ч. 2, 197–201.
- Корзун, О.О., Савкіна, Е.А. (2018). *Роль исследовательской компетенции в структуре профессионально-методической компетентности будущих учителей иностранного языка*. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.50>. Источник Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, № 6(84). Ч. 2., 420–424.
- Мацнева, О.А. (2018). *Методична компетентність майбутнього викладача англійської мови як непрофільної дисципліни: сучасний стан дослідженості проблеми*. Інноваційна педагогіка. № 6., 65–68. URL: <http://erpub.chnpu.edu.ua:8080/jspui/handle/123456789/2274>
- Ніколаєва, С.Ю. (2016). *Міжкультурна іншомовна освіта в Україні: ключові проблеми*. С.Ю. Ніколаєва// Науково-методичний журнал «Іноземні мови».
- Семенова, Е.С. (2007). *Формирование профессиональной компетентности будущих учителей иностранного языка на основе контекстного подхода*: автореф. дис. ... канд. пед. наук, Йошкар-Ола.
- Шерстюк, Л.В. (2017). *Сутність та структура методичної компетентності майбутнього викладача-філолога*. Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Вип. № 142. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/VchdpuP_2017_142_50

- Bezemer, J., Kress, G. (2016). *Multimodality, Learning, and Communication. A social semiotic frame*. London and New York: Routledge.
- Cope, B., Kalantzis, M. (1993). *The Powers of Literacy. A Genre Approach to Teaching Writing*. Critical Perspectives on Literacy and Education. London–Washington, D.C.: The Falmer Press.
- Eilam, B. (2012). *Teaching, Learning and Visual Literacy. The dual role of visual representation*. New York: CUP.
- Ellis, N.C. (2013). *Optimising the input: Frequency and Sampling in Usage-Based and Form-Focussed Learning*. The Handbook of Language Teaching, edited by Michael H. Long and Catherine J. Doughty. Wiley-Blackwell.
- Gass, S.M. (1997). *Input, Interaction, and the Second Language Learner*. New Jersey: Michigan State University, Lawrence Erlbaum Associates, Publishers Mahwah.
- Hegarty, J. (2014). *On Creativity. There are no rules*. London: Thames and Hudson.
- Jewitt, C., Bezemer, J., O'Hallor, K. (2016). *Introducing Multimodality*. London and New York: Routledge.
- Kohonen, V., Jaatinen, R., Kaikonen, P., Lehtovaara, J. (2001). *Experiential Learning in Foreign Language Education*. London: Pierson Education Limited.
- Lestik, M., Plous, S. (2012). *"Jigsaw Classroom". Missing or empty*. Retrieved October 24, 2012. URL: https://psychology.wikia.org/wiki/Jigsaw_teaching_method
- Richards, J.C. (2013). *Curriculum Approaches in Language Teaching: Forward, Central, and Backward Design*. RELC Journal 44(1), 5–33.

- Richards, J.C., Platt, H., Schmidt, M., Schmidt, R. (2002). *Dictionary of Language Teaching & Applied Linguistics*. Pearson.
- Wallace, M.J. (1991). *Training foreign language teachers: a reflective approach*. Cambridge [England], New York: Cambridge University Press.
- Widdowson, H.G. (1978). *Teaching Language as Communication*. Oxford: Oxford University Press.

- Azimov, A., Shchukin, N. (2009). *Slovar' metodicheskikh terminov*. Moscow: Izdatel'stvo IKAR.
- Bigych, O.B. (2006). *Teorija i praktyka formuvannja metodychnoi 'kompetencii' vchytelja inozemnoi' movy pochatkovoï shkoly*. Navchal'nyj posibnyk. Kyiv: Lenvit.
- Birkun, L.V. (2019). *Programa navchal'noi distsiplini «Kurs «Angliis'ka mova» u zagal'noosvitnikh navchal'nikh zakladakh ta metodika iogo vykladannya»*. Visnik KNLU. Seriya Pedagogika ta psikhologiya. Vip. 30. 173–182.
- Birkun, L.V. (2020). *Programa navchal'noi distsiplini «Navchal'no-metodichne zabezpechennja protsesu navchannya inozemnoi' movi u shkolakh akademichnogo tipu»*. Visnik KNLU. Seriya Pedagogika ta psikhologiya. Vip. 32., 175–187.
- Goncharenko, S.U. (1997). *Ukraïns'kii pedagogichnii slovník*. Kyiv: Libid'.
- Igna, O.N. (2010). *Struktura i sodержanie metodicheskoi kompetentnosti uchiteľa inostrannogo yazyka*. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. № 1. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2010_1g/22.pdf
- Kmit', O.V. (2016). *Formuvannja metodychnoi' kompetentnosti majbutn'ogo vchytelja anglijs'koi' movy pochatkovoï shkoly z pozycji kontekstnogo pidhodu*. Visnyk № 135. Serija: Pedagogichni nauky.
- Korzun, O.O., Savkina, E.A. (2017). *K voprosu o formirovanii slovoobrazovatel'noi kompetentsii uchashchikhsya osnovnoi obshcheobrazovatel'noi shkoly (na materiale angliiskogo yazyka)*. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, № 7(73), v 3-kh ch., Ch. 2, 197–201.
- Korzun, O.O., Savkina, E.A. (2018). *Rol' issledovatel'skoi kompetentsii v strukture professional'no-metodicheskoi kompetentnosti budushchikh uchitelei inostrannogo yazyka*. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.50>. Istochnik Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, № 6(84). Ch. 2., 420–424.
- Macnjeva, O.A. (2018). *Metodychna kompetentnist' majbutn'ogo vykladacha anglijs'koi' movy jak neprofil'noi' dyscypliny: suchasnyj stan doslidzhenosti problemy*. Innovacijna pedagogika. № 6. 65–68. URL: <http://erpub.chnpu.edu.ua:8080/jspui/handle/123456789/2274>
- Nikolajeva, S.Ju. (2016). *Mizhku turna inshomovna osvita v Ukraïni: ključovi problemy*. Naukovometodychnyj zhurnal «Inozemni movy».
- Semenova, E.S. (2007). *Formirovanie professional'noi kompetentnosti budushchikh uchitelei inostrannogo yazyka na osnove kontekstnogo podkhoda*: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk, Ioshkar-Ola.
- Sherstjuk, L.V. (2017). *Sutnist' ta struktura metodychnoi' kompetentnosti majbutn'ogo vykladacha-filologa*. Visnyk Chernigiv's'kogo nacional'nogo pedagogichnogo universytetu. Vyp. № 142. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/VchdpuP_2017_142_50
- Verbitskii, A.A. (1991). *Aktivnoe obuchenie v vyssei shkole: Kontekstnyi podkhod*. (red.) A.A. Verbitskii. Moscow: Vysshaya shkola.
- Verbitskii, A.A. (2000). *Kontekstnoe obuchenie i stanovlenie novoi obrazovatel'noi paradigmy*. Zhukovskii: MIM LINK.
- Verbitskii, A.A., Platonova, T.A. (1986). *Formirovanie poznavatel'noi i professional'noi motivatsii studentov*. Vyp. 3. Moscow: Nauchno-issledovatel'skii institut vysshei shkoly.
- Vygotskii, L.S. (1996). *Pedagogicheskaya psikhologiya*. Moscow: Pedagogika-Press.

Инна Бубнович

 <https://orcid.org/0000-0003-3420-2869>

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы
Филологический факультет
кафедра русской филологии
230023, Гродно, ул. Ожешко 22
ibubnovich@mail.ru*

Оттопонимические наименования Гродненщины в публицистических и художественных текстах

Toponymy-derived names of the Grodno region in journalistic and literary texts

Резюме

В статье анализируется проблема образования региональных оттопонимических наименований, определяются особенности их функционирования в публицистических и художественных текстах, отражающих жизнь Гродненщины.

Называются исследования, посвященные анализу региональных особенностей онимов и оттопонимических наименований: Гомельщины, Западного Полесья, Поозерья.

Лексикографирование административных названий Гродненской области (районов, сельских советов) осуществлено Е.Н. Рапановичем. Не решены проблемы систематизации и определения нормативности образования оттопонимических наименований; отсутствует научное осмысление соответствия их общебелорусским тенденциям и проявления региональной специфики словообразования и функционирования. Поэтому исследование данной группы лексики является актуальным и социально значимым.

Анализ гродненских оттопонимических дериватов, выявленных нами в старобелорусских и современных текстах, показывает общность словообразовательных моделей, способность к сочетанию с определенными лексико-семантическими группами, что является результатом переименности в развитии топонимической системы разных эпох, стабильности топонимических моделей, способов и средств оттопонимического образования.

Оттопонимические прилагательные с суффиксом *-ск-* (*-цк-*), используемые в текстах СМИ, входят в номенклатурные собственные названия различных организаций и предприятий. Оттопонимическими дериватами с формантом *-щина* являются наименования регионов

и территорий, а также названия жителей населенных пунктов Гродненщины, образованные при помощи суффиксов *-анін, -анк-а, -ан-, -еўчан-е, -чанін/ -чан-е, -ец/-цы, -авец/-аўцы, -енец/-енцы*.

Особенностью оттопонимических наименований в проанализированных произведениях В. Адамчика *Чужая бацькаўшчына* и В. Короткевича *Хрыстос прыязмліўся ў Гародні* является их непосредственная связь с реальными общеполорусскими и гродненскими моделями, что позволяет создавать эффект реального присутствия и выполнять текстообразующую, локализирующую, номинативную, регионально идентифицирующую и другие функции. Отличия в употреблении авторами оттопонимических дериватов обусловлены не только индивидуально-авторским стилем, творческой манерой, но и описываемыми эпохами, событиями, что определяет характер отбора средств и специфики их использования в тексте.

Ключевые слова: оттопонимические наименования, функция, публицистические тексты, художественное произведение, катойконим, деривация.

Summary

The article problematizes the formation of regional toponymic derivatives as well as identifying the attributes of their functioning in the journalistic and literary texts on the life of the Grodno region.

Studies focusing on the analysis of regional features of onyms and toponymic derivatives of the Gomel region, Western Polesie, Poozerye are also referred to.

The lexicographic registration of administrative names of the Grodno region (districts, village councils) was carried out by E. Rapanovich. The questions of systematization of toponymic derivatives, the degree of their standardization and conformity to the overall trends in the development of the Belarusian language, the manifestation of regional peculiarities in their formation and functioning need scientific consideration. Therefore, the study of this lexical group is of current concern and social significance.

The analysis of toponymic derivatives of the Grodno region extracted from Old Belarusian and modern texts reveals common features in their word-building patterns, their ability to combine with certain lexico-semantic groups, which is attributed to the continuity in the development of toponymic system of different periods, stability of toponymic patterns, and methods and means of toponymic derivation.

Toponymy-derived adjectives with the *-ск- (-цк-)* suffix used in the mass-media are employed in the nomenclature proper names of various organizations and enterprises. Toponymic derivatives with the *-шчына* formant are used as the names of regions and territories, the names of residents of the localities of the Grodno region and built with the suffixes *-анін, -анк-а, -ан-, -еўчан-е, -чанін/ -чан-е, -ец/-цы, -авец/-аўцы, -енец/-енцы*.

The relevant feature of toponymic derivatives in the analyzed works of V. Adamchik and V. Korotkevich is their direct connection with the overall Belarusian and specific Grodno region patterns, which generates the effect of reality and performs text-building, localizing, nominative, regional identification, and other functions. The differences in the use of toponymic derivatives by the authors stem not only from their original writing style and creative manner but also from the characteristics of the periods and events described, which determines how these means are selected and used in texts, as well as the range of functions that they fulfill.

Keywords: toponymic derivatives, toponymy-derived names, function, journalistic text, literary text, katoikonim, onym, derivation.

На протяжении XX–XXI вв. белорусские онимы исследовались в различных аспектах: лексикологическом, лексикографическом, семасиологическом, терминологическом, сопоставительном, типологическом, социологическом, историческом, культурологическом и др. Достаточно давно разработаны и описаны методы и приемы анализа ономастического материала, представленные в коллективной монографии *Теория и методика ономастических исследований*, а также статьях (Копач, 2006).

Оттопонимические наименования различных географических объектов и людей в белорусской лингвистике рассматриваются не часто (Генкин, 2000). Однако в последние десятилетия отмечается интерес к изучению словообразовательных и других особенностей оттопонимических прилагательных. Возможно, это обусловлено тем, что адъектонимы представляют специфический словообразовательный разряд, задействованный при создании современной номенклатуры: названий предприятий, административно-территориальных единиц, товаров, антропонимов и т.д. Особую группу в структуре оттопонимических наименований представляют катойконимы – названия жителей городов и деревень. Их образование и употребление рассматриваются в работах, где ставятся и решаются проблемы систематизации, нормализации, лексикографической фиксации и комплексного анализа оттопонимических дериватов.

В российской и белорусской лингвистике получила адекватное описание литературная ономастика как совокупность имен собственных художественного текста, что стало основой для формирования особого раздела ономастики. В работах по ономастике художественных текстов особое внимание уделяется выявлению фоновой информации, «зашифрованной» в тексте, и ее передаче посредством имен собственных, анализируется текстообразующая функция прецедентных имен, специфика семантического приращения антропонимов и топонимов в художественных текстах. Многие исследователи обращают внимание на отличия реально существующей ономастики от художественной, на значение имен собственных в структуре текста, его организации, на выполнение онимами различных функций в языке и тексте.

В белорусской ономастике появились работы, посвященные анализу региональных особенностей онимов и оттопонимических наименований: Гомельщины (Щур, 1992), Западного Полесья (Заика, 1994), Витебского Поозерья (Генкин, 2001) и др.

З.М. Заика провела исследование региональных оттопонимических дериватов западнополесской диалектной зоны (Заика, 1994). На основании языкового материала, записанного ею в полевых условиях, выявленного в лексикографических источниках и текстах СМИ, систематизированного и проанализированного, установлены «структурно-семантические отношения между производящей и производной основами», выявлены «словообразовательные типы и модели адъектонимов и катойконимов», показана их «продуктивность, степень распространения, тенденции развития и функци-

онирования» (Заика, 1994). В работе рассматриваются ойконимы и их производные в официальной и разговорной формах.

Региональные оттопонимические прилагательные и катойконимы стали объектом лексикографического описания В.М. Генкина в *Слоўніку адтапанімічных дэрыватаў Віцебшчыны* (Генкин, 2005), в предисловии к которому автор рассматривает не только специфику фиксации единиц, но и дает сжатый анализ их особенностей (Генкин, 2005, 9–11). Как пишет Генкин, среди дериватов можно выделить 4 группы, согласно степени «прозрачности», а также с учетом степени нормированности и стилистической дифференцированности (Генкин, 2005, 9–11).

Оттопонимические дериваты Гродненщины анализировались мало. Лексикографирование административных названий Гродненской области (районов, сельских советов) осуществлено Е.Н. Рапановичем (Рапановіч, 1982), оттопонимические прилагательные как основа для образования неофициальных наименований людей затрагивалась в статье *Мянушкі насельнікаў Гродзеншчыны* (Бубнович, Сіплівеня, 2006). Не решены проблемы систематизации и определения нормативности образования; отсутствует научное осмысление соответствия оттопонимических наименований общеполорусским тенденциям и проявления в них региональной специфики словообразования и функционирования. Поэтому исследование группы лексики, активно используемой в текстах различных стилей, является актуальным и социально значимым.

Отметим, что история возникновения оттопонимических наименований уходит в дописьменный период. В древнерусских текстах светской историко-повествовательной литературы оттопонимические прилагательные и катойконимы встречаются в составе наименований князей, названий земель, различных явлений и предметов. В *Слове о полку Игореве* отражаются восточнославянские оттопонимические дериваты, среди которых есть и связанные с гродненскими землями: *стола Киевскаго; Трубы трубятъ городеньскии*. Активно употребляются адъективы, образованные от названий городов, в многочисленных летописях: *черниговьская помочь* (Летапісныя аповесці пра паход Ігара); *изяславци, Съмолоньяны, логожаны, полочане, ко дръючаном, новгородци и плесковичи, Аркад епископ новгородскии*, (Іпацьеўскі летапіс); *за Нальцанскимъ княземъ, новгородцѣ* (Галіцка-валынскі летапіс (XIII ст.)) (Бубнович, Памецька, Сіплівеня, 2009).

Самые известные деятели этой эпохи оставили свой след в истории как представители земли, города, где родились, княжили, вели просветительскую деятельность: Евфросиния Полоцкая, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Авраамий Смоленский, Серапион Владимирский, а позже – Давид Городенский, Симеон Полоцкий, Сымон Будный, Василий Тяпинский и другие.

В старобелорусский период оттопонимические наименования Гродненщины отражаются в текстах различных стилей и жанров. Наиболее часто встречаются они в официально-деловых текстах (заявлениях, жалобах,

инвентарях и ревизиях имений, замков, крепостей, завещаниях, решениях копных, земских судов Гродненщины, а также в документах Литовской метрики). В официально-деловом стиле, что является его яркой отличительной чертой, часто используются названия деревень, городов, имений, дворов (з *Одельска, дворе моемъ Свислочи, имена зовемого Берестовицы*), а также производных от них (у *волости Квасовской, именье Гнойницкое, ыменью моемъ Головачовскомъ*). Результаты анализа материала, полученного методом сплошной выборки, позволяют утверждать, что чаще всего используются названия административно-территориальных единиц (*войтовство, волость, поветь, воеводство*), включающие в свой состав оттопонимические прилагательные с суффиксом *-ск-* от ойконимов (*войтовство Гуменицкое, волости Индурское*); урбонимов (*повету Слонимского, повету Лицкого, воеводства Новгородского*), реже соотносимые и с ойконимом, и с гидронимом (*именя Свислоцкого (на реце Свислочи, дворе Свислочи, имена Свислочи)*).

Отойкомические прилагательные входят в состав различных локализованных наименований объектов естественного происхождения (*заросли Чецевлянские, пуци Городенское*) и созданных людьми (*везенья Индурского, местечко Жыровицкое, имена Олексицкого, при костеле Одельскимъ*); органов власти (*урад городенский*), различных объединений (*жидове всего збору Городенского*); обозначают расположения или принадлежность земельных угодий (*грунтъ, нива, земля* и под.) (*грунт Грандыцкій*), названия дорог (*Вертилишская дорога*); для обозначения людей по занимаемой должности (*наместникъ, подстаростий, староста, земянинъ* и др.) на определенной территории (*старосты Крынского и Квасовского, попъ Новодворскій, врядникъ Девятковский, державце Кзгерановскому, подпробоца Ейсимонтовского*) (Бубновіч и др., 2009). Отдельно можно рассматривать фамилии владельцев имений, деревень Гродненщины, зафиксированные в официальных летописях Великого Княжества Литовского, деловых документах (*Мосаляны – князь Мосальский, Малыцына – Якубъ Малыцынскій*) (Бубновіч и др., 2009).

Естественно, что оттопонимические дериваты используются и в старобелорусских летописях при повествовании о фактах и событиях, которые происходили на гродненских землях, о людях и войсках, представляющих Гродненщину в значимых битвах, переговорах и т.д. Гродненские оттопонимические наименования встречаются и в памятниках мемуарной литературы, написанных жителями этих земель. Например, в *Дневнике* новогрудского подсудка Ф. Евлашевского не раз упоминаются названия населенных пунктов (*Кзгородно (Городно), Слоним, Новгородок, Волковыйск, Кзгравжишки*) и производные от них: *за заповітrenom мяста Новокгородского, року 68 по сойме Кзгороденском, умарл пан Александэр Ходкевич, староста городенский, в повете Новгородском мешкала*) и т.д., которые сочетаются с различными апеллятивами и входят в наименования должностей, административно-территориальных единиц (Еўлашоўскі, 1983).

Анализ и сравнение гродненских оттопонимических дериватов, выявленных нами в старобелорусских и современных текстах, отражает общность словообразовательных моделей, способность к сочетанию с определенными лексико-семантическими группами, что является результатом переименности в развитии топонимической системы разных эпох, стабильности топонимических моделей, способов и средств оттопонимического образования.

В современных гродненских СМИ оттопонимические наименования выполняют различные функции. Многие топонимы характеризуют локальное пространство региона, а антропонимы отражают особенности именования лиц на данной территории. Оттопонимические наименования в большинстве случаев выступают в качестве атрибутивов, сочетаясь с различными апеллятивами. Производными от урбонимов являются собственные названия: административно-территориальных единиц (районов, области): *Астровецкі, Зэльвенскі, Смаргонскі, Гродзенскі, Ваўкавыскі*; компоненты различных составных наименований образованы от ойконимов и урбонимов: *Вялікабэраставіцкі, Дзярэчынскі, Вялікаэйсмантаўскі, Гервятцкі*; параллельно в текстах зафиксированы ойконимы: *Бераставіца, Макараўцы, Сынкавічы, Масаляны, Алекшыцы, Пархімаўцы, Шчучын* и др.

Оттопонимические прилагательные являются компонентом названий предприятий сельскохозяйственного профиля: *СГФ Дабраселецкі*; школ, медицинских и других учреждений: *Варнянская школа у Міхалішкаўскай аптэцы, Міхалішкаўская бальніца, Міхалішкаўскай паляўнічай дачы, Воранаўскі Дом раместваў; Іўеўскі лягас, Іўеўскі музей нацыянальных культур, Іўеўскае райспажыўтаварыства, организаций, объединений (парафий, команд, деканатов), газет: Міхалішкаўскай парафії, Міхалішкаўскай каманды* и т. д.

При образовании таких дериватов используется преимущественно суффикс *-ск-/-цк-*: *Алекшыцкі, Антрапянскі, Астровецкі, Беньяконскі, Бераставічанскі, Воранаўскі*, сложный суффикс *-оўск-/ -аўск-*: *Масты – Мастоўскі, Эйсманты – Эйсмантаўскі*.

Оттопонимическими дериватами являются названия регионов и территорий, образованных при помощи топоформанта *-ичына* и соотносимых с административно-территориальным делением Гродненской области на районы: *Гродзенічына, Ашмяннічына, Бераставічына, Ваўкавышчына* и т. д.

В СМИ нами выявлены названия жителей населенных пунктов Гродненщины: *ашмянцы, бераставічане, варнянец (варнянцы), гервятцы, дзярэчынцы, лідчане, смаргонцы* и т. д., образованные от урбонимов и ойконимов при помощи суффиксов: *-анін* (м. р. *астраўчанін*), *-анк-а* (ж. р. *астраўчанка*), *-ан-е* (мн. ч. *астраўчане, бераставічане, эйшышчане*), *-еўчан-е* (мн. ч. *іўеўчане*), *-ец* (м. р. *варнянец*, мн. ч. *варнянцы*), мн. ч. *смаргонцы, гервятцы, дзярэчынцы*), *-авец/-аўцы* (мн. ч. *галынкаўцы*), *-енец/-енцы* (м. р. *зэльвенец*, мн. ч. *зэльвенцы, гродзенцы*). Функционирование многочисленных катойконимов связано с живой разговорной речью, но в их образовании проявляется

тенденция к нормированию, выработке единых моделей, характерных для белорусского языка, но имеющих региональную специфику.

Оттопонимические наименования в текстах СМИ выполняют различные функции: текстообразующую, номинативную, регионально идентифицирующую, дифференцирующую, консолидирующую. Благодаря оттопонимическим дериватам проявляется специфика региона на различных уровнях (историческом, экономическом, географическом и др.), а в первую очередь на языковом. Топонимы и их дериваты позволяют читателю чувствовать свою принадлежность к жителям данной территории, информация становится не безличной, а адресной.

Результаты анализа материала отражают особенности использования оттопонимических наименований и проявления их функций в публицистическом и художественном стилях. В художественном тексте реализуется и функция создания ономастического фона разворачивающихся событий, посредством которой действие локализуется в пространстве, времени.

В художественном произведении огромную роль в выборе топонимов и их дериватов играет знание истории региона автором, его цель и замысел, манера письма, принадлежность к определенному направлению; данная сфера – это проявление языковой личности писателя, что прослеживается нами на примере анализа романов В. Адамчика *Чужая бацькаўшчына* и В. Короткевича *Хрыстос прыязмліўся ў Гародні*.

Оттопонимические дериваты в романе *Чужая бацькаўшчына* гродненского писателя В. Адамчика выполняют различные функции: локализирующую при сочетании с лексемами, указывающими на географический (природный) объект: лес (*дарога... ішла між верасаўскім лесам і лезнявіцкім полем*), хвойнік (*На грудах... чорным гарбом уставаў, падымаўся хвойнік – яшчэ верасаўскі*); объекты, созданные людьми: касцел (*За карычневымі голымі дрэвамі, дзе чарнелі граковыя гнезды, за нізкім тоўстым мурам з жалезнаю брамаю стаяў чырвоны дварчанскі касцел*), хата (*Толькі каля першых дварчанскіх хат згінуў*), части сельскохозяйственных объектов (*вялікі палтак жыта межваў з верасаўскімі дзялкамі; на лезнявіцкім полі паднімалася рунь; недалёка за лезнявіцкім жытам*) (Адамчык, 1978). Однако данная локализация имеет условный характер. Автор при помощи оттопонимических дериватов создает эффект присутствия в данном месте и конкретизирует время. Оттопонимические наименования в романе входят в официальные названия немногочисленных учреждений: *Ен пайшоў тады ў пяты клас Дварчанскай школы* (Адамчык, 1978). Номинативная, локально-идентифицирующая функция реализуется при сочетании с лексемами, указывающими на людей, живущих в определенной местности, как это принято на Гродненщине: каваль (*Раз заехаў да яго дварчанскі каваль Мазура*), начлежнік (*сення ўночы верасаўскія начлежнікі накралі ў Лезнявічах палатно*), баба (*Лезнявіцкая баба казалася наранкі*), кравец (*Пасля гэтага*

Улас Корсак ужо аддаў сына на кватэру да дварчанскага краўца Моўшы), паплаўнічы, пастушок (Летась лезнявіцкі паплаўнічы, якога агулам наймала веска пільнаваць поле, абязвечыў верасаўскага пастушка), краўчыха (як былі дзеці ў дварчанскае краўчыхі) (Адамчык, 1978).

В тексте встречаются составные единицы, топонимообразующей основой которых стали ойконимы, обозначающие названия поселений, возникших раньше: *Толькі за вескаю, на Прылуцкіх хутарах, у нечым акне тлеў жоўты агонь* (Адамчык, 1978).

Номинативная дифференцирующая функции ярко проявляются в наименовании жителей населенных пунктов (катойконимах), особенно в контекстах, где отчетлива оппозиция свой – чужой: *Пасля гэтага верасаўцы асцерагаліся паплаўнічага; Гаварыла яна не так, як усе верасаўцы, – прыйшла сюды замуж здалек, з-пад Світазі; Верасаўцы слухалі яе, у каго-небудзь крывілася ад смеху губа, жмурыліся вочы, і ен ужо трос галавою: «Фэйчар, што скажаші»* (Адамчык, 1978).

Естественно, что оттопонимические наименования Гродненщины, реально существующие, отличаются от ономастики художественной прежде всего выполняемыми функциями. На значение имен собственных в структуре текста, его организации влияют те цели и задачи, которые ставит перед собой и решает автор. Особенностью стиля В. Адамчика является максимальное приближение к реалистическому изображению западнобелорусской жизни накануне второй мировой войны, поэтому в романе используются ойконимы: а) реально существующие *Дварчаны* (Рапановіч, 1982, 81), *Лезнявічы* (Рапановіч, 1982, 137), *Прылукі* (Рапановіч, 1982, 199), б) образованные по моделям, зафиксированным на Гродненщине (*Верасава* сравните с *Вераскава* (Рапановіч, 1982, 51)). Писатель использует преимущественно названия и оттопонимические дериваты нескольких деревень, ограничивая пространство конкретного действия треугольником *Верасава – Лезнявічы – Дварчаны*, остальные места (*Прылукі, Прылуцкія хутары* и др.) находятся на периферии, поэтому функции, выполняемые ими в тексте, тоже разные.

В романе В. Короткевича *Хрыстос прызямліўся ў Гародні* оттопонимических образований немного, связаны они преимущественно с крупными населенными пунктами Гродненщины, что придает повествованию обобщенность и философичность. Оттопонимические дериваты, выявленные в данном произведении, это прилагательные с суффиксом *-ск-* (*-цк-*), в составных названиях улиц (*Малая Скідзельская, вяла на ўсход. Яна злівалася з Вялікай Скідзельскай*), частей города (*За апошняю з Гародзенскіх слабод*); дорог (*на Лідскай дарозе і за брамай выходзіла на Скідзельскі шлях*); объектов, находящихся в городе: брама (*Каля Лідскай брамы (...)* моўчкі стаяў народ), синагога (*Дарога мая ішла паўз падвор'е старой Слонімскай синагогі*), замок (*І, наблізіўшыся да Любчанскага замка, узвеў ен вочы*), школа (*Ніводная з гродзенскіх мечных ці сякерных школаў не*

вучыла вучняў чамусьці падобнаму); больших территорий: зямля (*Юнака звалі Кашпар Бекеш. І калі нехта стварыў у той час славу Гродзенскай зямлі, то гэта ен і Крыштафовіч*), наваколле (*хадакі са Шчучынскага наваколля*); военных, религиозных объединений: войска (*І ўсе ведалі: менавіта яму дадуць тысячніка, калі з выпадку вайны трохі павялічыцца гародзенскае войска*), кагал (*Ну, мяне выгналі са Слонімскага кагалу*), сінкліт (*...А слауты гародзенскі сінкліт сядзеў між тым у паўночным прытворы дварцовай царквы*); социальных групп и сословий (*Ваўкавыскія мужыкі; Страпануліся мірскія коннікі; Не слухай, люд наваградскі; Наваградскім мяшчанам, як і ўвогуле тагачасным мяшчанам, зброяю пагражаць не варта было*) (Караткевіч, 1972).

При описании прецедентных явлений и событий, которые происходили на территории населенного пункта, необходимым текстообразующим средством являются оттопонимические прилагательные: *І хаця нэндзы яны пасля наваградскага рабунку не адчувалі* (Караткевіч, 1972).

Оттопонимические дериваты автор использует при характеристике героев, где они выполняют номинативную, регионально идентифицирующую, дифференцирующую функции: *Рыгор Гародзенскі (Сядзеў акрамя іх схіз-мат [...], правялебны Рыгор Гародзенскі, а ў міры Гіляр Балвановіч)*, должностей (*Ты ведаеш, што ен заплаціў доўг старога Слонімскага войта; ваявода наваградскі*). В романе оттопонимические прилагательные сочетаются как с именами собственными (*І што паны будуць есці недзе ў нейкага там наваградскага Шабса?*), так и с нарицательными (*Раней я думаў, што большага дурня, чым слонімскі рабін, не стварыў мудры бог*) (Караткевіч, 1972).

Катойконимы в художественных произведениях, исследованных нами, используются крайне редко. В романе В. Короткевича *Хрыстос прыязмліўся ў Гародні* есть единичные примеры: *Гародзенец адзін прыязджаў*. Выявлен оттопонимический дериват с суффиксом *-ичына*: *На Гародзенічыне мог цяпер бязбедна жыць з працы сваей* (Караткевіч, 1972).

Как видим, в художественных текстах велика текстообразующая функция прецедентных онимов, транслирующих фоновую информацию, а оттопонимические дериваты фактически выполняют функцию опознавательного знака, маркирующего данную местность и ее жителей. Антропонимы и топонимы в проанализированных художественных произведениях способны к семантическому приращению, поэтому авторы обращают внимание на сходства и отличия реально существующей ономастики от художественной, на значение имен собственных в структуре текста, его организации, на выполнение онимами различных функций в тексте. Кроме номинативной, дифференциальной и других функций, общих для реальных и художественных онимов, в текстах романов реализуется и функция создания ономастического фона разворачивающихся событий, посредством которой действие локализуется в пространстве, времени.

Система оттопонимических дериватов Гродненщины, выявленных в текстах СМИ и художественных произведениях, характеризуется наличием многочисленных словообразовательных моделей, сложившихся исторически на данной территории, и вариантностью.

В современных СМИ фиксируются варианты, закрепленные официально. Чаще всего оттопонимические прилагательные с суффиксом *-ск-* (*-цк-*) входят в номенклатурные собственные названия административно-территориальных единиц (районов, области), органов исполнительной власти (районных и сельских комитетов), являются структурным компонентом названий предприятий сельскохозяйственного профиля; учреждений образования (школ, яслей, детских садов, колледжей, гимназий), медицинских учреждений (аптек, больниц, амбулаторий), организаций, объединений (парафий, команд, деканатов), газет и т.д. Оттопонимическими дериватами с формантом *-шчына* являются наименования регионов и территорий, которые в старобелорусском языке использовались для наименования участков земель по фамилиям, именам владельцев, видов наследства.

Названия жителей населенных пунктов Гродненщины, образованные при помощи суффиксов *-анін*, *-анк-а*, *-ан-*, *-еўчан-е*, *-чанін/ -чан-е*, *-ец/-цы*, *-авец/-аўцы*, *-енец/-енцы*, отражаются в текстах СМИ. Катоиконимы в художественных произведениях, исследованные нами, используются крайне редко.

В художественных произведениях сочетаются реальные и вымышленные оттопонимические дериваты, но особенностью проанализированных произведений В. Адамчика и В. Короткевича является их непосредственная связь с реальными общебелорусскими и гродненскими моделями, что позволяет оттопонимическим наименованиям органично включаться в текст, создавать эффект реального присутствия и выполнять текстообразующую, локализирующую, номинативную, регионально идентифицирующую, дифференцирующую и другие функции. Отличия в употреблении разными авторами оттопонимических дериватов обусловлены не только индивидуально-авторским стилем, творческой манерой, но и описываемыми эпохами, событиями, что определяет характер отбора средств и специфики их использования в тексте.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамчык, В. (1978). *Чужая бацькаўшчына*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- Бубнович, І.І., Памецька, Н.К., Сіплівеня, Ж.С. (2009). *Гісторыя беларускай мовы: хрэстаматыя*. Гродна: ГрДУ.
- Бубнович, І.І., Сіплівеня, Ж.С. (2006). *Мянушкі насельнікаў Гродзеншчыны*. В: *Актуальныя пытанні славянскай ономастыкі*. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Славянская ономастыка в ареальном, этимологическом, хронологическом аспектах». 6–7 октября 2006 года, 25–31. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины.

- Генкин, В.М. (2001). *Катойконимия Белорусского Поозерья* В: *Белорусское Поозерье: язык и духовная культура*, 82–106. В.М. Генкин (ред.) А.М. Мезенко и А.В. Русецкого. Минск: Белорусская наука.
- Генкін, У.М. (2000). *Назвы асоб па мясцовасці і нацыянальнасці ў старабеларускай мове*. В: *Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм: тэзісы дакл. VIII міжнар. Карскіх чытанняў*. 14–17 снежня 2000 г. Мінск–Гродна, 190–194. Гродзенскі дзярж. ун-т імя Янкі Купалы; адказны рэд. М.І. Канюшкевіч; рэд. кал.: С.М. Антонова, Н.С. Грэбеншчыкова, С.А. Горская, і інш. Гродна: ГрДУ.
- Генкін, У.М. (2005). *Слоўнік адтапанімічных дэрываатаў Віцебшчыны*. Віцебск: Выдавецтва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава».
- Еўлашоўскі, Ф. (1983). *Успаміны*. В: *Помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII*, 31–122. Мінск: Навука і тэхніка.
- Заика, З.М. (1994). *Оттопонимические дериваты в ареале западнополесских говоров*: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.2002. Минск.
- Караткевіч, У. (1972). *Хрыстос прыязміўся ў Гародні*. Мінск: «Мастацкая літаратура».
- Копач, О.И. (2006). *К вопросу о методике когнитивно-ономастиологического исследования топонимов*. В: *Актуальные вопросы славянской ономастики*. Материалы Международной научной конференции “Славянская ономастика в ареальном, этимологическом, хронологическом аспектах”. 6–7 октября 2006 года, 120–129. Гомель.
- Рапановіч, Я.Н. (1982). *Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці*. Пад рэд. П.П. Шубы. Мінск: Навука і тэхніка.
- Теория и методика ономастических исследований* (1986). Москва.
- Штур, Т.М. (1992). *Тыпалогія назваў асоб жыхароў Гомельшчыны*. В: *Беларуская анамастыка*, 47–52. Мінск: Навука і тэхніка.

- Adamchuk, V. (1978). *Chuzhaja bac "kawshchyna*. Minsk: Mastackaja litaratura.
- Bubnovich, I.I., Pamec"ka, N.K., Siplivenja, Zh.S. (2009). *Gistoryja belaruskaj movy: hrjestamatyja*. Grodna: GrDU.
- Bubnovich, I.I., Siplivenja, Zh.S. (2006). *Mjanushki nasel"nikaw Grodzenshchyny*. V: *Aktual'nye voprosy slavyjanskoj onomastiki. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Slavyjanskaja onomastika v areal'nom, etimologicheskom, hronologicheskom aspektah»*. 6–7 oktjabrja 2006 goda, 25–31. Gomeľ: GGU im. F. Skoriny.
- Ewlashowski, F. (1983). *Uspaminy*. V: *Pomniki memuarnej litaratury Belarusi XVII*, 31–122. Minsk: Navuka i tjechnika.
- Genkin, V.M. (2001). *Katoikonimiya Belorusskogo Poozer'ya* V: *Belorusskoe Poozer'e: yazyk i dukhovnaya kul'tura*, 82–106. V.M. Genkin (red.) A.M. Mezenko i A.V. Rusetskogo. Minsk: Belorusskaya nauka.
- Genkin, U.M. (2000). *Nazvy asob pa mjascovasci i nacyjanal"nasci w starabelaruskaj move*. V: *Mova w sviatle klasichnaj spadchyny i suchasnyh paradygm: tjezisy dakl. VIII mizhnar. Karskih chytannjaw*. 14–17 snezhnja 2000 g. Minsk–Grodna, 190–194. Grodzenski dzjarzh. un-t imja Janki Kupaly; adkazny rjed. M.I. Kanjushkevich; rjed. kal.: S.M. Antonava, N.S. Grjebenshchykova, S.A. Gorskaja, i insh. Grodna: GrDU.
- Genkin, U.M. (2005). *Slownik adtapanimichnyh djeryvataw Vicebshchyny*. Vicebsk: Vydavectva UA «VDU imja P.M. Mashjerava».
- Karatkevich, U. (1972). *Hrystos przyjamliwsja w Garodni*. Minsk: «Mastackaja litaratura».
- Kopach, O.I. (2006). *K voprosu o metodike kognitivno-onomasiologicheskogo issledovaniya toponimov*. V: *Aktual'nye voprosy slavyjanskoj onomastiki*. Materialy Mezhdunarodnoi

- nauchnoi konferentsii «Slavyanskaya onomastika v areal'nom, etimologicheskom, khronologicheskom aspektakh». 6–7 oktyabrya 2006 goda, 120–129. Gomel'.
- Rapanovich, Ja.N. (1982). *Slovník nazvav naselenyh punktav Grodzenskaj voblasti*. Pad rjed. P.P. Shuby. Minsk: Navuka i tjehnika.
- Shchur, T.M. (1992). *Typalogija nazvav asob zhyharow Gomel''shchyny*. V: *Belaruskaja anamastyka*, 47–52. Minsk: Navuka i tjehnika.
- Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovanií* (1986). Moscow.
- Zaika, Z.M. (1994). *Ottoponimicheskie derivaty v areale zapadnopolesskikh govorov*: avtoref. diss. kand. filol. nauk: 10.02.2002. Minsk.

Евгения Дмитриева

 <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Волгоградский государственный университет

Институт филологии и межкультурной коммуникации

Кафедра русской филологии и журналистики

400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100

eg_dmitrieva@volsu.ru

Функции эмотивной лексики как средства реализации религиозно-нравственного идеала в житийных текстах XVIII–XX веков

Functions of emotive vocabulary as a means of pursuing religious and moral ideal in the hagiographic texts of the 18th-20th centuries

Резюме

В статье представлены результаты анализа оригинальных агиографических текстов XVIII–XX веков, которые изучены с позиций синхронно-диахронического подхода как единый массив, характеризующийся общностью культурных смыслов, передаваемых языковыми единицами, и свидетельствующий о непрерывности русской житийной традиции, которая во многом обеспечивалась опорой на выявленные значимые для русской языковой картины мира личностные качества подвижника, составляющие религиозно-нравственный идеал.

При анализе эмотивной лексики, используемой в агиографических текстах, было установлено, что лексика эмоций в житии выявляет существенные для понимания концепции автора смыслы, становится важным средством создания образа святого. Данные языковые единицы употребляются в ключевых фрагментах житийного текста с целью описания и характеристики людей, предметов и явлений действительности, связаны с использованием топосов и реализуют в житии ряд функций, прежде всего – характерологическую и текстообразующую. При реализации характерологической функции релевантны следующие параметры: 1) статус характеризуемого субъекта (святой / обычный человек); 2) характер обозначаемой глаголом эмоции (положительная / отрицательная / нейтральная) и ее интенсивность (низкая / средняя / высокая); 3) причина эмоционального переживания. Выступая связующим элементом содержательно-смыслового пространства и формальной организации текста в анализируемых житиях, лексика эмоций реализует текстообразующую функцию.

Ключевые слова: житие, эмотивная лексика, лексическая семантика, функционирование.

Summary

The article shares the results of an analysis of original hagiographic texts from the period between the 18th and 20th centuries from the standpoint of the synchronous-and-diachronic approach as a single array characterized by common cultural meanings conveyed by linguistic units. It demonstrates the continuity of the Russian hagiographic tradition, which was largely relying on personal qualities that were significant for the Russian linguistic consciousness of hallowed individuals and based on the religious and moral ideal.

The analysis of emotive lexis helped highlight the methods of composing the images of saints in hagiographic texts. It is also intended to convey the author's major concepts. Such lexical items have several functions. They are found in the central segments of texts that characterize people, objects, and various phenomena. Besides, they provide descriptions of the topos. The following parameters are distinguished: 1) the status of the described object (saint/ordinary person); 2) the specificity of an emotion conveyed in the verb (positive/negative/neutral) as well as its intensity (low/medium/high); 3) the cause of emotional suffering. In hagiographic texts the lexis of emotions seems to be a link between the content and the formal structure of the text, thus fulfilling a text-composing function.

Keywords: hagiography, emotive vocabulary, lexical semantics, functioning.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Интерес к вопросам семантики и функционирования языковых единиц в лингвистических исследованиях вызван необходимостью дальнейшего изучения соотношения языка и текста, большой перспективностью применения современных методов семантического и лингвокультурологического анализа к объектам языковой системы в разные периоды ее развития.

В центре нашего внимания находится фундаментальная проблема отражения в языке культурно значимых смыслов, рассматриваемая применительно к конкретному текстовому материалу в аспекте концептуализации представлений о нравственном идеале в русском религиозном языковом сознании.

Материалом для исследования послужили языковые факты, извлеченные методом сплошной выборки из малоизученных житийных текстов XVIII–XX вв. Для сопоставления привлекались данные житий начала XXI в. Языковой материал принимается за единый массив фактов.

Нравственный идеал рассматривается нами как широкая категория, характерная для разных типов человеческих обществ; применительно к русским агиографическим текстам следует говорить о религиозно-нравственном идеале как морально-этической норме, образце человеческого поведения и отношений между людьми, черпающем свои истоки в христианских ценностях и добродетелях, тесно связанном с представлениями о святости, но не тождественном ей.

В выражении нравственно-религиозного идеала в житийном тексте особую роль играет лексика эмоций, что обусловлено ее особой функциональной нагрузкой.

ФУНКЦИИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ЖИТИЙНОМ ТЕКСТЕ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

По словам Н.С. Трубецкого, автор жития решает ряд задач, описывая события жизни подвижника, которые должны сделать его примером для подражания и свидетельствовать о его избранности (Трубецкой, 1995). Применительно к эмотивам в этой связи можно говорить о реализации ими в агиографическом тексте целого комплекса функций.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что в своем поведении герои житий часто руководствуются эмоциями. Таким образом, эмотивы, указывая на причинно-следственные связи, называя мотивы поступков, косвенно играют роль в развитии сюжета (сюжетоформирующая функция).

Во-вторых, лексика эмоций, выступая в качестве ключевых слов, формирует смысловые доминанты текста, определяет его композицию (текстообразующая функция).

В-третьих, посредством описания эмоциональных переживаний героев, автор текста дает им прямую или косвенную характеристику (характерологическая функция).

В-четвертых, описание эмоциональной жизни подвижника, а также его высказывания по этому поводу выступают как поучение для читателя (дидактическая функция).

В-пятых, эмотивы являются важнейшим средством концептуализации и экспликации представлений о внутреннем мире человека, ценностных ориентирах (лингвокультурная функция).

В-шестых, эмотивы формируют особый эмоциональный фон повествования, выражающий православное мироощущение (мировоззренческая функция).

Думается, что среди названных функций собственно лингвистическое содержание имеют характерологическая, текстообразующая и лингвокультурная.

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

1. Под характерологической функцией языковых единиц в нашей работе понимается «употребление их в речи (тексте) с целью описания и характеристики людей, предметов и явлений действительности» (Дмитриева, 2011б, 44).

К факторам, определяющим специфику реализации характерологической функции, относятся: 1) статус характеризуемого субъекта (святой/

обычный человек); 2) характер обозначаемой эмоции (положительная/ отрицательная/ нейтральная) и ее интенсивность (низкая/ средняя/ высокая); 3) причина эмоционального переживания (Дмитриева, 2011). Рассмотрим данные факторы подробнее.

Носителями эмоционального переживания в агиографическом тексте выступают святые или подвижники, а также священники и миряне. В каждом случае перечень «допустимых» эмоций будет разным. Так, святые или подвижники не могут характеризоваться лексемами, обозначающими отрицательные чувства, направленные на другого человека, такими как *ненавидеть*, *ненависть*, *гнев*, *гневаться*, *ярость* и под. Следует отметить, что переживания, которыми наделяется Бог, стоят несколько особняком. Н.А. Бердяев писал по этому поводу:

Богу... несколько не боясь приписать гнев, ревность, месть и пр. аффективные состояния, которые считаются предосудительными для человека. Существует глубокая пропасть между пониманием человеческого совершенства и Божественного совершенства (Бердяев, 1998, 41).

Поскольку объектом рассмотрения в данном исследовании являются лексические средства репрезентации нравственного идеала, в фокусе нашего внимания всегда находится святой или подвижник благочестия – центральный образ жития (жизнеописания).

Важным в тексте жития оказывается отражение языковыми единицами деления эмоциональных переживаний на положительные и отрицательные; не охарактеризованные по данному признаку в изолированном употреблении эмотивы мы относим к называющим нейтральные состояния (например, *изумиться*, *изумление*, *дивиться*, *удивляться*, *удивление* и под.).

Такое деление принято большинством лингвистов (см., например: Апресян, 1995; Шаховский, 2009; Vanach, 1988; Borek, 2012; Duszak, Pawlak, 2003; Duszak, Pawlak, 2005; Wierzbicka, 1996 и др.) и опирается на принятые в психологии классификации (Вилюнас, 1984, 20). Однако если в психологии оно однозначно связано с противопоставлением полярных эмоций удовольствия / неудовольствия (см., например, в работах В. Вундта, Б.И. Додонова, К. Изарда, П.В. Симонова и др.), в языке и тексте это противопоставление осложняется связью личностных представлений с системой оценок, порождаемых обществом (ср. *радость* и *злорадство*). Поэтому так важно, на наш взгляд, говорить о причине эмоционального переживания.

Кроме того, описываемые в житиях эмоциональные переживания часто получают дополнительную характеристику по интенсивности.

2. Характерологическая функция эмотивной лексики в агиографическом тексте может проявляться двояко: с одной стороны, читатель получает представление о тех или иных чертах персонажа и оценивает его, исходя

из демонстрируемых им чувств и эмоций, с другой стороны – сами эмоции могут получать ту или иную оценку, будучи соотнесенными с определенными субъектами. В первом случае речь идет об обычных людях – священнослужителях или мирянах, во втором случае эмоциональные переживания образуют жесткую систему координат, связываясь либо с божественными проявлениями, либо с дьявольскими.

Принятое в науке деление эмоций на положительные и отрицательные в житийных текстах теряет свою однозначность, поскольку положительные эмоции могут оцениваться отрицательно, а отрицательные – положительно. Например, выступая в нейтральном контексте, глагол *бояться* является глаголом состояния, обозначающим протекание отрицательной, средней по интенсивности эмоции, относящейся к сфере субъекта, характеризующегося как конкретный, одушевленный. Однако, когда речь идет о нуминозных эмоциях – о Страхе Божьем, он перестает обозначать отрицательную эмоцию:

страх, в разных модусах, постоянно присутствует в читательском восприятии жития. Но житийный страх не рабский, а подданнический, не болезнен, а сладостен, ведет к смиреннию и душевному миру и в этом смысле – очищает (Берман, 1982, 179–180).

Это вовсе не означает, что при характеристике подвижников автор жития не использует наименований отрицательных эмоций. Можно выделить допустимые (поощряемые) отрицательные эмоциональные переживания или их проявления. К таковым, в частности, относятся эмоции, называемые лексемами *скорбь*, *скорбеть*, *плакать*, *плач* и под. Существительное *скорбь* в житийных текстах выступает в двух значениях: «горесть, печаль, сокрушение духа» или «беда, несчастье» (*Словарь церковно-славянского и русского языка...*, 1847б, 136), глагол *скорбеть* отмечается в значении «чувствовать скорбь, печалиться» (*Словарь церковно-славянского и русского языка...*, 1847б, 136). В житийных текстах скорбь описывается как реакция на тяготы повседневной жизни, внешним проявлением этой скорби выступает плач, например:

Такъ пребываль отрокъ, упражнясь въ чтеніи и сказанномъ поученіи. Въ особенноти же онъ *скорбьль* и *плакаль*, недоумѣвая – что дѣлать (*Житіе молдавскаго старца Паисія Величковскаго...*, 1906, 9).

Обращаясь к монаху Амфилохию, ректор сказал, что существует три вида *скорбей*: это *скорби*, присущие всем христианам в их стремлении к небесному совершенству вследствие несоответствия действительности идеалу: «многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22), эти *скорби* спасительны; во-вторых, это *скорби* уныния перед высотой Евангельского идеала. «Монахам присущ второй вид *скорбей*, и путь избавления от них – это молитва и созерцание примеров добродетелей». И, в-третьих,

это *скорби* пастырские, которыми страдал Христос в саду Гефсиманском в ночь, в которую был предан за спасение мира (Мф. 26, 38) (Игумен Дамаскин (Орловский), 2002, 6).

Отдельной составляющей религиозно-нравственного идеала можно считать борьбу с отрицательными эмоциями, называемыми в христианской традиции страстями:

Старец учил, что новонаначальному иноку прежде всего должно заботиться о познании себя и укрощении своих *страстей* (*Житие преподобного Льва, старца Оптинского*, 2017, 47);

«Не угашайте духа, но паче возгревайте его терпеливо молитвою и прилежным чтением святоотеческих и Священных Писаний, *очищая сердце от страстей*», – завещал умирающий Батюшка (*Житие преподобного Варсонофия*, 2017, 361).

Именно чистота сердца видится реализацией нравственного идеала:

Преподобный никогда ничем не соблазнялся, никого не осуждал и не порицал; ни о ком не изменял благой мысли; на все и на всех смотрел чистым оком, чем доказывал, что стяжал *чистое сердце* (*Житие преподобного Антония*, 2017, 147),

погруженность в жизнь духовную:

Старец Павел больше любил жить жизнью внутренней, духовною, а потому мало заботился о внешней чистоте и опрятности (*Житие святого Павла, старца и чудотворца Таганрогского*, 2001, 30).

Важной составляющей характеристики святого является реакция на действия окружающих, испытывающих отрицательные чувства:

Отъ всего сердца и отъ всей души *прощать ближнему всякое оскорбление*, въ надеждѣ отпущения и своих грѣховъ; ибо кто не прощаетъ ближнему своему проступковъ или какой-либо обиды, тотъ и самъ отнюдь не получить отпущения грѣховъ своихъ отъ отца небеснаго (*Житіе молдавскаго старца Паусія Величковскаго...*, 1906, 9).

Идеалом в такой ситуации видится всепрощение и отпущение грехов.

Тем не менее отмечаются единичные случаи, когда подвижники испытывают сильные отрицательные чувства, направленные на объект:

Все обиды и печали блаженная сносила безропотно, лишь однажды, когда Ксения уже стала почитаться за угодницу Божию, жители Петербургской стороны видели ее в *страшном гневѣ*... Видя безропотно и беззащитность блаженной, они [злые дети] стали бросать в нее грязью и камнями. Тогда, по-видимому, и у блаженной не хватило терпенья (*Святая блаженная Ксения Петербургская*, 2014, 12–13).

Однако во всех подобных случаях противоречие снимается причиной эмоционального переживания.

3. Таким образом, важным для понимания авторской интенции оказывается рассмотрение эмоциональных переживаний включенных в причинно-следственные отношения, то есть эмоции оцениваются еще и по тому, что их вызвало и к чему они привели. Например, так агиограф разъясняет, чего надо бояться:

отнюдь не осуждать ближняго своего, хотя бы и своими очами увидѣль, что онъ грѣшитъ; ибо осуждающій ближняго своего *самъ себѣ присвоаетъ достоинство Божіе*; а есть ли что *страшнѣе* сего? (*Житіе молдавскаго старца Паисія Величковскаго...*, 1906, 8–9), –

а так на примере подвижника показывает, что нужно делать в минуты отчаяния:

Такъ пребывавль отрокъ, упражняясь въ чтеніи и сказанномъ поученіи. Въ особенности же онъ скорбѣль и плакаль, недоумѣвая – что дѣлать. И вотъ онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и со многими и горькими слезами, бѣя въ перси свои, *началъ припадать ко Христу Богу и молиться* дабы Онъ поставилъ его на путь спасенія (*Житіе молдавскаго старца Паисія Величковскаго...*, 1906, 9).

Достаточно часто действия или качества подвижника выступают причиной эмоционального состояния окружающих и таким образом получают оценку:

Когда же Петръ, ставъ предъ святителемъ, толково и съ подобающею почительностью произнесъ приготовленные къ сему случаю однимъ ученымъ мужемъ стихи, Владыка *обрадовался*, благословилъ его, и сказалъ: быть тебѣ наслѣдникомъ (родительскаго мѣста) (*Житіе молдавскаго старца Паисія Величковскаго...*, 1906, 6).

Именно учет причинно-следственных связей внутри контекста (текста) позволяет полнее описать религиозно-нравственный идеал, поскольку оказывается важным не столько испытывать определенные чувства, сколько направлять их на определенные объекты:

И такъ *любилъ* онъ *молчаніе*, что даже самая мать его рѣдко слышала его говорящимъ; ибо онъ былъ кротокъ, весьма *стыдливъ* и сдержанъ *не только въ отношеніи къ людямъ постороннимъ, но и къ своимъ* (*Житіе молдавскаго старца Паисія Величковскаго...*, 1906, 6).

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Помимо характерологической, эмотивная лексика в агиографических текстах реализует еще ряд функций, к важнейшим из которых можно отнести текстообразующую, понимаемую нами как «способность языковых еди-

ниц быть связующим элементом содержательно-смыслового пространства и формальной организации текста» (Дмитриева, Акимова, 2011, 46).

В Житии святителя Илариона, митрополита Суздальского, наиболее употребительными эмотивами являются лексемы с корнем *-люб-*: прилагательное *любимый* – «пользующийся большею перед другими любовью; предпочитаемый другому» (*Словарь церковно-славянского и русского языка...*, 1847а, 274), существительные *любимецъ* – «пользующийся чьим-либо особенным благорасположением» (*Словарь церковно-славянского и русского языка...*, 1847а, 274), *любитель* – «имеющий к чему-либо особенную привязанность» (*Словарь церковно-славянского и русского языка...*, 1847а, 274), *любовь* – «сердечная к кому-либо привязанность» (*Словарь церковно-славянского и русского языка...*, 1847а, 274), глагол *полюбить* – сов. к *любить* – «иметь к кому-либо любовь, сердечную привязанность», «иметь к чему-либо особую склонность» (*Словарь церковно-славянского и русского языка...*, 1847а, 274).

Как показал проведенный анализ, перечисленные языковые единицы употребляются в ключевых фрагментах житийного текста, связаны с реализацией топосов. Так, повествуя о детских годах святителя Илариона (в крещении – Иоанна), автор жития отмечает, что пребывание в монастыре помогло очень рано сделать выбор жизненного пути будущему подвижнику:

Такимъ образомъ едва не съ младенчества Богу угодно было поставить Иоанна свидѣтелемъ суровыхъ иноческихъ подвиговъ – и здѣсь, въ безмолвіи монастыря, въ постѣ, молитвѣ, послушаніи, хожденіи въ церковь, протекло дѣтство будущаго подвижника Иларіона, и монашескіе подвиги сдѣлались навсегда *любимымъ* занятіемъ отрока Иоанна (Георгиевскій, 1914, 4).

Еще въ с. Кириковѣ онъ былъ наученъ отцемъ своимъ грамотѣ и здѣсь въ монастырѣ съ *любовію* предавался чтенію св. писанія и душеполезныхъ книгъ (Георгиевскій, 1914, 4).

Из чего можно заключить, что лексика эмоций в Житии является важным средством создания образа святого и выявляет существенные для понимания концепции автора смыслы, реализуя текстообразующую функцию.

Описывая жизнь подвижников, автор подчеркивает любовь, с которой они относились к окружающим и которая повсюду их сопровождала. Высокая частотность употребления лексем с семантикой любви, традиционно характеризующее тексты житий, можно считать проявлением житийного канона, нацеленного на установление определенной эмоционально-нравственной атмосферы, особого «православного» мирочувствования (мировоззренческая функция).

Тем не менее жизнь подвижника не всегда наполнена любовью окружающих:

Мачиха сильно *не взлюбила* свою падчерицу и всячески старалась выразить ей свое *нерасположеніе* (*Блаженная Ирина Зеленогорская*, 1996, 229);

Благочестивая старица Ирина, *переняла немало горя от неразумных* на своемъ вѣку, тихо скончалась за молитвою, будучи почти ста лѣтъ отъ роду (*Блаженная Ирина Зеленогорская*, 1996, 230).

Однако неизменнымъ остается терпение подвижника, его душевная стойкость, оптимизм:

Безпрерывно находясь въ трудѣ, она глубочайшимъ смиреніемъ и своимъ *неизмѣнно веселымъ настроеніемъ*, съ какимъ исполняла всѣ возлагавшіяся на нее работы, воодушевляла къ трудамъ и прочихъ сестеръ обители... (*Блаженная Ирина Зеленогорская*, 1996, 230).

Сопоставление разныхъ текстовъ показало, что на фоне общей частотности лексемъ с корнемъ *-люб-* могутъ быть выделены повторяющиеся «ключевые характеристики» святыхъ и подвижниковъ в рамкахъ отдельныхъ житій. Например, чувство удивления, которое испытываютъ окружающие при общении с подвижникомъ, является своеобразнымъ маркеромъ избранности:

Таково было усердіе къ Богу въ этомъ *дивномъ* еще десятилѣтнемъ отрокѣ! Всѣ видѣвшіе и слышавшіе о немъ люди благоразумные *удивлялись* его добронравію, ревности и усердію, и прославляли Бога... (*Житіе молдавскаго старца Паисія Величковскаго...*, 1906, 6).

В качестве «ключевого» чувства можетъ выступать и уважение:

Всѣ жители Сѣнной площади ... относились къ ней съ глубокимъ *уваженіемъ*, видя въ ней не простую побирушку-нищую, а Христа ради юродивую... (Рахманинъ, 1908а, 3);

Еще большимъ *уваженіемъ* стала пользоваться А.И., когда стали замѣчать, что она обладаетъ замѣчательнымъ даромъ прозорливости и что предсказанія ея исполняются буквально (Рахманинъ, 1908а, 3);

Молва о строгой, подвижнической жизни Анны Ивановны ... широко разнеслась по Петербургу и доставила Аннѣ Ивановнѣ ото всѣхъ глубокое *почитаніе* и *уваженіе*, хотя сама Анна Ивановна всячески и старалась убѣгать *почитанія*, для чего нерѣдко заводила на улицахъ шумъ, ссоры то съ извозчиками, то съ прохожими (Рахманинъ, 1908а, 4).

В жизнеописании блаженной Ксении ведущимъ чувствомъ оказывается переживание счастья:

Прожила она съ мужемъ около двухъ лѣтъ; дѣтей не имѣла; по земному была вполнѣ *счастлива*. Но неожиданная смерть молодого, любимаго мужа, въ которомъ для Ксеніи заключалась вся цѣль и *счастіе* жизни, все измѣнила. Ксенія сразу поняла суетность *счастія* земного и рѣшилась всецѣло посвятить себя на достиженіе *счастія* на небѣ, въ Богѣ (Рахманинъ, 1908б, 3 с. 3–4);

Это мнѣніе еще болѣе усилилось, когда стали замѣчать, что появленіе Ксеніи въ какомъ-либо домѣ, или лавкѣ, всегда приносило *счастіе*... (Рахманинъ, 1908б, 3 с. 3–4);

На могилку эту шли всѣ удрученные какимъ-либо горемъ, всѣ *несчастные*, и всѣ они, по мѣрѣ вѣры, получали молитвенную помощь и утѣшеніе (Рахманинъ, 1908б, 3 с. 5).

При этом важным оказывается развитие этого чувства: от счастья личного через счастье соприкосновения с Божественным к счастью общественному, служение которому может обеспечить добрую память и после смерти. Здесь воплощается важная, на наш взгляд, составляющая русского нравственного идеала – примат общественного, соборного над личным, индивидуальным, что позволяет говорить о реализации эмотивной лексики еще одной функции – лингвокультурной.

ВЫВОДЫ

Таким образом, выявлены константные особенности употребления эмотивов, отмеченные в рассматриваемых житиях синодального и современного периодов и свойственные русской житийной традиции в целом: 1) значимость качественной характеристики эмоционального переживания (положительное/ отрицательное/ нейтральное), 2) наличие частотных («ключевых») лексем, определяющих общий эмоциональный фон житийного текста и позволяющих говорить как о типизации, так и об индивидуализации образа святого, 3) релевантность высокой интенсивности эмоционального переживания, свидетельствующей об ориентации на предельные нравственные значения, 4) реализация эмотивами комплекса собственно лингвистических (характерологической, текстообразующей, лингвокультурной) и экстралингвистических (сюжетоформирующей, дидактической и мировоззренческой) функций. Лексика эмоций в агиографических текстах выражает такие черты русского религиозно-нравственного идеала, как чистота сердца (полный отказ от страстей), любовь к ближнему и окружающему миру в целом, любовь «равная» и жертвенная, принятие скорбей земного бытия, терпение и недопустимость уныния.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апресян, Ю.Д. (1995). *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*. В: *Избранные труды*. Т. II. *Интегральное описание языка и системная лексикография*, 348–388. Москва: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Бердяев, Н.А. (1998). *О назначении человека*. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика.
- Берман, Б.И. (1982). *Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия)*. В: *Художественный язык средневековья*, 159–183, В.А. Карпушин (ред). Москва: Наука.
- Блаженная Ирина Зеленогорская* (1996). В: *Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков.: Сентябрь*, 226–230. Козельск: Введен. Оптина Пустынь.

- Виллонас, В.К. (1998). *Основные проблемы психологической теории эмоций*. В: *Психология эмоций. Тексты*, 3–28. Москва: Издательство Московского университета.
- Георгиевский, В.Т. (1914). *Житие и подвиги святителя Илариона, митрополита Суздальскаго*. Петроград: Сводная Типография.
- Дмитриева, Е.Г. (2011). *Характерологическая функция эмотивной глагольной лексики в древнерусских и старорусских текстах*. В: *Слово в языке и тексте*, 42–55. Волгоград: Волгоградское научное издательство.
- Дмитриева, Е.Г., Акимова, Э.Н. (2011). *Функции эмотивной лексики в Повести о Петре и Февронии*. Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 2, Языкознание. № 2(14), 45–49.
- Игумен Дамаскин (Орловский) (2002). *Житие священномученика Амфилохия (Скворцова), епископа Красноярского*. Тверь: «Булат».
- Житіє молдавського старця Паисія Величковського* (переложено со славянського на російській мові архим. А.) (1906). Свято-Троїцька Сергієва Лавра: Собствена типографія.
- Житие преподобного Антония* (2017). В: *Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления*, 135–156. Введенский ставропигиальный мужской монастырь. Оптина пустынь.
- Житие преподобного Варсонофия* (2017). В: *Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления*, 345–363. Введенский ставропигиальный мужской монастырь. Оптина пустынь.
- Житие преподобного Льва, старца Оптинского* (2017). В: *Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления*, 35–50. Введенский ставропигиальный мужской монастырь. Оптина пустынь.
- Житие святого Павла, старца и чудотворца Таганрогского* (2001). Москва: Лествица.
- Рахманин, Е. (1908а). *Прот. Раба Божія Анна (Юродивая Анна Ивановна Лашкина или Лукашева)*. Санкт-Петербург: «Электротпечатня» Я. Кровицкого.
- Рахманин, Е. (1908б). *Прот. Раба Божія Блаженная Ксенія*. Санкт-Петербург: «Электротпечатня» Я. Кровицкого.
- Святая блаженная Ксения Петербургская* (2014). Москва: Благовест.
- Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ: в 4 т.* (1847а). Т. 2. Санкт-Петербург: Въ Типографіи Императорской Академіи наукъ.
- Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ: в 4 т.* (1847б). Т. 4. Санкт-Петербург: Въ Типографіи Императорской Академіи наукъ.
- Трубецкой, Н.С. (1995). *История. Культура. Язык*. Москва: Издательская группа «Прогресс».
- Шаховский, В.И. (2009). *Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии*. Волгоград: Перемена.

- Banach, A. (1988). *O szczęściu*. Kraków: Wydawnictwo lit.
- Borek, M. (2012). *Uczucia i emocje w rosyjskich i polskich metaforach. Aspekt lingwistyczny*. Katowice: Uniwersytet Śląski; Oficyna Wydawnicza.
- Duszak, A., Pawlak, N. (red.) (2003). *Anatomia gniewu. Emocje negatywne w językach i kulturach świata*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Duszak, A., Pawlak, N. (red.) (2005). *Anatomia szczęścia. Emocje pozytywne w językach i kulturach świata*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Wierzbicka, A. (1996). *Semantics. Primes and universals*. New York–Oxford: Oxford University Press.

- Apresyan, Yu.D. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya*. V: *Izbrannye trudy*. T. II. *Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya*, 348–388. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN.
- Berdyayev, N.A. (1998). *O naznachenii cheloveka*. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub; Respublika.
- Berman, B.I. (1982). *Chitatel'zhitiya (Agiograficheskii kanon russkogo srednevekov'ya i traditsiya ego vospriyatiya)*. V: *Khudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya*, 159–183, V.A. Karpushin (red). Moscow: Nauka.
- Blazhennaya Irina Zelenogorskaya (1996). V: *Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov.: Sentyabr'*, 226–230. Kozel'sk: Vveden. Optina Pustyn'.
- Dmitrieva, E.G. (2011). *Kharakterologicheskaya funktsiya emotivnoi glagol'noi leksiki v drevnerusskikh i staroruskikh tekstakh*. V: *Slovo v yazyke i tekste*, 42–55. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo.
- Dmitrieva, E.G., Akimova, E.N. (2011). *Funktsii emotivnoi leksiki v Povesti o Petre i Fevronii*. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 2, Yazykoznanie. № 2(14), 45–49.
- Georgievskii, V.T. (1914). *Zhitie i podvigi svyatitelya Ilariona, mitropolita Suzdal'skago*. Petrograd": Cvnodal'naya Tipografiya.
- Igumen Damaskin (Orlovskii) (2002). *Zhitie svyashchennomuchenika Amfilokhiya (Skvortsova), episkopa Krasnoyarskogo*. Tver': «Bulat».
- Rakhmanin", E. (1908a). *Prot. Raba Bozhiya Anna (Yurodivaya Anna Ivanovna Lashkina ili Lukasheva)*. St. Petersburg": «Elektropechatnya» Ya. Krovitskogo.
- Rakhmanin", E. (1908b). *Prot. Raba Bozhiya Blazhennaya Kseniya*. St. Petersburg": «Elektropechatnya» Ya. Krovitskogo.
- Shakhovskii, V.I. (2009). *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii*. Volgograd: Peremena.
- Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlenniy Vtorym "otdreniem" Imperatorskoi Akademii nauk": v 4 t. (1847a)*. T. 2. St. Petersburg": V" Tipografii Imperatorskoi Akademii nauk".
- Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlenniy Vtorym "otdreniem" Imperatorskoi Akademii nauk": v 4 t. (1847b)*. T. 4. St. Petersburg": V" Tipografii Imperatorskoi Akademii nauk".
- Svyataya blazhennaya Kseniya Peterburgskaya* (2014). Moscow: Blagovest.
- Trubetskoi, N.S. (1995). *Istoriya. Kul'tura. Yazyk*. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress».
- Vilyunas, V.K. (1998). *Osnovnye problemy psikhologicheskoi teorii emotsii*. V: *Psikhologiya emotsii. Teksty*, 3–28. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Zhitie moldavskago startsa Paisiya Velichkovskago (perelozheno so slavyanskago na russkii yazyk" arkhim. A.)* (1906). Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra: Sobstvennaya tipografiya.
- Zhitie prepodobnogo Antoniya* (2017). V: *Prepodobnye startsy Optinskie. Zhitiya i nastavleniya*, 135–156. Vvedenskii stavropigial'nyi muzhskoi monastyr'. Optina pustyn'.
- Zhitie prepodobnogo L'va, startsa Optinskogo* (2017). V: *Prepodobnye startsy Optinskie. Zhitiya i nastavleniya*, 35–50. Vvedenskii stavropigial'nyi muzhskoi monastyr'. Optina pustyn'.
- Zhitie prepodobnogo Varsonofiya* (2017). V: *Prepodobnye startsy Optinskie. Zhitiya i nastavleniya*, 345–363. Vvedenskii stavropigial'nyi muzhskoi monastyr'. Optina pustyn'.
- Zhitie svyatogo Pavla, startsa i chudotvortsya Taganrogskogo* (2001). Moscow: Lestvitsa.

Дзмітрый Дзятко

 <https://orcid.org/0000-0002-9544-3423>

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

Філалагічны факультэт

Кафедра мовазнаўства і лінгвадыдактыкі

220030, Мінск, вул. Савецкая, д. 18, корп. 2

lingby@gmail.com

Ілюстрацыйны параметр у лінгвістычнай тэрмінаграфіі

Illustrative parameter in linguistic terminography

Рэзюмэ

Мэта артыкула – на матэрыяле тлумачальных слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў прааналізаваць канстытуцыйна-кантэнтныя асаблівасці ілюстрацыйнага параметра ў структуры слоўнікавага артыкула. Праблема вывучаецца ў чатырох аспектах: ступень даследаванасці ілюстрацыйнага параметра ў лінгвістыцы; фактары, якія ўплываюць на аб’ём і характар ілюстрацый у слоўніках; спосабы ўключэння ілюстрацый у структуру слоўнікавага артыкула; тыпы ілюстрацый, якія выкарыстоўваюцца ў метатэрмінаграфіі. Ілюстрацыі ў лексікаграфіі ў цэлым і ў тэрмінаграфіі ў прыватнасці дастаткова важныя, паколькі дазваляюць: канцэптуальна дапоўніць інфармацыю ў дэфініцыі; прадэманстраваць характар кантэксту, у якім можа выступаць рэестравае слова; адрозніць адно значэнне ад другога; ідэнтыфікаваць разнастайныя граматычныя мадэлі і вызначыць сферу тыповых спалучэнняў; акрэсліць сферу выкарыстання рэестравай адзінкі і інш.

Ключавыя словы: лексікаграфія, тэрмінаграфія, ілюстрацыя, слоўнік, тэрмін, слоўнікавы артыкул.

Summary

The purpose of the article is to analyze the constitutional and content-related features of illustrative parameters within the structure of a dictionary entry, drawing upon the material of explanatory dictionaries of linguistic terms. The problem is studied in four aspects: the degree of research of illustrative parameter in linguistics; factors affecting the volume and nature of images in dictionaries; ways to include images in the structure of a dictionary entry; types of images used in

metaterminography. Images in lexicography in general and in terminography in particular are quite important, since they allow the user to: supplement the information contained in the definition conceptually; demonstrate the nature of the context in which a registered word can be used; distinguish one meaning from another; identify various grammatical models and determine the scope of typical combinations; outline the scope of use of a registered unit, etc.

Keywords: lexicography, terminography, image, dictionary, term, dictionary entry.

У тэорыі лексікаграфіі і тэрмінаграфіі асаблівае значэнне надаецца вывучэнню мікраструктуры слоўніка – зместу і арганізацыі слоўнікавых артыкулаў, у якіх апісваюцца адпаведныя рээстравыя адзінкі. Пры гэтым на працягу некалькіх апошніх дзесяцігоддзяў слоўнікавы артыкул нярэдка кваліфікуецца як спецыфічны від тэксту (Schaefer, 1987), які ствараецца па пэўных канонах з улікам асаблівасцей канкрэтнага матэрыялу і фармальна-кантэнтнага нападзення іншых суадносных фрагментаў у межах выдання.

«Цела» слоўнікавага артыкула складаецца з шэрагу інфармацыйных зон. Іх колькасць, паслядоўнасць і нападзенне (г. зн. адлюстраванне розных слоўнікавых параметраў) у канкрэтным выданні «вызначаецца спецыфікай мовы, лексікаграфічнай традыцыяй адпаведнай краіны, тыпам і прызначэннем слоўніка і поглядамі дадзенага вучонага» (Гак, 1998, 462–463). Важным фактарам уплыву на мікраструктуру з’яўляецца тып слоўніка – тлумачальны, перакладны, рээстравы. Больш рэдкія тлумачальна-перакладныя слоўнікі па структуры максімальна набліжаны да тлумачальных, але, як правіла, адрозніваюцца паслядоўнай наяўнасцю іншамойных эквівалентаў.

Мэта гэтага даследавання – на матэрыяле тлумачальных слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў прааналізаваць канстытуцыйна-кантэнтныя асаблівасці ілюстрацыйнага параметра ў структуры слоўнікавага артыкула.

З гэтай мэтай мы паспрабуем адказаць на чатыры ўзаемазвязаныя пытанні:

- 1) у якой ступені даследаваны асаблівасці ілюстрацыйнага параметру ў лінгвістыцы;
- 2) якія фактары ўплываюць на аб’ем і характар ілюстрацый у слоўніках;
- 3) якім чынам ілюстрацыі ўключаюцца ў «цела» слоўнікавага артыкула;
- 4) якія тыпы ілюстрацый выкарыстоўваюцца ў тлумачальных слоўніках лінгвістычных тэрмінаў.

Матэрыялам для даследавання паслужылі беларускія слоўнікі лінгвістычных тэрмінаў (як аўтаномныя, так і інкарпараваныя), укладзеныя ў перыяд з 1962 г. да 2019 г.

Метады даследавання – апісальны метады сінхроннага аналізу, параўнальна-супастаўляльны метады і асобныя прыемы кампанентнага аналізу.

У беларускай мове слова *ілюстрацыя* (ад лац. *illustratio* ‘выява, жывое апісанне’) выкарыстоўваецца з некалькімі значэннямі, што пацвярджаецца дадзенымі тлумачальных слоўнікаў і кантэкстамі:

1) дзеянне паводле дзеяслова *ілюстраваць* – даць (даваць) малюнку, якія суправаджаюць, паясняюць змест твора: *У дэталях я яшчэ не прадумаў плана, а ў асноўных рысах ён такі – абысці пехатою цэлы раён, апісаць яго, сабраць народныя песні, легенды і іншыя віды народнай творчасці, багата ілюстраваць свае падарожжы фатаграфіямі...* (Якуб Колас); *У Законе двойчы падаецца ілюстрацыя Токія, аднак анідзе не тлумачыцца* (З. Саўка);

2) малюнак у кнізе, часопісе, які суправаджае тэкст або тлумачыць змест: *На 80-й старонцы як ілюстрацыя да артыкульчыка «Хлопчыкі і сінічка» нарысавана заместа сінічкі чубатая жаваранка* (Якуб Колас);

3) прыклад, які дапаўняе, пацвярджае што-н.: *Давераснеўская біяграфія паэта – красамоўная ілюстрацыя лесу перадавой заходнебеларускай моладзі* (Я. Брыль).

У тэарэтычнай лексікаграфіі і тэрмінаграфіі паняцце *ілюстрацыя* мае 2 асноўныя значэнні:

1) зона слоўнікавага артыкула, у якой падаецца кантэкставае выкарыстанне рээстравай адзінкі;

2) малюнак, які суправаджае семантызацыю рээстравай адзінкі або змяняе яе.

Другое значэнне (разам з першым) больш актуальнае для слоўнікаў агульнаўжывальнай лексікі, дыялектных, вучэбных слоўнікаў, некаторых слоўнікаў тэрмінаў (напр., тэхнічных, археалагічных, мастацтвазнаўчых і інш.), асобных публікацый па гісторыі і метадалогіі лексікаграфіі. У прыватнасці, у артыкуле І.У. Галуза разглядаюцца дзісенскія і пінскія этнаграфічныя малюнкi Я. Драздовіча як спроба ўкладання тэматычнага слоўніка (выкарыстанне мастацкіх ілюстрацый у функцыі дэфініцый) (Галуза, 2017). У іншых даследаваннях вывучаюцца кантэкставыя (Сидоренко, 2006; Судачков, 2005 і інш.) і працэдурныя (Семенова, 2019) аспекты лексікаграфічнага ілюстравання.

У еўрапейскай тэрмінаграфіі *зона ілюстрацый* найчасцей характарызуецца як *азначальны кантэкст* – г. зн. тэкст, які дазваляе карыстальніку вывесці значэнне паняцця ўскосна. Увогуле паняцце кантэксту больш шырокае за паняцце *зона ілюстрацый*, паколькі з’яўляецца істотным не толькі для тэрмінаграфічнай, але і для тэрміналагічнай працы. Па сутнасці, вылучэнне кантэкстаў, іх даследаванне і фрагментацыя з’яўляецца прапедэўтычным этапам стварэння слоўніка – «калі сістэмы паняццяў і паслядоўныя азначэнні яшчэ не сфармуляваны» (ISO, 30).

Такім чынам, праблема фарміравання ілюстрацыйнага параметру ў слоўнікавым артыкуле застаецца маладаследаванай. На гэтую акалічнасць слухна звяртае ўвагу Р. Drysdale. Вучоны бачыць прычыну такой сітуацыі

ў тым, што лексікографы, на яго думку, не разглядаюць падбор прыкладаў у якасці сферы рэальнага выкарыстання сваіх лексікаграфічных навываў (Drysdale, 1987).

Традыцыйны падыход да слоўнікавага азначэння тэрміна грунтуецца на ўказанні неабходных і дастатковых прымет, якія дазваляюць аднесці аб'ект да катэгорыі іншых падобных аб'ектаў. Даследаванні па тэорыі стэрэатыпаў і прататыпічнай семантыцы сведчаць пра недастатковасць прадстаўлення значэння толькі ў яго дэнататыўнай характарыстыцы. Таму, на думку Р. Stock, лексікографы павінны змяніць свае ўяўленне пра самую структуру дэфініцыі і ўключаць у яе энцыклапедычную інфармацыю ў тым аб'ёме, які дэтэрмінуецца стэрэатыпам лексічнай адзінкі (Stock, 1992).

У асобных выпадках ілюстрацыя выконвае не дапаможную, а вызначальную ролю ў семантызацыі тэрміна. Так, паводле меркавання Е.А. Шерстянниковой, пры апісанні гістарычнага матэрыялу часам цяжка зразумець, што стаіць за тым або іншым тэрмінам у таго або іншага аўтара. Складана, напрыклад, дакладна вызначыць, што меў на ўвазе ў XVIII ст. М.Г. Курганаў пад паняццем *предвзятіе*: «Предвзятіе есть, когда нѣкое непринятое слово бываетъ въ частяхъ разумѣваемо: сыновья мои учатся, Яковъ грамматики, Петръ азбуки, Павелъ ходитъ и говоритъ» (Шерстянникова, 2019, 335).

Істотным фактарам, які ўплывае на аб'ём і характар ілюстрацый, з'яўляецца адрасацыя слоўніка. Асаблівае значэнне маюць прыклады ў вучэбных слоўніках. На падставе эксперыменту са студэнтамі, якія вывучаюць англійскую мову як замежную, В. Laufer прыйшоў да шэрага высноў:

- 1) засваенне новай лексікі больш эфектыўнае лепш, калі словы не толькі маюць азначэнне, але і ілюструюцца прыкладамі ўжывання;
- 2) прыклады, пабудаваныя лексікографам, больш карысныя для разумення новых слоў у параўнанні з аўтэнтычнымі тэкставымі ілюстрацыямі;
- 3) на эфектыўнасць сканструяваных прыкладаў агульнае веданне лексікі ўплывае менш, чым пры выкарыстанні аўтэнтычных тэкстаў (Laufer, 1992).

Яшчэ менш распрацавана праблема выкарыстання кантэкстуальных прыкладаў у тэрмінаграфіі. Фактычна яна амаль ігнаруецца ўсходнеславянскімі лінгвістамі і асвятляецца ў адзінкавых замежных публікацыях. Галоўным чынам аналізуюцца аспектыя праблемы, звязаныя з падборам і падачай ілюстрацыйнага матэрыялу ў канкрэтных слоўніках. Так, Ж.М. Барахоева пры распрацоўцы зонавай структуры слоўніка лінгвастылістычных тэрмінаў вылучае зону прыкладаў і адзначае, што яна можа фарміравацца ў двух напрамках: прыкладамі з лінгвастылістычнай літаратуры для ілюстрацыі сучаснага тэрмінаўжывання і прыкладамі выкарыстання аналізуемых сродкаў у адпаведных слоўнікавых артыкулах (Барахоева, 2002, 119). У даследаванні «Спецыяльныя моўныя тэрміны: роля кантэкстуальных прыкладаў, рэпрэзентатыўнасць узораў і нарматыўныя патрабаванні» пад кантэкстуальным прыкладам разумеецца тэкставы фрагмент, які змяшчае загаловачную адзін-

ку (слова) або марфалагічна звязаную форму слова, якая падаецца разам з загаловачным словам і іншай інфармацыяй у слоўнікавым артыкуле (Ahmad, Fulford, Rogers, 1992). Ілюструецца, як правіла, семантычная, граматычная або прагматычная інфармацыя пра рээстравую адзінку. У якасці кантэкстуальных прыкладаў могуць выкарыстоўвацца вытрымкі з аўтэнтычных тэкстаў, фразы і сказы, створаныя лексікографам, або мадыфікаваныя вытрымкі з тэкстаў. Даследчыкі прапануюць спецыялістам-тэрмінолагам, якія працуюць над стварэннем банка тэрмінаў, адбіраць кантэкстуальныя прыклады па 18 крытэрыях, згрупаваных у катэгорыі больш высокага ўзроўню. Рэкамендуецца пазбягаць прыкладаў з займеннікамі, якія здзяйсняюць рэферэнцыю за межы ілюстрацый, а таксама канструкцый са складанай семантычнай структурай. Аптымальнымі з'яўляюцца ілюстрацыі, якія ўвасабляюць завершаную думку ў сказе, прыклады, у якіх тэрмін уводзіцца ў пачатку або бліжэй да пачатку сказа і г. д. Іншымі словамі, прапанаваныя крытэрыі судносяцца з патрабаваннем кагерэнтнасці і кагезіі тэксту, з прагматычнымі і кагнітыўнымі аспектамі апрацоўкі інфармацыі. Аўтары лічаць, што рэпрэзентатыўныя ілюстрацыі з тэкстаў спецыяльнай літаратуры ў цэлым істотна садзейнічаюць стандартызацыі тэрміналогіі (Ahmad *et al.*, 148–149).

Прыведзеныя звесткі сведчаць, што важнасць і неабходнасць ілюстрацый у тэрмінаграфіі не аспрэчваецца лінгвістамі. Праўда, найперш гэта датычыцца тлумачальных слоўнікаў. Праблема ілюстрацый у перакладных, тлумачальна-перакладных і рээстравых слоўніках аўтарамі, як правіла, не ўздымаецца.

На наш погляд, найбольш важнымі аспектамі ілюстрацыйнага параметра ў тэрмінаграфіі з'яўляюцца наступныя:

- 1) спосабы ўключэння ілюстрацый у слоўнік;
- 2) тыпалогія кантэкставых ілюстрацый.

Як сведчыць аналіз фактычнага матэрыялу структуру слоўнікавага артыкула кантэкставыя ілюстрацыі могуць уводзіцца некалькімі асноўнымі спосабамі:

1) *асіндэтычным* (ад англ. *asyndetic* 'бяззлучнікавы') – праз двукроп'е пасля зоны семантызацыі; такім чынам часцей за ўсе ўводзіцца асобныя моўныя адзінкі або іх спалучэнні:

АБАГУЛЕНА-ПРАДМЕТНЫЯ ЗАЙМЕННІКІ – займеннікі, якія ўказваюць на прадметы і па свайму значэнню набліжаюцца да назоўнікаў: [*я, ты, ен, мы, вы, яна, яно, яны, сябе, ніхто, нехта, нішто, нешта, хто, хтосьці*]¹ (Юрэвіч, 1962);

МОНАСЕМІЧНАЕ СЛОВА (ад грэч. *monos* 'адзін', *sema* 'знак') – слова з адным значэннем: [*алень, ветразь, горн, дакор, кветнік*] (Бірыла, Сцяцко, 1990).

¹ Тут і далей прамыя дужкі з перакладзінай (« [» і «] ») служаць для вылучэння межаў зон інфармацыі ў структуры слоўнікавага артыкула, а таксама для засяроджвання ўвагі на пэўных элементаў слоўніка.

2) *інтрадуктыўным* (англ. *introduction* ‘уводзіны, укараненне’) – з дапамогай пабочнага слова *напрыклад* (*напр.*):

НЯЗВЯЗАНАЯ АСНОВА – такая аснова, якая можа існаваць самастойна, без афіксаў, [напр.: *новы стол, крок, малады і г. д.*] (Юрэвіч, 1962);

Паэтызмы – група лексікі з афарбоўкай узнесласці, абмежаваная ўжываннем пераважна ў вершаваных жанрах літаратуры XVIII – першай паловы XIX стст. [Напр.: назоўнікі: *ланіты, вочы, персі, чало, ліра, муза, вянок, благаславенне, вяшчун, дзясніца, лік (твар), святыня, уладанне, уладыка, храм, цвярдэня; прыметнікі: дзіўны, цудоўны, натхнены, адважны, блакітны, прамяністы, залатакудры, духмяны; дзеясловы: благасловіць, зардзець*] (Казімірская, 2012).

Пры інтрадуктыўным спосабе ілюстрацыі могуць як падавацца як пасля двукроп’я, так і разам з пабочным словам уключацца ў круглыя дужкі:

ВЫБАРКА – выбарчая сукупнасць, атрыманая ў выніку статыстычных назіранняў [(напрыклад, сукупнасць фанетычных слоў у пэўным тэксце)] (Рагаўцоў, 2013);

ГАПЛАЛОГІЯ <...> – спрашчэнне гукавога складу слова ў выніку выпадзення аднолькавага суседняга складу [(напр.: *мінералогія* замест *мінералалогія*)] (Юрэвіч, 1962).

3) *тэрмінатыўным* (ад лац. *terminus* ‘мяжа’) – асобным словазлучэннем, сказам, аддзеленым ад зоны семантызацыі:

СТРУКТУРНЫ – 1) *прым. да* Структура. [Структурны тып. Структурныя адзінкі мовы] <>. (Бірыла, Сцяцко, 1990);

Гіпербала (грэч. *hyperbole* – ‘кіданне зверху’) – наўмыснае перабольшанне ў характарыстыцы чаго-небудзь, каго-небудзь.

[*Ваша сястра – сама сціпласць, але затое яе сяброўка – само нахабства, сама фанабэрыя*]. (Казімірская, 2012);

Сфрагіда (грэч. *sphragis* – ‘пячатка’) – абазначэнне аратарам сябе па прозвішчы ці па імені (як трэцяя асоба замест першай).

[*Калі на гэтым сходзе есць хоць адзін чалавек, які шчыра любіў Цэзара, то я гавару яму: любоў Брута да Цэзара была не меншай, чым яго... Я паступіў з Цэзарам так, як вы паступілі б з Брутам*] (Брут) (Казімірская, 2012).

4) *канектыўным* (англ. *connect* ‘спалучаць, звязваць’) – шляхам уключэння ілюстрацый у слоўнікавы артыкул з дапамогай дадатковага тэксту без выразных фармальных межаў паміж інфармацыйнымі зонамі:

НЕТЭМАТЫЧНЫЯ ДЗЕЯСЛОВЫ – дзеясловы, у якіх асабовыя канчаткі далучаюцца непасрэдна да кораня. [У сучаснай беларускай мове маюцца два такія дзеясловы: *есці і даць*, у старарускай іх было пяць: *быць, даць, есці, вьдѣти, имѣти*] (Юрэвіч, 1962);

Тропы (грэч. *tropos* – ‘паварот, зварот’) – словы або выразы, ужытыя ў пераносным сэнсе з мэтай дасягнення большай выяўленчай выразнасці маўлення. Да тропай адносяцца:

метафара, метанімія, сінекдаха, прэзапапея (увасабленне), алегорыя, сімвал, каламбур, парадокс, сінестэзія, антанамазія, эпітэт, аксюмаран, антытэза, эмпфаза, антанаклаза, гіпербала, літота, антыфразіс, перыфраза, алюзія і інш. (Казімірская, 2012).

5) *партыкулярным* (лац. *particula* ‘часціца’) – з дапамогай часціцы *гэта*, якая аддзяляе зону ілюстрацый ад зоны семантызацыі:

Афікс – агульная назва ўсіх службовых (некараневых) марфем; [гэта прыстаўка, суфікс, канчатак, постфікс] (Таміліна, 2019);

Няўласна-простае, або няўласна-аўтарскае, маўленне – спосаб перадачы чужога маўлення, пры якім выкарыстоўваюцца элементы прамога і ўскоснага маўлення. [Гэта маўленне апавядальніка, працягае разам з тым лексікай, значэннямі (семантыкай), сінтаксічнымі канструкцыямі маўлення персанажа – крыніцамі інфармацыі, яго інтанацыямі, пачуццямі, думкамі] (Казімірская, 2012).

Зразумела, што ў межах аднаго выдання аўтары імкнуцца стандартызаваць ілюстрацыі, напрыклад, у (Казімірская, 2012) у пераважнай большасці слоўнікавых артыкулаў выкарыстоўваецца тэрмінатыўны спосаб. Аднак часцей за ўсё ў слоўніках адзначаецца не адзін, а некалькі спосабаў увядзення ілюстрацый. Найбольш пашыраны спалучэнні асіндэтычнага і інтрадуктыўнага спосабаў, а таксама асіндэтычнага, інтрадуктыўнага і канектыўнага спосабаў (Юрэвіч, 1962).

У асобных выпадках розныя спосабы могуць спалучацца нават у адным слоўнікавым артыкуле, напрыклад, інтрадуктыўны і канектыўны:

АПРОШЧАННЕ – марфалагічны працэс у граматычным складзе слова, у выніку якога раней вытворныя асновы ўспрымаюцца цяпер як невытворныя, [напр.: *дар* разглядаецца як аснова невытворная, хоць гістарычна тут быў суфікс -р- (*дар* – ад *даць*, *пір* – ад *піць*)] <...> (Юрэвіч, 1962).

АРФАГРАМА [гр. *orthos* – ‘правільны’, *gramma* – ‘пісьмо’] – асобнае напісанне, якога датычыцца пэўнае правіла правапісу; [напр., у слове *просьба* рэалізуецца правіла правапісу зычных караня, у адпаведнасці з якім зычныя караня не змяняюцца ў сувязі са зменай у іх вымаўленні, абумоўленай пазіцыяй, а напісанне правяраецца пастаноўкай пасля іх галоснага гука – *прасіць*] (Юрэвіч, 1962).

Такія аўтарскія рашэнні могуць прыводзіць да аплікацыі інфармацыйных зон, што, па-першае, ускладняе вывучэнне слоўнікаў, і, па-другое, у прынцыпе «размывае» структуру слоўніка і набліжае стыль слоўнікавых артыкулаў да стылю выданняў вучэбнага характару.

Паводле меркавання іспанскіх даследчыкаў, з пункту гледжання прыемаў лексікаграфічнай працы ілюстрацыі могуць выкарыстоўвацца:

- 1) у тым выглядзе, у якім яны прысутнічаюць у базах дадзеных;
- 2) у скарачаным выглядзе, аднак без змен унутры выбранага ў якасці прыкладу фрагменту тэксту;

3) у адаптаваным выглядзе, але без скажэнняў унутры ілюструемага факта;

4) у генерыраваным выглядзе (могуць быць створаны аўтарам слоўніка для таго, каб адлюстравачь яго погляд на пэўныя моўныя факты) (Haensch, Wolf, Ettinger, Werner, 1982, 225).

Нам падаецца, што дадзены падыход можа быць развіты і адначасова некалькі канкрэтызаваны. Мы прапануем на матэрыяле беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі вылучаць 4 тыпы слоўнікавых ілюстрацый: цытацыя, экзэмпліфікацыя, кластэрызацыя, эксплікацыя.

Цытацыя – выкарыстанне ў якасці ілюстрацый фрагментаў арыгінальных тэкстаў без іх наступнай лексікаграфічнай адаптацыі.

У гэтым выпадку карыстальнік можа быць перакананы, што перад ім аўтэнтчны матэрыял:

ПЛЕАНАЗМЫ (ад грэч. *pleonasmós* – ‘лішак’) – спалучэнні тоесных або блізкіх паводле значэння слоў, з якіх адно ці некалькі лагічна лішнія. Да П. адносіцца, напр, семантычна апуштошанае слова «штука», ужытае ў дачыненні да чалавека. Такое слова звычайна выкарыстоўваецца як адзінка падліку неадушаўленых прадметаў, і таму калі яно звязваецца з назвамі асоб, то надае выказванню камічны эфект: [Верачка:] А ты знаеш [бабуся], колькі я нараджаю? Ты знаеш? Штук восем хлопцаў. [Арына Радзівонаўна:] І дочки таксама трэба. [Верачка:] Дачок? Штукі тры хопіць? [Арына Радзівонаўна:] Ах, ты шчодрая мая! Ах, ты душэўная мая! Аж восем штук! (А. Макаенак. Верачка.) (Рагаўцоў, 2010).

Недахопам такіх ілюстрацый з’яўляецца верагоднасць адлюстравання ў цытатах не толькі моўнай нормы, але і адхіленняў ад яе.

У тэрміналагічным слоўніку лексікаграфічная эфектыўнасць цытат адваротна прапарцыянальная іх фізічнаму аб’ёму. Па гэтай прычыне многія цытаты з твораў мастацкай літаратуры ў тэрміналагічных слоўніках праходзяць пэўную адаптацыю – найчасцей скарачаюцца і перадаюцца ў адпаведнасці з правіламі правапісу:

АКАЛІЧНАСНАЕ ДАПАЎНЕННЕ – даданы член сказа, які мае азначэнне акалічнасці і дапаўнення, напр.: [Глушэц чым далей, то ўсе болей дзесь на суку за тоўстай хвойй *Рассеўся важна і балбоча*] (Я. Колас); [Промень ясны і ласкавы ў той росцы ззяў красою і вяселкам ткаў кароны] (Я. Колас) (Юрэвіч, 1962).

У арыгінале:

Глушэц чым далей, то ўсе болей // Дзесь на суку за тоўстай хвойй // Рассеўся важна і балбоча, // [А як спявае – плюшчыць вочы, // Тады нічога ен не чуе; // Але не цягам ен такуе, // А робіць часта перарывы, // Тады ўжо чутак ен надзіва, // Тады замры і стой зацяты; // Пачне спяваць – хоць бі з гарматы] (Я. Колас).

[*Срэбралітаю расою // Іх віталі краскі, травы,] // Промень ясны і ласкавы // [У] той росцы ззяў красою // І вяселкам ткаў кароны*] (Я. Колас).

Цытацыя з’яўляецца «кананічным выпадкам» лексікаграфічнай ілюстрацыі. У тэрмінаграфіі ілюстрацыі-цытаты найбольш пашыраны ў слоўнікавых артыкулах, прысвечаных апісанню тэрмінаў стылістыкі, граматыкі, лексікалогіі і пад.

Экзэмпліфікацыя – выкарыстанне ў якасці ілюстрацый спецыяльна сканструяваных (падабраных) прыкладаў, якія належаць аўтару слоўніка.

Такія ілюстрацыі больш даступныя і зручныя ў параўнанні з арыгінальнымі цытатамі і дазваляюць эканоміць слоўнікавую плошчу:

НЯЗВЯЗАНАЯ АСНОВА – такая аснова, якая можа існаваць самастойна, без афіксаў, напр.: [*новы стол, крок, малады*] і г. д. (Юрэвіч, 1962).

САКАННЕ – вымаўленне часціцы-марфемы -ся з цвёрдым гукам [с], г. зн. як [са], уласцівае некаторым беларускім гаворкам: [*мыўса, наеўса, выспаўса*]. (Бірыла, Сцяцко, 1990).

На падставе «Manual of Specialised Lexicography» L. Potgieter атаясамлівае экзэмпліфікаты з прыкладамі-кампетэнцыямі (Bergenholtz, Tarp, 1995, 139; Potgieter, 2012, 263). На думку даследчыка, такія ілюстрацыі дастаткова зручныя пры ўкладанні слоўніка, аднак нярэдка могуць быць стэрэатыпнымі і суб’ектыўнымі (Potgieter, 2012, 263).

Кластарызацыя – (англ. *cluster* ‘гронка, пучок’) – выкарыстанне ў якасці ілюстрацый прыкладаў, якія ў сваёй сукупнасці ўвасабляюць пэўную навуковую класіфікацыю і знаходзяцца ў гіпа-гіперанімічных адносінах да рээстравага слова:

Фігуры дабаўлення – слоўныя канструктыўныя фігуры, заснаваныя на паўтаральнасці моўных адзінак. Да фігур дабаўлення адносяцца анафара, эпіфара, дыяфара, кальцо, анадыпложіс, эпаналепсіс, эпімона, полісіндэтон, шматзлучнікавасць, шматпрыназоўнікавасць, ізакалон, паралелізм, плеаназм, паранамазія, плока, паліптатон, сімплака, падваенне (Булыка, Мінакова, Станкевіч, 2002).

Такім чынам, лексічныя адзінкі анафара, эпіфара, дыяфара, кальцо, анадыпложіс і інш. з аднаго боку ілюструюць паняцце *фігуры дабаўлення*, а з другога боку ў сваёй сукупнасці ўтвараюць гэтае паняцце.

Кластарызацыя візуальна нагадвае экзэмпліфікацыю, аднак ёсць чатыры істотныя адрозненні:

1) пры кластарызацыі кожны з прыкладаў з’яўляецца адсылкай да самастойнага слоўнікавага артыкула ці гіпатэтычна можа ёй быць (напрыклад, слоўнікавыя артыкулы анафара, эпіфара, дыяфара і інш. у (Булыка і інш., 2002));

2) пры кластарызацыі пераважае тэрмінатыўны спосаб увядзення ілюстрацый, пры экзэмпліфікацыі – асіндэтычны;

3) пры кластарызацыі ілюстрацыйныя адзінкі з’яўляюцца тэрмінамі, пры экзэмпліфікацыі – пераважна агульнаўжывальнымі словамі;

4) пры кластарызацыі тэрмінаграф, падбіраючы моўныя адзінкі для ілюстрацыі, абмежаваны (поўнасьцю або часткова) адносінамі паміж паняццямі ў лінгвістыцы, пры экзэмпліфікацыі аўтар можа выбіраць любыя моўныя адзінкі з шэрага падобных (гл. схему).

Кластарызацыя	Крытэрыі	Экзэмпліфікацыя
☐ кожны прыклад – адсылка да іншага слоўнікавага артыкула	☐ <i>функцыя</i>	☐ прыклады не адсылаюць да іншых слоўнікавых артыкулаў
☐ пераважна тэрміналыўны	☐ <i>спосаб уяўленьня</i>	☐ пераважна асіндэтычны
☐ пераважна тэрміналогія	☐ <i>сфера ўжываньня</i>	☐ пераважна агульнаўжывальная лексіка
☐ сітуацыйна-прадвызначаны (абумоўлены месцам у сістэме)	☐ <i>рэгістр ілюстрацыйных адзінак</i>	☐ сітуацыйна-спарадычны (не абумоўлены месцам у сістэме)

Схема. Кластарызацыі і экзэмпліфікацыя ў тэрмінаграфіі

Напрыклад, у (Бірыла, Сцяцко, 1990) слоўнікавы артыкул *кампазіт* уключае прыклады-экзэмпліфікаты, а слоўнікавы артыкул *маўленне* – прыклады-кластарызаты:

КАМПАЗИТ (лац. *componens* – ‘складзенае’) складанае слова: [*ардэнаносец, далягляд, шырокаэкранны, басаноже*].

МАЎЛЕННЕ – 1) вуснае і пісьмовае выкарыстанне мовы з мэтай зносін з іншымі членамі пэўнага калектыву або для ўнутранага маналага. [*Вуснае маўленне. Унутранае маўленне*] <...>.

Відавочна, што прыкладамі ў першым слоўнікавым артыкуле (*кампазіт*) маглі стаць сотні іншых слоў: *двухбаковы, мовазнаўства, шматаблічна* і інш.

У другім слоўнікавым артыкуле (*маўленне*) аўтар вымушаны быў выбраць ілюстрацыі толькі з ключавым тэрмінам у складзе: *вуснае маўленне* (адпаведны слоўнікавы артыкул есць у рээстры), *унутранае маўленне* або – гіпатэтычна – *пісьмовае маўленне, знешняе маўленне, дзіцячае маўленне, літаратурнае маўленне, вобразнае маўленне, аратарскае маўленне* і яшчэ некалькі падобных.

Эксплікацыя – (лац. *explicatio* ‘тлумачэнне’) – выкарыстанне ў якасці ілюстрацый прыкладаў, якія суправаджаюцца сціслым або разгорнутым аўтарскім каментарыем унутры зоны:

АД’ІДЭАЦЫЯ – асэнсаванне слоў па сугучнасці; [назва старажытнарускай меры свінцу *свіння* ўзнікла па сугучнасці з назваю металу *свінец*] (Юрэвіч, 1962).

ПРОЗВІШЧЫ: ІНТЭНСІФКАТАРЫ КАМІЧНАГА. Пры ўжыванні гаваркіх прозвішчаў (гл. *Прозвішчы*) камічны эфект можа ўзмацняцца пры дапамозе інтэнсіфікатараў (гл. *Інтэнсіфікатары камічнага*). Гэта назіраецца ў наступных выпадках:

а) калі прозвішча (семантыка словаўтваральнай асновы) кантрастуе з яго носьбітам. [напр., асобы, якія належаць да прывілеяваных (чыноўных, арыстакратычных, духоўных і да т. п.) слаёў грамадства ў дарэвалюцыйнай Расіі, могуць мець прозвішчы, апелятыўная семантыка якіх не адпавядае (супярэчыць) сацыяльнаму становішчу гэтых асоб у грамадстве або іх тытулу (званню, рангу) <...>: пані Даміцэля Магільніцкая, ксендз Яхіда, гайдук Франусь Костка] («Панскі гайдук»), [жандарскі палкоўнік Мордасаў, аканом Гулькевіч] («Юнак з Крошына») <...> (Рагаўцоў 2010).

Ілюстрацыі-эксплікаты могуць уводзіцца ў слоўнікавы артыкул у тым ліку і з дапамогай інтрадуктыўнага спосабу – з выкарыстаннем пабочнага слова *напрыклад* (напр.):

СЛОВАФОРМА – марфалагічны варыянт слова; канкрэтнае слова ў яго граматычнай форме; [напрыклад, у словазлучэнні *кніга ў кнізе* бачым дзве С. слова *кніга* – форму назоўнага і форму меснага склону] (Бірыла, Сцяцко, 1990).

Такім чынам, праведзенае даследаванне дазваляе зрабіць шэраг высноў.

1. Ілюстрацыі ў лексікаграфіі ў цэлым і ў тэрмінаграфіі ў прыватнасці дастаткова важныя, паколькі дазваляюць:

а) канцэптuallyна дапоўніць інфармацыю ў дэфініцыі (у якасці другаснага фактара семантызацыі);

б) прадэманстраваць характар кантэксту, у якім можа выступаць рэестравае слова;

в) адрозніць адно значэнне ад іншага;

г) ідэнтыфікаваць разнастайныя граматычныя мадэлі і вызначыць сферу тыповых спалучэнняў;

д) акрэсліць сферу выкарыстання рэестравай адзінкі і інш.

2. Акрамя асноўных, слоўнікавыя ілюстрацыі могуць выконваць шэраг прыватных функцый: характарызацыйную (тлумачыць моўную адзінку па-за межамі зоны семантызацыі) і класіфікацыйную (ствараць аснову для пэўнай тыпалогіі). Іншымі словамі, ілюстрацыя ўваходзіць у семантызацыйную сістэму слоўнікавага артыкула і садзейнічае больш поўнаму і правільнаму разуменню значэнняў лексем, г. зн. ілюстрацыйная інфармацыя павінна дапаўняць фактуальную.

3. Паняццю *зона ілюстрацый* можа надавацца розны сэнс у дачыненні да розных слоўнікавых артыкулаў. Іншымі словамі, ілюстрацыі ў розных слоўнікавых артыкулах могуць быць сутнасна рознымі не толькі ў розных выданнях, але і ў межах аднаго слоўніка.

4. Цытацыя найбольш прымальная пры ілюстрацыі тэрмінаў, якія патрабуюць шырокіх аўтэнтчных кантэкстаў, многія з якіх з'яўляюцца ўнікальнымі або прэцэдэнтнымі (слоўнікі стылістычных, лінгвастылістычных, лінгварытарычных тэрмінаў і падобныя аспектыя слоўнікі).

Экзэмпліфікацыя – аптымальны варыянт для агульных інкарпараваных слоўнікаў або аўтаномных выданняў невялікага аб’ёму, якія не прадугледжваюць разгалінаванай метаструктуры.

Кластарызацыя як тып тэрмінаграфічнага параметра мэтазгодная (і пажаданая) у аб’ёмных агульных слоўніках тэрмінаў, паколькі яна дазваляе рэканструяваць у лексікаграфічным выданні ўсю складаную сістэму адносін паміж спецыяльнымі паняццямі розных іерархічных узроўняў.

Эксплікацыя параўнальна неэфектыўная ў тэрміналагічных слоўніках, паколькі яна прыводзіць да размывання межаў паміж рознымі зонамі слоўнікавага артыкула, вынікам чаго з’яўляецца неадпаведнасць стылю выкладу матэрыялу патрабаванням жанру.

5. З ліку даследаваных спосабаў увядзення ілюстрацый, на наш погляд, найбольш абгрунтаванымі з’яўляюцца асіндэтычны і тэрмінатыўны (з улікам спецыфікі рээстравай адзінкі) спосабы, паколькі менавіта яны ў найбольшай ступені адпавядаюць аднаму з асноўных прынцыпаў лексікаграфізацыі – «максімум інфармацыі пры мінімуме месца». Адносна рэгулярна гэтыя спосабы выкарыстоўваюцца пры экзэмпліфікацыі, аднак яны характэрныя і для іншых тыпаў ілюстрацый (з меншай ступенню рэгулярнасці – для эксплікацыі).

БІБЛІЯГРАФІЯ

- Барахоева, Ж.М. (2002). *Типы лексикографической информации в «Словаре лингвостилистических терминов»*: диссертация. Магас: Ингушский государственный университет.
- Бірыла, М.В., Сцяцко, П.У. (рэд.) (1990). *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў*. Мінск: Вышэйшая школа.
- Булыка, А.М., Мінакова, Л.М., Станкевіч А.А. (2002). *Тэрміналагічны слоўнік. У: Красамоўства ў Беларусі: хрэстаматэя*. Мінск: Універсітэцкае.
- Гак, В.Г. (1998). *Словарь. В: Языкознание. Большой энциклопедический словарь*, 462–464, В.Н. Ярцева (ред.). Москва: Большая Российская энциклопедия.
- Галуза, І.У. (2017). *Этнаграфічныя малюнкi Язэпа Драздовіча. У: Берковские чтения – 2017. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы IV Международной научной конференции*, 73–78. Мінск: ЦНБ НАН Беларусі; Москва: Наука.
- Казімірская, Т.А. (2012). *Слоўнік рытарычных тэрмінаў*. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт.
- Рагаўцоў, В.І. (2010). *Слоўнік пра камічнае: мовазнаўчы аспект*. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт.
- Семенова, С.Ю. (2019). *О разметке текстовых иллюстраций в прикладном семантическом словаре РУСЛАН. В: Многообразие коммуникации и традиции отечественной лингвистики: материалы конференции*, 44–45, С.И. Гиндин (отв. ред.). Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Сидоренко, К.П. (2006). *Текстовые иллюстрации в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 г.)*. В: *Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее: к 225-летию А.Х. Востокова: материалы всероссийской научной конференции*, 22–25, В.А. Козырев

- (отв. ред.). Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.
- Судаков, Г.В. (2005). *Иллюстрация в историческом словаре*. В: *Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: материалы Всероссийской академической школы-семинара*, 129–137. Санкт-Петербург: Наука.
- Таміліна, Л.П. (ред.) (2019). *Слоўнік тэрмінаў*. У: *Беларуская мова: вучэбна-метадычны дапаможнік*, 370–376. Мінск: Рэспубліканскі інстытут прафесійнай адукацыі.
- Шерстянникова, Е.А. (2019). *О микро- и макроструктуре «Исторического словаря русской лингвистической терминологии»*. В: *Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сборник научных статей*, 333–336, Копылов И.Л. (гл. ред.). Минск: Беларуская навука.
- Юрэвіч, А.Л. (1962). *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў*. Мінск: Міністэрства вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесіянальнай адукацыі БССР.

- Ahmad, K., Fulford, H., Rogers M. (1992). *The elaboration of special language terms: The role of contextual examples, representative samples and normative requirements*. In: *EURALEX'92: Proceedings I-II: Papers submitted to the 5th EURALEX International congress on lexicography*, 139–149. Tampere: University of Tampere, part 1.
- Bergenholtz, H., Tarp, S. (eds.) (1995). *Manual of Specialised Lexicography*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Drysdale, P. (1987). *The Role of Examples in a Learner's Dictionary*. In: *The dictionary and the language learner: Papers from the EURALEX seminar in the University of Leeds*, 213–223, A.P. Cowie (ed.). Tübingen: Max Niemeyer.
- Haensch, G., Wolf, L., Ettinger, S., Werner, R. (1982). *La lexicografía. De la lingüística teórica a la lexicografía práctica*. Madrid: Ed. Gredos.
- ISO 704:2000(E). Terminology Work – Principles and Methods* (2009). Geneva: ISO.
- Laufer, B. (1992). *Corpus-based versus lexicographer examples in comprehension and production of new words*. In: *EURALEX'92: Proceedings I-II: Papers submitted to the 5th EURALEX International congress on Lexicography*, 71–76. Tampere: University of Tampere, part 1.
- Potgieter, L. (2012). *Example Sentences in Bilingual School Dictionaries*. In: *Lexikos 22*, 261–271, D. J. Prinsloo (ed.). Stellenbosch: Buro van die WAT.
- Schaeder, B. (1987). *Germanistische Lexikographie*. Tübingen: Max Niemeyer.
- Stock, P. (1992). *The cultural dimension in defining*. In: *EURALEX'92: Proceedings I-II: Papers submitted to the 5th EURALEX International congress on Lexicography*, 113–120. Tampere: University of Tampere, part 1.

- Barakhoyeva, Zh.M. (2002). *Тып лексикографічнай інфармацыі ў «Словары лінгвістычных тэрмінаў»*: *dissertatsiya*. Magas: Ingushskiy gosudarstvennyy universitet.
- Biryła, M.V., Scjacko, P.U. (red.) (1990). *Slownik lingwistycznych terminów*. Minsk: Vyshejszaja shkola.
- Bulyka, A.M., Minakova L.M., Stankjevich A.A. (2002). *Terminalagichny slownik*. U: *Krasamowstva w Bjelarusi: hrestamatyja*. Minsk: Univjersiteckaje.
- Gak, V.G. (1998). *Slovar'*. V: *Yazykoznanije. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'*, 462–464, V.N. Yartseva (red.). Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

- Galuz, I.U. (2017). *Etnagrafichnyja maljunki Jazepa Drazdovicha*. U: *Berkovskiye chteniya – 2017. Knizhnaya kul'tura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, 73–78. Minsk: CNB NAN Belarusi; Moscow: Nauka.
- Jurevich, A.L. (1962). *Slownik lingvistichnykh terminaw*. Minsk: Ministerstva vyshchshaj, sjarednjaj spjeczjalnaj i prafjesijanalnaj adukacyi BSSR.
- Kazimirskaja, T.A. (2012). *Slownik rytarychnykh terminaw*. Magiljow: Magiljowski dzjarzhawny wniwersitet.
- Ragawcow, V.I. (2010). *Slownik pra kamichnaje: movaznawchy aspekt*. Magiljow: Magiljowski dzjarzhawny wniwersitet.
- Semenova, S.Yu. (2019). *O razmetke tekstovykh illyustratsiy v prikladnom semanticheskom slovarе RUSLAN*. V: *Mnogoobraziye kommunikatsii i traditsii otechestvennoy lingvistiki: materialy konferentsii*, 44–45, S.I. Gindin (otv. red.). Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet.
- Sherstyannikova, Ye.A. (2019). *O mikro- i makrostrukture «Istoricheskogo slovaryа russkoy lingvisticheskoy terminologii»*. V: *Slovo i slovar = Vocabulum et vocabularium: sbornik nauchnykh statey*, 333–336, I.L. Kopylov (gl. red.). Minsk: Belaruskaya navuka.
- Sidorenko, K.P. (2006). *Tekstovyye illyustratsii v «Slovarе tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka» (1847 g.)*. V: *Slovo. Slovar'. Slovesnost': iz proshlogo v budushcheye: k 225-letiyu A.Kh. Vostokova: materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*, 22–25, V.A. Kozyrev (otv. red.). St. Petersburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. A.I. Gertsena.
- Sudakov, G.V. (2005). *Illyustratsiya v istoricheskom slovarе*. V: *Aktual'nyye voprosy istoricheskoy leksikografii i leksikologii: materialy Vserossiyskoy akademicheskoy shkoly-seminara*, 129–137. St. Petersburg: Nauka.
- Tamilina, L.P. (rjed.) (2019). *Slownik terminaw*. U: *Bjelaruskaja mova: vuchebna-mjetadychnyy dapamozhnik*, 370–376. Minsk: Respublikanski instytut prafjesijnaj adukacyi.

Ваня Иванова

 <https://orcid.org/0000-0002-1936-7983>

*Великотырновский университет
имени Святых Кирилла и Мефодия
Филологический факультет, кафедра русистики
Болгария, 5003 Велико-Тырново, Т. Тырновски 2
vania.ivanova1@gmail.com*

Парадигматическая и синтагматическая метонимия как основа развития новых значений в русском языке

Paradigmatic and syntagmatic metonymy as the basis for the development of new meanings in the Russian language

Резюме

В статье рассматриваются результаты инновационного процесса, протекающего в области лексики русского языка в начале XXI века. Анализируются семантические инновации, возникшие на основе метонимизации в русском языке в указанный период. Определяется степень активности разновидностей метонимизации в развитии вторичных значений в русском языке в последние годы. Возникшие инновации классифицируются в зависимости от продуктивных метонимических моделей, проявляющихся в процессе их развития. Основой классификации служит концепция о синтагматическом и парадигматическом плане метонимии. В рамках парадигматической метонимии рассматриваются родо-видовой и партитивный типы, в рамках синтагматической выделяются субординативный и координативный типы метонимизации. В целях лучшей систематизации в изложении обособляются категориальные типы возникших инноваций (лицо, организация, предмет, процесс). В результате анализа устанавливается, что наиболее активным типом метонимизации в процессе развития семантических инноваций является родо-видовая парадигматическая метонимия, а синтагматическая метонимия (субординативная и координативная) намного менее продуктивна.

Ключевые слова: метонимия, метонимическая модель, инновация, парадигматика, синтагматика, русский язык.

Summary

The article examines the results of the process of innovation taking place in the Russian vocabulary at the beginning of the 21st century. The author analyses semantic innovations which arose on the basis of metonymization in the Russian language during the indicated period. Besides, the article seeks to determine the degree of activity of various metonymizations in the development of secondary meanings in the Russian language in recent years. The innovations are classified according to productive metonymic models that appear in the process of their development. The classification is based on the concept of the syntagmatic and paradigmatic plan of metonymy. Within the paradigmatic metonymy, the genus-species and partitive types are considered; as regards the syntagmatic metonymy, the subordinate and coordinative type of metonymization are distinguished. For the purposes of better systematization, the categorical types of innovations (person, organization, subject, process) are isolated. As a result of the analysis, the genus-species paradigmatic metonymy appears to be the most active type of metonymy in the development of semantic innovations, and the syntagmatic metonymy (subordinate and coordinative) is much less productive.

Keywords: metonymy, metonymic model, innovation, paradigmatics, syntagmatics, Russian language.

Процессы неологизации и инновации, протекающие непрерывно в каждом языке, в начале XXI века в русском языке характеризовались большей динамичностью в связи с определенными экстралингвистическими факторами. В результате действия процесса неологизации возникло немалое количество лексических неологизмов – новых слов, номинативных словосочетаний, фразеологизмов. Результатом действия процесса инновации на уровне отдельной лексической единицы являлась модификация ее семантического статуса путем изменения ее структуры на основе семантической деривации. Семантическая деривация обусловила возникновение ряда вторичных метафорических и метонимических значений лексических единиц (Гочев, 2015, 32).

Цель настоящей статьи – проследить активность метонимизации в развитии вторичных значений в русском языке в последние годы и классифицировать возникшие инновации в зависимости от продуктивных метонимических моделей, проявляющихся в процессе их возникновения.

Анализ феномена метонимии проводится с лингвистической точки зрения; анализируемый материал подобран на основе новейших толковых словарей современного русского литературного языка и последних опубликованных словарей новых слов и значений в русском языке.

Цель и задачи исследования определяют использование комплексной методики анализа материала, включающей следующие подходы и методы:

- лексикоцентрический подход, основывающийся на автономности слова и его принципиальной выделимости в качестве основной единицы лексикологического исследования;

- семасиологический и ономасиологический подходы, используемые для выявления изменений семантической структуры слов и определения за-

кономерностей изменений с позиций плана содержания и плана выражения исследуемых единиц;

– дескриптивный подход, предполагающий описание и объяснение рассматриваемых явлений в связи с представлениями о критериях научной объективности исследования при отсутствии индивидуальной оценки результатов;

– метод дефиниционного анализа, посредством которого на основе словарных толкований обособляются конкретные семантические признаки, отличающие данную лексическую единицу от близких ей по значению лексических единиц;

– метод падежной грамматики, используемый для выявления семантических валентностей (ролей) актантов с позиции содержательного механизма метонимизации.

В теоретических разработках, посвященных метонимии, многократно делались попытки упорядочить и систематизировать различные типы метонимического переноса. Наши наблюдения показали, что в классификациях объединяются на основе различных принципов весьма разнородные метонимические модели, а также семантический перенос названия очень часто не определяется на единых основаниях.

Одна из самых распространенных точек зрения на классификацию данного явления – это выделение метонимических моделей на основе пространственных, временных или каузальных связей. Рассматривая пространственную и временную метонимию, М.М. Покровский выделяет «имена локальные» – когда слово, обозначающее процесс, обозначает и место, где он происходит (*гулянье*) и «имена темпоральные», где предметы и действия находятся в связях с определенным временем (*месяц* – лунный диск и период времени) (Покровский, 1959, 30–32).

Классификация, предложенная С. Ульманом, кроме локального и темпорального, включает и атрибутивный тип метонимического переноса (Ullman, 1964, 217–219).

Метонимию, основанную на причинно-следственных связях, выделяет Л.П. Ефремов. В типологии Л.П. Ефремова метонимические переносы подразделяются на пространственные (локальные), временные (темпоральные), причинно-следственные (каузальные), атрибутивные; сюда как самостоятельные типы метонимических переносов включены модели ‘материал – изделие’ и перенос названия части на целое и целого на его часть (Ефремов, 1967, 62).

Типология, предложенная Г.Н. Поспеловым основывается на противопоставлении качественной (собственно метонимия) и количественной (традиционно – синекдоха) метонимии. В первую группу включаются метонимии места (*город* спал), времени (*трудный год*), ‘материал – изделие’ (*медь* в кармане). Во вторую – ‘часть – целое’ (не хватает *рук*), ‘один – много’ (*медведь* в этих лесах не водится) (Поспелов, 1974, 56–62).

Классификация Е.Л. Гинзбург базируется на синтактико-семантическом характере метонимических соответствий и их взаимодействии. На основании синтактико-семантических категорий ‘место’, ‘источник’, ‘цель’ и их немаркированного оппозиита ‘объектив’ автор выделяет шесть типов метонимических конструкций: 1) результативную с предикатами ‘это результат’, ‘это следствие’, ‘происходить от’, ‘быть из’; 2) причинную с предикатами ‘это источник’, ‘это причина’, ‘это мотив’ и т. п.; 3) инструментальную с предикатами ‘служить’, ‘это инструмент’, ‘это способ’, ‘это средство’, ‘быть для’; 4) объектную с предикатами ‘это требует’, ‘предполагает’, ‘это цель’, ‘это объект’, ‘это назначение’ и т. п.; 5) местную с предикатами ‘быть в’, ‘находиться в’, ‘происходить во время/в месте’, ‘участвовать в’, ‘это свойство’; 6) посессивную с предикатами ‘это место’, ‘иметь’ (Гинзбург, 1985, 81–93).

Рассматривая регулярную многозначность имен существительных, Ю.Д. Апресян выделяет 12 актантных значений, относящихся к метонимическому переносу, ср.: ‘действие’ – ‘субъект действия’ (*защита обвиняемого – свидетели защиты*), ‘действие’ – ‘объект действия’ (*выписка цитат – уничтожить выписку*), ‘действие’ – ‘результат действия’ (*вывих голени – вправить вывих*), ‘действие’ – ‘средство действия’ (*начинка пирогов – сладкая начинка*), ‘действие’ – ‘инструмент действия’ (*передача движения – велосипедная передача*), ‘действие’ – ‘место действия’ (*выработка руды – выработка опустела*), ‘состояние’ – ‘причина состояния’ (*развлечение гостей – массовые развлечения*), ‘свойство’ – ‘субъект свойства’ (*дерзость подчиненных – говорить дерзости*) и др. Далее, как «другие типы значения» Ю.Д. Апресян обособляет еще 37 типов значений, которые вписываются в рамки вторичных значений с логическим основанием включения, ср.: ‘растение’ – ‘плод этого растения’ (*абрикос*), ‘животное’ – ‘мех животного’ (*барашек*), ‘содержащее’ – ‘содержимое’ (*аудитория, стакан*), ‘деятельность’ – ‘люди, занимающиеся этой деятельностью’ (*руководство, учительство*), ‘мера длины’ – ‘измерительный инструмент в виде планки такой длины’ (*аршин*), ‘знак’ – ‘орудие для каузации знака’ (*клеймо, печать*), ‘явление’ – ‘наука, которая изучает это явление’, ‘искусство’ – ‘собрание произведений этого искусства’ и др. (Апресян, 1995, 193–204).

В исследовании метонимических переносов в семантическом и грамматическом аспектах А. Бирих придерживается традиционного принципа классификации метонимии на основе типа связи между смежными денотатами. В его работе метонимические переосмысления распределены по шести основным типам: партитивному (синекдохе), каузальному (причинно-следственному), темпоральному (временному), локальному (пространственному), атрибутивному, квантитивному (количественному) (Бирих, 1995, 31).

Поскольку в указанных выше типологиях метонимические модели сформулированы различным образом и каждая из них базируется на различных принципах упорядочения метонимических переносов, в целях созда-

ния единой классификации разнообразные трактовки метонимии и способы выделения моделей могут быть объединены в две основные группы. Такая группировка осуществляется с учетом основания взаимодействия между двумя понятиями, соответственно между двумя лексическими значениями, участвующими в процессе метонимизации (Попова, 2012, 336).

Одно из фундаментальных делений в языкознании – анализ языковых единиц посредством их объединения в классы по общим признакам, или посредством их расположения в линейной последовательности, является удачным при обособлении типов метонимических переносов в связи с их логической основой (отношениями включения и пересечения) (Попова, 2007, 22).

В болгарском языкознании идея о синтагматическом и парадигматическом плане метонимии была разработана Е. Пернишкой (1993, 180), дополнительно развита и использована в классификации терминологической лексики в болгарском языке М. Поповой. В качестве исходного принципа деления принимается противопоставление парадигматических и синтагматических связей между взаимодействующими в метонимическом акте лексическими значениями (соответственно между их семными комбинациями), т. е. противопоставление **парадигматической** и **синтагматической метонимии** (Попова, 2012, 343).

К первой группе этой классификации относятся модели метонимизации с логическим основанием включения, в которых между взаимодействующими семантическими компонентами обнаруживается **связь парадигматического типа**, иными словами, «они могут быть расположены по вертикальной оси» (Попова, 2012, 344). В этом плане рассматриваются, во-первых, модели переноса названия целого на его часть, название части на целое, к которой оно принадлежит, и, во-вторых – перенос названия родового понятия на видовое и соответственно перенос названия видового понятия на родовое.

Необходимо отметить, что переносы типа род → вид, вид → род традиционно трактуются как расширение и сужение значения (или расширение и сужение объема понятия и номинативной функции лексической единицы), что может быть отнесено к диахронному плану семантических изменений, а в синхронном плане они могут быть рассмотрены как вид метонимии (Пернишка, 1993; Попова, 2007, 2012).

Что касается логического отношения включения, основа парадигматической метонимии, наблюдаются два случая: в первом объем исходного значения включается в объем нового значения, соответственно это модели ‘часть → целое’, ‘вид → род’. Во втором случае объем нового значения включается в объем исходного значения: ‘целое → часть’, ‘род → вид’.

Вторая группа классификации включает модели, в которых **связь** между взаимодействующими компонентами **синтагматическая**, т. е. они «распо-

лагаются по горизонтальной оси» (Попова, 2012, 344–345). Как известно, «это расположение компонентов предикатно-актантной (аргументной) сцены, чье поверхностное выражение имеет форму простого или сложноподчиненного предложения» (Попова, 2012, 344–345). Ее участники (компоненты) – предикат и актанты – имеют определенную семантическую роль и могут выступать в различных комбинациях. В этом смысле подчеркивается особая роль предиката, который содержит в себе схему всей ситуации, а его участие во всех моделях необязательно. Что касается актанта, то его роли на более низком уровне абстракции, как известно, могут быть различными: субъект действия (агентив), объект действия (объектив), результат (результатив), инструмент (инструментатив), место действия (локатив) и т. п. На такой основе, в зависимости от экспликации участия предиката, выделяются два типа синтагматической метонимии: субординативный и координативный типы.

Субординативный тип синтагматической метонимии включает модели с участием предиката при метонимическом переносе. Наблюдаются две разновидности моделей: а) перенос названия предиката на актант, ср. ‘действие → субъект действия’; б) перенос названия актанта на предикат, ср. напр. ‘инструмент действия → действие’.

При **координативном типе** синтагматической метонимии участники номинативного акта находятся в равноправных отношениях. К этому типу относятся случаи, когда наблюдается: а) перенос названия одного актанта на другой, ср.: ‘средство действия → результат действия’; б) перенос названия одного предиката на другой, при котором они соподчинены общему другому предикату.

В настоящей статье концепция о синтагматическом и парадигматическом плане метонимии как база единой и упорядоченной классификации служит основой выделения основных метонимических моделей и результатов их активности в русском языке в последние годы. В целях лучшей систематизации в изложении выделяются категориальные типы возникших инноваций (лицо, организация, предмет, процесс).

1. Метонимические инновации с предметным значением «лицо» возникают только на основе **парадигматического типа метонимии**. В этой группе представлены оба ее подтипа: родо-видовая и партитивная метонимия.

Преобладающей моделью в рамках **родо-видовой** метонимии является отношение **род → вид**, а инновации принадлежат к разным коммуникативным сферам – к сфере информационных технологий, социально-экономической сфере, а также к сфере преступности и незаконной деятельности, ср.: *администратор* ‘Должностное лицо, управляющее чем-н.’ → *Информ. Специалист, осуществляющий контроль над использованием компьютерной базы данных, сети*; *наблюдатель* ‘Тот, кто наблюдает, следит глазами за кем, чем-л., наблюдает что-л.’ → *Назначенное при проведении выборов лицо, уполномоченное осуществлять наблюдение за деятельностью избира-*

тельной комиссии'; *частник* 'Частный предприниматель, торговец' → *Разг.* 'Тот, кто занимается частным извозом на своем транспортном средстве'; *ликвидатор* 'Человек, который занимается ликвидацией чего-л.' → 'Участник ликвидации чернобыльской аварии'; *контрактник* 'Тот, кто работает по контракту' → 'Военнослужащий, добровольно оставшийся на сверхсрочную военную службу и заключивший для этого контракт'; *заказчик* 'Физическое или юридическое лицо, делающее заказ на выполнение каких-л. работ' → *Криминал.* 'Преступник, заказывающий убийство; человек, который нанял и оплатил услуги исполнителей публичной акции, имеющей целью опорочить кого-либо'; *братва*, ед. *браток* 'Люди, связанные общим делом, условиями существования и т. п.' → *Крим. Жарг.* 'Члены преступной группировки'; *авторитет* 'Лицо, пользующееся признанием, влиянием' → *Жарг.* 'Наиболее влиятельный член преступной группы, обладающий властью'.

Модель, выражающая противоположное направление отношений в развитии метонимических инноваций, а именно, вид → род представлена только одним русским метонимическим значением, ср.: *меценат* 'Богатый покровитель наук и искусств' → 'Лицо, предоставляющее денежные средства'.

Активность **партигивной** разновидности **парадигматической** метонимии обнаруживается в развитии инноваций на основе модели целое → часть: 'организация → представитель организации', ср.: *каска* мн. Δ Голубые каски 'Миротворческие силы ООН' → 2) 'Представитель миротворческих сил ООН'; *берет* только мн. 'О воинских подразделениях особого назначения разных стран' → 2) 'Представитель таких подразделений'. **Партигивная** разновидность **парадигматической** метонимии и модель свойство, качество, отношение и т. п. → субъект-носитель, обладатель лежат в основе формирования русской жаргонной инновации *мажор*, ср.: 'Бодрое, веселое настроение' → *Жарг.* 'Тот, у кого в жизни все хорошо складывается благодаря поддержке родителей, богатый наследник'.

2. Развитие метонимических инноваций, называющих организации, в русском языке осуществляется преимущественно на основании **парадигматической метонимии**.

Родо-видовой подтип метонимии, при котором название родового признака переносится на видовой признак (род → вид), лежит в основе возникновения таких русских инноваций, как: *миротворец* 'Тот, кто способствует установлению мирной жизни, способствует прекращению войны, распри' → *обычно мн.* 'Армейские части, поддерживающие мирное состояние в тех районах, где произошел вооруженный конфликт'; *оператор* 'Исполнитель специализированных работ по управлению работой оборудования (установок) различного вида и назначения' → 'Компания, предоставляющая услуги сотовой связи для сотовых телефонов своих абонентов'; *поставщик* 'Лицо или учреждение, занимающиеся поставками чего-л.' → 'Организация, предоставляющая услуги доступа к сети интернет и иные связанные с ин-

тернет услугами; интернет-провайдер; группировка ‘Сообщество, объединение людей, отстаивающих общие интересы, цели, взгляды и т. п.’ → ‘Устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений’. Модель переноса названия видового признака на родовой (вид → род) и в этой группе активна в развитии только одной обнаруженной инновации, ср.: *мафия* ‘Тайная террористическая организация в Италии, использующая методы шантажа, насилия, убийств’ → ‘Организованная преступная группа, имеющая связи с представителями правящих кругов и извлекающая доходы из незаконной деятельности’.

В качестве примера инноваций, развившихся вследствие **партитивной** разновидности **парадигматической** метонимии, приведем метонимические значения, которые по сути являются исходными для указанных выше инноваций *берет* и *каска*, возникшие по модели артефакт → субъект, определяемый посредством артефакта, ср.: *берет* ‘Мягкий, круглый головной убор без полей, свободно облегающий голову’ → *только мн.* ‘О воинских подразделениях особого назначения разных стран // частью униформ которых является берет определенного цвета’; *каска* ‘Металлический, пробковый, пластмассовый и т. п. головной убор в виде шлема, защищающий голову от различных повреждений’ → *только мн.* Δ *Голубые каски* ‘Миротворческие силы ООН’. В рамках **партитивной** метонимии активна еще модель свойство, качество, отношение и т. п. → субъект-носитель, обладатель, обуславливающая возникновение инноваций, называющих организации разного типа, ср.: *структура* ‘Взаиморасположение и связь частей, составляющих что-л. целое; устройство, строение чего-л.’ → ‘Государственное, частное учреждение, организация, формирование, общественное, неформальное и т. п. объединение, имеющее определенное строение, устройство’; *сила* ‘Принуждение к выполнению требований’ → *Только мн.* ‘Специально организуемые и содержимые государством министерства, комитеты, службы, создаваемые в интересах защиты (охраны) (конституционного) строя’.

Синтагматическая метонимия в этой группе русских инноваций проявляется только посредством **субординативного** подтипа по модели предикат → актант (агентив): ‘действие → субъект действия’, ср.: *криминал* ‘Уголовное преступление’ → ‘Криминалитет, преступное сообщество’.

3. Инновации со значением «предмет» в русском языке развиваются на основе двух рассматриваемых типов метонимии: **парадигматической** и **синтагматической**.

Парадигматическая родо – видовая метонимия проявляется в возникновении русских инноваций по модели род → вид, как например: *тренажер* ‘Устройство для тренировки, выработки автоматических навыков в чем-л.’ → *Спорт.* ‘Устройство, позволяющее обеспечить большую физическую нагрузку на весь организм человека или на его части’; *приставка* ‘Устройство или предмет (обычно вспомогательные), приставленные дополнительно

к чему-л.’ → Техн. ‘Специализированный компьютер с ограниченным набором функций (обычно без устройств вывода)’; буфер ‘Промежуточное звено, согласующее характеристики предыдущего и последующего звеньев технических и иных систем’ → Комп. ‘Часть памяти компьютера, предназначенная для промежуточного хранения данных при их передаче между устройствами с разными скоростями’; накопитель ‘Устройство, аппарат, позволяющие накапливать, собирать что-л.’ → Комп. ‘Внешняя память компьютера – устройство для длительного хранения информации’; автомат ‘Самодействующее устройство, производящее работу по заданной программе без непосредственного участия человека’ → Техн. ‘Автоматическая коробка передачи автомобиля’. В группе инноваций предметного характера обнаружена также активность более редко встречаемой модели в развитии метонимических значений в рассматриваемый период, при которой производящее и производное значение относятся к различным видам одного и того же родового понятия (модель вид₁ → вид₂), ср.: граффити ‘Древние и средневековые рисунки и надписи, нацарапанные на металлических изделиях, на стенах жилищ, храмов, а также на других поверхностях’ → ‘Надписи, рисунки, знаки на поверхностях зданий, сооружений, нанесенные на них специальными красками самодельными художниками в особой манере’.

Партитивный подтип парадигматической метонимии в группе инноваций-предметов представлен несколькими различными моделями, например: часть → целое, при которой название элемента предмета становится наименованием предмета, ср.: трубка ‘Часть телефонного аппарата с мембраной и микрофоном’ → Разг. ‘Сотовый телефон’; колесо ‘Круг, вращающийся на оси и служащий для приведения в движение средств передвижения’ → 2) только мн. Разг. ‘Об автомобиле (обычно легковом)’ и автомат Техн. ‘Автоматическая коробка передачи автомобиля’ → ‘Автомобиль с такой коробкой’. Модель, при которой название материала переносится на изделие из этого материала, наблюдается в развитии разговорных инноваций из сферы компьютерных, телекоммуникационных и др. технологий, ср: железно, ср. ‘Обиходное название малоуглеродистой стали, металла серебристого цвета’ → Комп. Разг. ‘Аппаратные средства компьютера (в отличие от программных средств)’, ср.: плазма ‘Ионизированный под воздействием высокой температуры газ’ → Разг. ‘Плоскопанельные дисплеи’. Другими активными моделями партитивной метонимии являются: содержащее → содержимое, ср.: портфель ‘Четырехугольная сумка для ношения книг, тетрадей, деловых бумаг’ → ‘Совокупность деловых бумаг, рукописей, с которыми работает какое-л. учреждение, редакция, издательство и т. п.’; свойство, качество, отношение → субъект носитель, обладатель, ср.: конфигурация ‘Взаимное расположение каких-л. предметов, соотношение отдельных частей сложных предметов’ → Комп. ‘Совокупность функциональных частей вычислительной системы и связей между ними’. Перенос по модели

свойство, качество, отношение и т. п. → субъект-носитель, обладатель проявляется также при некоторых разговорных инновациях, как: *глянец* ‘Блеск начищенной, отполированной, лакированной и т. п. поверхности; отсвет, отблеск на какой-л. гладкой поверхности’ → *Собир. Разг. ‘Глянцевые журналы’* и *черемуха* ‘Дерево или кустарник сем. розоцветных, с белыми душистыми цветами и черными ягодами вяжущего вкуса’ → ‘*Слезоточивый газ, находящийся на вооружении у правоохранительных органов // с запахом черемухи*’.

Синтагматическая метонимия также проявляет активность в возникновении инноваций с предметным значением, хотя не так интенсивно. **Кординативный** тип обнаруживает две модели: Моделью, по которой осуществляется перенос в первом случае, выступает актант₁ (результатив) → актант₂ (инструменталис), т. е. название результата действия переносится на инструмент его осуществления, ср.: *пробел* ‘Промежуток, незаполненное место между отдельными текстами, частями текста, буквами, знаками, словами, строками’ → *Комп. ‘Длинная горизонтальная клавиша в нижней части клавиатуры, нажатием которой создается пустое пространство, разделяющее отдельные слова и другие символы в предложениях’*. Во втором случае название переносится на основе модели актант₁ (результатив) → актант₂ (медиатив) – обозначение результата действия метонимически обозначает средство действия, ср.: *блеск* ‘Яркий, искрящийся, сияющий свет, отсвет’ → *Разг. ‘Губная помада, придающая такой отсвет’*.

4. В процессе переноса обозначений действий в русском языке модель род → вид **парадигматической родо – видовой** метонимии также распространена. Она проявляет активность в каких случаях, как: *заказ* ‘Поручение изготовить, сделать, доставить что-л.’ → ‘*Даваемое наемнику поручение убить кого-либо или совершить какое-либо иное противоправное действие в отношении кого-либо*’ и *атака* ‘(Стремительное) нападение’ → *Информ. ‘Проникновение с помощью специальной программы в вычислительное устройство с целью нарушения его работы, причинения вреда или несанкционированного получения информации’*. Модель вид → род обуславливает возникновение инновации, при которой название журналистической беседы стало обозначать все типы беседы, проводимые в виде вопросов и ответов, ср.: *интервью* ‘Беседа корреспондента радио, телевидения, газеты и т. п., предназначенная для распространения в средствах массовой информации’ → ‘*Разновидность разговора, при которой интервьюер задает вопросы своим собеседникам и получает от них ответы: при приеме на работу, в социологии и т. п.*’.

Партитивная парадигматическая метонимия в развитии инноваций, означающих действия (процессы и т. п.), представлена только моделью часть → целое, и в этом случае название компонента процесса начинает обозначать процесс, ср.: *диалог* ‘Разговор между двумя или несколькими лицами’ → *Публ. ‘Переговоры, контакты между двумя партиями, странами, блоками и т. п., ведущиеся с какими-л. целями’*; *присутствие* только ед. ‘Личное пребывание,

нахождение в каком-л. месте в данный момент' → Δ *Военное присутствие Дислокация крупных воинских формирований на какой-л. территории*'.

В группе метонимических инноваций с процессуальным значением обнаружена активность двух разновидностей **синтагматической** метонимии: субординативной и координативной.

Субординативная метонимия и метонимическая модель **актант (локатив)** → **предикат** мотивируют развитие значения *салон* 'Зал, помещение для демонстрации и продажи произведений искусства, промышленных товаров и т. п.' → '*Периодическая выставка новых товаров и технологий*'. Во втором случае **синтагматическая субординативная** метонимия проявляется на основе модели **предикат** → **актант (темпоратив)**, ср.: *перестройка* 'Изменение порядка, системы, организации чего-л.' → '*Период конца 80-х – нач. 90-х гг. в России, связанный с крушением СССР и переходом к гласности, демократии, рыночным отношениям*' – название процесса становится названием времени (периода) его осуществления.

В настоящей статье были представлены основные метонимические модели в рамках парадигматической и синтагматической метонимии, служащие основой развития инноваций в русском языке в последние годы. На базе проведенного анализа можем сформулировать вывод, что самая активная модель метонимизации – это парадигматический перенос названия с рода на вид, который обнаруживается во всех группах категориальных значений. Партитивная метонимия – модель переноса с части на целое – тоже обнаруживает высокую активность среди предметных и признаковых значений. Остальные модели парадигматической метонимии слабо активны. Из них большее количество инноваций предметного характера мотивирует модель 'свойство, качество, отношение → субъект носитель, обладатель'. Синтагматическая метонимия представлена двумя моделями субординативной разновидности ('предикат → актант', 'актант → предикат') и моделью координативной разновидности 'актант₁ → актант₂', но она мотивирует небольшое количество инноваций предметного и процессуального характера и не обнаруживается в группе обозначений лиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апресян, Ю.Д. (1995). *Избранные труды*. Том I. *Лексическая семантика (синонимические средства языка)*, 2-изд., испр. и доп. Москва: Издательская фирма «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН.
- Бирх, А. (1995). *Метонимия в современном русском языке (Семантический и грамматический аспекты)*. München: Verlag Otto Sagner.
- Гинзбург, Е.Л. (1985). *Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия*. Москва: Наука.

- Гочев, Г. (2013). *Краткий русско-болгарский словарь новаций. Активные процессы в лексике современного русского языка: лекции по спецкурсу*. Велико Търново: УИ Св. св. Кирил и Методий.
- Гочев, Г. (2015). *Лексика русского языка новейшего периода: четыре лекции по спецкурсу*. LAP LAMBERT Academic Publishingq Saarbrücken.
- Ефремов, Л.П. (1967). *Метонимическое обозначение человека названиями носильных вещей*. Изв. АН Казахской ССР. Сер. Обществ. № 7, 61–71. Алма-Ата.
- Ефремова, Т.Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Дрофа: Русский язык.
- Кузнецов, С.А. (2006). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Пернишка, Е. (1993). *За системността в лексикалната многозначност на съществителните имена*. София: БАН.
- Покровский, М.М. (1959). *Избранные работы по языкознанию*. Москва: Изд-во Акад. наук СССР.
- Попова, М. (2012). *Теория на терминологията*. Велико Търново: ИК «Знак'94».
- Попова, М. (2007). *Още нещо към интерпретацията на метонимията*. Български език, 2, 19–29.
- Поспелов, Г.Н. (1974). *Художественная речь*. Москва: Изд. Моск. ун-та.
- Скляревская, Г.Н. (ред.) (2006). *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*. Москва: Эксмо.
- Шагалова, Е.Н. (2011). *Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов*. Москва: АСТ: Астрель.

- Apresyan, Yu.D. (1995). *Izbrannye trudy*. Tom I. *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)*, 2-izd., ispr. i dop. Moscow: Izdatel'skaja firma "VOSTOCHNAJA LITERATURA" RAN.
- Birikh, A. (1995). *Metonimiya v sovremenom russkom yazyke (Semanticheskii i grammaticheskii aspekty)*. Munchen: Verlag Otto Sagner.
- Efremov, L.P. (1967). *Metonimicheskoe oboznachenie cheloveka nazvaniyami nosil'nykh veshchei*. Izv. AN Kazakhskoi SSR. Ser. Obshchestv. № 7, 61–71. Alma-Ata.
- Efremova, T.F. (2000). *Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj*. Drofa: Russkij jazyk.
- Ginzburg, E.L. (1985). *Konstruktii polisemii v russkom yazyke. Taksonomiya i metonimiya*. Moscow: Nauka.
- Gochev, G. (2013). *Kratkij russko-bolgarskij slovar' novacij. Aktivnye processy v leksike sovremennoogo russkogo jazyka: lekicii po speckursu*. Veliko Tyrnovo: UI Sv. sv. Kiril i Metodij.
- Gochev, G. (2015). *Leksika russkogo yazyka noveishego perioda: chetyre leksicii po spetskursu*. LAP LAMBERT Academic Publishingq Saarbrücken.
- Kuznecov, S.A. (2006). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. St. Petersburg: Norint.
- Pernishka, E. (1993). *За системността в лексикалната многозначност на съществителните имена*. Sofia: БАН.
- Pokrovskii, M.M. (1959). *Izbrannye raboty po yazykoznaniju*. Moscow: Izd-vo Akademija nauk SSSR.
- Popova, M. (2007). *Oshty neshcho kŭm interpretatsiyata na metonimiyata*. Bŭlgarski ezik, 2, 19–29.
- Popova, M. (2012). *Teoriya na terminologiyata*. Veliko Tyrnovo: IK "Znak '94".
- Pospelov, G.N. (1974). *Khudozhestvennaya rech'*. Izd. Mosk. un-ta. Moscow.
- Shagalova, E.N. (2011). *Samyj novejsnij tolkovyj slovar' russkogo jazyka XXI veka: ok. 1500 slov*. Moscow: AST: Astrel'.
- Sklyarevskaja, G.N. (red.) (2006). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka nachala XXI veka. Aktual'naja leksika*. Moscow: Jeksmo.
- Ullmann, S. (1964). *Semantics. An Introduction to the Science of Meaning*. Oxford.

Людмила Кравцова

 <https://orcid.org/0000-0003-0143-003X>

*Каунасский технологический университет,
Факультет социальных, гуманитарных наук и искусств,
Каунас, Литовская республика ул. К. Донелайчио 73, 44249
liudmila.kravcova@ktu.lt*

Мир в зеркале Словаря моды

The world in the mirror of the Fashion Dictionary

Резюме

В статье рассматривается вопрос о языке вестиментарной моды, ставшей сравнительно недавно объектом интереса лингвистов, занимающихся языком и дискурсом текстов о моде. Автор, в отличие от предыдущих лингвистических исследований, предлагает лингвокультурологический анализ лексикона моды. Цель исследования заключается в реконструкции определенного фрагмента картины мира, отраженного в Словаре моды, являющегося приложением к Электронной энциклопедии моды. Объектом исследования является группа слов со значением институтов моды. В результате исследования были выделены дифференциальные признаки, посредством которых можно описать устройство модного бизнеса. Автор на основе выделенных признаков приходит к выводу, что Словарь моды отражает социальную дифференциацию общества.

Ключевые слова: индустрия моды, картина мира, элитарная мода, вестиментарная мода, массовая мода, дифференциальные семантические признаки.

Summary

The article discusses the language of vestimentary fashion, which has recently become an object of interest for linguists studying the language and discourse of texts about fashion. The author offers a linguistic and cultural analysis of the fashion lexicon in contrast to previous linguistic studies. The purpose of the study was to reconstruct a certain fragment of the world picture of the Fashion Dictionary, which is an appendix to the Electronic Encyclopaedia of Fashion. The object of research is a group of words denoting fashion institutions. As a result of the study, differential features were identified by which the structure of the fashion business can be described. On the basis of the selected features, the author comes to the conclusion that the Fashion Dictionary reflects the social differentiation of society.

Keywords: fashion industry, the world picture, elite fashion, vestimentary fashion, mass fashion, differential semantic features.

ВВЕДЕНИЕ

Американский социолог Г. Блумер еще в 1969 г. предлагал ученым обратиться к феномену моды, поскольку она имеет не периферийное значение, а напротив, простирает свое влияние на практически любую область человеческой жизни – стили искусства, медицину, промышленность и даже науку. Ограничивать ее сферой костюма – значит иметь очень неадекватное представление о ней (Блумер, 2008, 132). Позднее об этом же писал и российский социолог А.Б. Гофман:

Множество любопытнейших и сложнейших вопросов связано с модой. Но дело, конечно, не только в интересе, но и в важности и масштабности этого явления. Трудно назвать такую область социально-экономической и культурной жизни, где бы не сказывалось его влияние. И хотя влияние это осознается и признается далеко не всегда, оно не становится от этого менее значительным (Гофман, 1994, 165).

Мы не будем останавливаться подробно на философском и социологическом подходе к феномену моды – назовем лишь работы Р. Барта (2003)¹, Блумера (1969), Ю. Кавамуры (2009) с тем, чтобы увидеть корреляцию между лингвистическим анализом лексикона моды и некоторыми социологическими теориями. Такая корреляция демонстрирует возможности междисциплинарного подхода к реконструкции того или иного фрагмента картины мира.

Обращаясь к столь популярной сегодня проблеме – исследованию феномена моды как лингвокультурного явления, мы, в первую очередь, будем говорить о «вестиментарной» моде, то есть в бартовском смысле – о «костюмной» моде, или, упрощая далее – о языке, которым пользуется мир модной одежды.

По сути всем тем, что помогает чувственному восприятию и общению между Душами, является Одежда, Костюм, который носят лишь сезон, а потом откладывают в сторону. Таким образом при должном рассмотрении оказывается, что уже в Одежде содержатся все мысли, мечтания, деяния и состояния человека, то есть весь внешний Мир, и все его содержание – это лишь Одежда, а суть всех наук лежит в философии Одежды, – писал в XIX британский философ и писатель Томас Карлейль (Свендсен, 2007, 7).

Эти слова взяты в качестве одного из эпиграфов к работе норвежского философа Л. Свендсена «Философия моды» (2007). В вестиментарной моде гораздо прозрачнее просматриваются функции моды, выделяемые социологами: 1) функция создания и поддержания единообразия и разнообразия в культурных образцах; 2) инновационная функция; 3) коммуникативная

¹ Впервые «Система моды» Р. Барта издана на французском языке в 1967 г.

функция (Гофман, 1994). Первая функция вносит в общество необходимое для гармонизации ценностей согласие в отношении неких культурных образцов, при этом не приводя к конфронтации культурных установок, вторая заключается в передаче «модных» стандартов от одних людей к другим, а также в сообщениях индивида о принадлежности к определенной группе и своих ценностных установках. Третья функция необходима как средство подготовки общества к приему инноваций в целом: мода наиболее бескровно внедряет новые веяния. Наряду с тремя основными функциями отметим и такие функции, выделяемые Гофманом, как престижную и функцию психофизиологической разрядки, необходимой в монотонной жизни современного горожанина.

Нам представляется, что мир современной моды является наиболее гибким по отношению к принятию новизны, более того – вестиментарная мода коррелирует в смене образцов со скоростями нашего быстротекущего времени. И способствует этому иная теория моды – как экономического явления, служащего увеличению потребительского спроса и потому способного стимулировать быстрый приток капитала.

Современная модная индустрия представляет собой самостоятельный сектор экономики, включающий в себя производство и сбыт модных товаров (одежды, обуви, аксессуаров). Особенности этого креативного сектора является крайний динамизм, быстрая скорость изменения всех процессов, жесткая конкуренция между модными брендами. ... Общий объем глобального рынка одежды – ключевого модного товара – в настоящее время, по данным MarketLine, составляет порядка 1,4 трлн долл. (почти 2% мирового ВВП, согласно статистике МВФ). По прогнозам, в ближайшей перспективе рынок будет расти на 4–5% в год (Седых, 2019, 2).

Мода, по Р. Барту, не может существовать без письма, ибо она не может иным способом распространяться, чтобы удовлетворить чисто экономические интересы производителей в промышленном обществе. Через сеть слов и создаваемых ими образов мода становится

вызывающей аппетит субстанцией... Желания вызывают не вещь, а ее имя... А раз так, то бесчисленные вещи, наполняющие и образующие воображаемое наших дней, оказываются все более в ведении семантики, и лингвистика, при некотором своем развитии, должна обрести второе рождение как наука о всех воображаемых мирах (Барт, 2003, 34).

Нельзя не отметить, что XXI век ознаменовался бурным ростом интереса к явлению моды не только среди социологов, но и среди лингвистов, в том числе – пишущих на русском языке (Долгова, 2014; Аракелова, 2014; Косицкая, 2014; Исхакова, 2017; Одинцов, Одинцова, 2018; Матвеева, 2018 и др.), занимающихся как собственно языком, на котором говорит с нами «мода», так и анализом дискурса моды.

Объектом данного исследования является мир моды, отраженный в соответствующих словарях, в нашем случае – в Словаре моды, являющемся приложением к электронной Энциклопедии моды (<https://wiki.wildberries.ru/glossary>, 27.11.2020). Мы исходим из того, что «воображаемые миры» Барта в терминологии лингвистов можно приравнять к **картине мира** – модели действительности, то есть представлению о ее объектах и отношениях между ними, запечатленному в словаре народа. В той мере, в какой мода на данном этапе интернациональна (она рождается в Домах моды Лондона и Парижа, Милана и Москвы и т.д.), она пользуется не столько национальным языком, сколько неким «эсперанто» – языком, совмещающим слова из языков «отцов моды»: *гайдлайн* (англ.) и *деним* (фр.), *муслин* (итал.) и *плюш* (нем.). Вместе с тем значительная часть названий одежды и ее деталей существует на национальном языке (*американская пройма*, *базовые вещи*, *базовые цвета*, *пиджак* и др.), и словарь моды отражает это сплетение национального и заимствованного, демонстрирует специфику современного мира, глобализирующегося и одновременно сохраняющего национальные различия.

Избранное нами направление – выстраивание (реконструкция) фрагмента картины мира – соответствует духу современной лингвистики, пересекающейся с другими гуманитарными дисциплинами – философией, культурологией, психологией и т. д. Авторы названных нами выше лингвистических исследований, как нам представляется, идут собственно лингвистическим путем, не обращаясь к возможным корреляциям с социальными концепциями моды. Так, Т.В. Долгова (Долгова, 2014) рассматривает влияние глобализации на язык моды, в частности, влияние англицизмов на «модные» термины. Ф.Л. Косицкая, анализирует не лексикон моды, а дискурс каталогов моды и выделяет речевые жанры, представленные в дискурсе моды, например, «презентация модных тенденций сезона», «презентация модели/товара», «презентация модельера». Исследование О.С. Исаковой носит диахронический характер – автор анализирует дискурс англоязычного модного журнала в аспекте речевых жанров и акцентирует внимание на изменении контента таких журналов – смене одних жанров другими и уменьшении доли вербального компонента за счет увеличения знаков иконического характера. Такой подход представляется нам весьма перспективным, поскольку отражает не только лингвопрагматические характеристики модного дискурса, но и изменение общественных предпочтений в области информации о мире моды.

Мы, в отличие от названных выше авторов, сосредоточиваем внимание на лексиконе, которым пользуется **мода как индустрия** – это позволяет на основе словаря понять структуру современного мира моды: коммерческие структуры, «живые эмблемы моды», духовных лидеров (Одинцов, Одинцова, 2018, 450) и в некоторой степени соединить лингвистический анализ с социологическими теориями моды – точнее, проиллюстрировать положе-

ния о регулятивной функции моды, способах поддержания единых образцов в обществе, об особенностях коммуникации в этом фрагменте мира.

Модный – эпитет, который прикрепляется к тому или иному вестиментарному элементу определенными структурами, **назначающими** вещь или ее детали «модными». По словам американского социолога Ю. Кавамуры, создание одежды вовсе не означает, что она автоматически становится модной, а модельер, ее создавший, принимается обществом. Мода создается не отдельным индивидуумом, а командой специалистов, занятых в fashion-производстве, а потому мода – это результат коллективной деятельности (Кавамура, 2009, 13).

Избранный нами словарь-приложение к Электронной энциклопедии моды являет собой своеобразный вокабуляр моды – 241 слово, называющее актуальности определенного периода (основные разделы Энциклопедии обновляются ежегодно – мы анализируем данные 2020 г.). Такой словарь представляет собой гипертекст – за каждым словом стоит энциклопедическая статья, содержащая сведения о названных явлениях, например: *Альта Мода (Alta Moda)* – «итальянский вариант «Высокая мода» (<https://wiki.wildberries.ru/glossary>, 27.11.2020). Подчеркнутые слова позволяют, кликнув на них, перейти к понятию *высокая мода* – «высший сегмент фэшн-рынка, высочайшее мастерство швейного искусства, эксклюзивные модели, производимые самыми знаменитыми дизайнерами и Модными домами» (там же). Нажатием клавиши мы можем перейти далее к статье *фэшн-рынок* и т. д. Некогда Р. Барт писал:

Мы собрали слова, дали им дефиниции – получается словарь. Мы собрали вещи (разумеется, обладающие именами), дали им описание – получается энциклопедия. Иногда, как в настоящем словаре, обе операции сочетаются вместе, получается словарь слов и вещей, энциклопедический словарь. <...> На словарной странице <...> перед нашим сознанием ...проходят сильнейшие проводники грезы: материки, люди, эпохи, орудия, всевозможные явления Природы и общества <...> Слово – словно корабль: поначалу оно кажется закрытым, плотно запертым в своей точно пригнанной арматуре; **но очень легко оно само собой пускается в плавание, устремляется к другим словам, другим образам, другим желаниям...** (выделено нами) (Барт, 2003, 500–502).

Отличие избранного нами словаря от большинства других словарей, включающих только названия одежды, в том, что он дает представление о значимых явлениях фэшн-бизнеса: Домах моды, кутюрье, мероприятиях моды (например, *Лондонская неделя моды*), то есть позволяет связать то, что Р. Барт называл «всевозможными явлениями Природы и общества».

Из 241 слова, представленного в в избранном нами словаре, 34 слова составляют две группы: а) существительные со значением лица, занятого в сфере модной индустрии и б) учреждения, организации, причастные к модному бизнесу. Именно в этих группах представлена константная часть

«модного мира» – его организаторы. В рамках статьи мы рассмотрим одну из групп – учреждения, организации, причастные к модному бизнесу – и покажем возможности чтения словаря как гипертекста, рождающего картину мира моды, способную быть описанной в лингвистических терминах.

Назовем описанные в анализируемой Энциклопедии моды и указанные в ее Словаре учреждения и организации, причастные к процессу создания модной одежды:

1) *Британский модный совет (BFC)*; 2) *Совет модных дизайнеров Америки*; 3) *Синдикат Высокой моды*; 4) *ритейлер*; 5) *модельное агентство*; 6) *материнское агентство*; 7) *Дом моды*.

Приведенный нами список слов при соответствующих операциях со словарной статьей демонстрирует иерархическую организацию моды: **элитарную моду** представляют *Синдикат высокой моды*, чей оффис находится в Париже – оказывается, получить звание кутюрье можно только будучи членом этого синдиката². На первый взгляд может показаться, что соположенными *Синдикату Высокой моды* организациями является *Британский модный совет* и *Совет модных дизайнеров Америки*. Однако это не так, поскольку, как следует из определений (напр., «Совет модных дизайнеров Америки (The Council of Fashion Designers of America) – **некоммерческая организация...**»), обе организации являются некоммерческими, в то время как *синдикат* по определению есть *коммерческое монопольное* предприятие (Финансовый словарь. URL: <http://www.finam.ru/dictionary/>, 29.11.2020). Но эти организации могут быть соположены по другому признаку: **защита интересов национальной моды**³. Несмотря на то, что Синдикат высокой моды является межнациональной организацией, он все-таки отдает предпочтение национальным интересам в формировании моды – его членами, как было показано, могут быть только французские Модные дома, иностранцы входят в Синдикат на правах членов-корреспондентов (см. ссылку-2). Таким образом, мы можем выстроить оппозицию «**коммерческие**» – «**некоммерческие**» предприятия моды, члены которых объединятся по признаку «защита

² **Синдикат Высокой моды** (франц. Chambre Syndicale de la Couture Parisienne) – парижская организация, объединяющая Модные дома, создающие коллекции Haute Couture... В настоящее время называть себя кутюрье имеет право только член этой организации, который занимается изготовлением индивидуальных заказов (при этом использует не менее 70% ручного труда); два раза в год представляет новые коллекции, которые состоят из 35 моделей одежды и демонстрируются **манекенщицами**; Членами Синдиката могут являться только парижские Модные дома. Иностранцы компании и дизайнеры считаются членами-корреспондентами организации.

³ **Британский модный совет** (англ. The British Fashion Council, BFC) – некоммерческая торговая группа модных дизайнеров Великобритании. Целью организации является продвижение британских модельеров во всем мире; **Совет модных дизайнеров Америки** (The Council of Fashion Designers of America) – Целью CFDA является привлечение внимания к модной индустрии, ... признание модельеров как части американского искусства и культуры.

национальных интересов». Синдикат высокой моды является объединением, к которому Модные дома и кутюрье относятся как часть к целому (гиперо-гипонимические отношения).

Таким образом, первый важный признак, по которому делятся слова и обозначаемые ими понятия, указывающий на организацию этой области жизни, это – **коммерческая/некоммерческая направленность организаций** (дифференциальный признак); общим признаком является **национальная направленность**. Отметим, что коммерческих организаций в области индустрии моды, согласно данным словаря, несравненно больше, чем некоммерческих; интересно также, что при общем межнациональном характере мировой моды определенные учреждения преследуют цель защиты национальной направленности в моде.

Признак *‘коммерческий’* относится к *Синдикату высокой моды, Дому моды, модельному агентству, материнскому агентству, ритейлеру*. К некоммерческой группе обозначений соответствующих референтов относятся *Совет модных дизайнеров Америки* и *Британский модный совет*. При этом, как станет ясно из позднейшего изложения, *Дом моды, модельные агентства, материнские агентства* не характеризуются признаком *‘национальная направленность’*.

Как определить характер деятельности (коммерческий/некоммерческий) описываемых учреждений, опираясь на дефиниции слов в анализируемом словаре, если в них не входят эти слова-маркеры? Энциклопедический словарь в той или иной форме содержит описание деятельности учреждения, из которого можно заключить о его коммерческой направленности, например: «Структуру Модного дома обычно составляют: **главный дизайнер** (арт-директор); **модельеры**; сотрудники, отвечающие за массовое производство; **отделы продаж (маркетинговая служба, оптовое подразделение, бутики бренда)**» (выделено нами). Наличие маркетинговой службы и бутиков говорит о том, что предприятие ориентировано на получение прибыли. Таким образом, мы можем отметить маркеры коммерческой деятельности: *отдел продаж, бутики, маркетинг*.

Из энциклопедических статей, касающихся их деятельности, становится очевидной элитарная направленность названных организаций. Слово *элитарность* не присутствует в дефинициях означенных словами понятий, но указание на то, что адресатами модных посланий являются обеспеченные слои, включение имен лиц, предпочитающих тот или иной Модный дом (например, от Валентино – *Гвинет Пэлтроу, Дженнифер Лопес, Софи Лорен, Джулия Робертс, Клаудия Шиффер*), иногда упоминание цены вещи от того или иного кутюрье позволяют выстроить оппозицию **элитарная – массовая мода**. Об элитарности Совета модных дизайнеров Америки свидетельствуют, например, имена дизайнеров, входящих в него, и цены на товары, производимые ими: «Свадебные платья от Веры Вонг в свое время предпочли такие знаменитости, как Челси Клинтон, Иванка Трамп, Вероника

Кэмпбелл-Браун, Виктория Бэкхем, Дженнифер Лопез...». «Мода обладает респектабельностью; она несет в себе печать одобрения элиты – элиты, которая признана утонченной и считается мудрой в данной области устремлений» – писал Г. Блумер (Блумер, 2008, 135). В этой же энциклопедической статье указано, что платье прет-а-порте (для среднего класса) из коллекции Веры Вонг в среднем стоило 3,5 тыс. долларов.

Очевидно, что элитарная мода транслирует себя через одежду прет-а-порте. «**Прет-а-порте** – готовая одежда, создаваемая известными модельерами для массового производства. Коллекции класса прет-а-порте служат основным источником доходов Модных домов. Все модели шьются в стандартных размерах, поскольку выпускаются для продажи в магазинах» – об этом свидетельствует *Словарь моды* при переходе к соответствующей статье. Таким образом, мы видим наличие еще одного признака, по которому дифференцируется мир моды: **элитарная/высокая – массовая** мода. Однако данную оппозицию точнее было бы представить как трехчленную. Поясним тезис. Демонстрировать высокую моду, согласно анализируемому словарю, призван *Синдикат Высокой моды* и входящие в него *Дома моды*. Средним членом оппозиции является *Дом моды*, который может выпускать одежду как очень высокого качества, следующую по рангу за «от-кутюр», так и одежду для массового потребителя, ориентирующегося на достаточно высокое качество. Об этом говорит слово *бридж-бренд* (товар, переходный между *прет-а-порте* и *масс-маркетом*⁴, то есть одежда достаточно высокого качества средней ценовой категории). Итак, данные Словаря энциклопедии моды позволяют выстроить картину модного бизнеса, удовлетворяющего, согласно социологическим теориям, нашу потребность в психофизиологической разрядке и подготавливающим общество к принятию инноваций. В этой «картине мира» элементы распределены по оппозитивным признакам: **высокая/элитарная мода** (создается Синдикатом и включенными в него коммерческими структурами) – **прет-а-порте** (создается Домом моды – одежда может быть очень дорогой: как прет-а-порте люкс, так и массовая высокого качества) – **масс-маркет**. Говоря о масс-маркете как одежде для массового покупателя, мы можем обратиться к еще одному элементу модного бизнеса: *ритейлеру*. *Ритейлер* – компания, работающая с массовым покупателем, то есть значение этого слова характеризуется признаком «коммерческий» и «массовая мода». Словарь не предоставляет возможности перейти от данного слова к более широкому представлению об организации массовой моды. Вместе с тем в нем имеется статья *демократичная марка*: «**Демократичные марки** – бренды низшего сегмента фэшн-рынка, характеризующиеся де-

⁴ **Масс-маркет** (от англ. *mass market* – «массовый рынок») — продукция, рассчитанная на средний класс, на «массового потребителя». Отличается средним уровнем качества и демократичностью цен. Реализуется в специализированных магазинах.

мократичными ценами, массовостью продукции, сравнительно невысоким качеством изделий». В этой статье названы и производители таких марок (напр., NewYorker, Bershka, Sasch – массовые бренды; Kiabi, Jennyfer, TATI, Sela – бюджетные бренды). Нужно сказать, что этот сегмент фэшн-рынка освещен в Словаре моды весьма слабо (слова *бюджетные бренды, массовые бренды* в нем отсутствуют, что затрудняет понимание различия между ними).

«Инструментом», поставляющим «средства» для трансляции моды, являются модельные агентства: *модельное агентство* – организация, представляющая модели для работы в модной индустрии и рекламе. Модельное агентство – коммерческое предприятие, не связанное ни с творчеством в области моды, ни с производством товаров. С *высокой модой* модельное агентство может быть связано через *топ-моделей*⁵. Модельное агентство имеет свои дочерние (рангом ниже) организации: **материнские агентства**, которые, как явствует уже из их названий можно рассмотреть на лингвистическом уровне как находящиеся в гиперо-гипонимических отношениях. Таким образом, можно выстроить еще одну оппозицию в мире моды: **создатели модной одежды – трансляторы** (одновременно могут быть продавцами) – **продавцы**. Такая картина организации модной индустрии вырисовывается по данным Словаря моды. Члены представленной оппозиции также выступают семантическими маркерами, через которые могут быть описаны значения имен институтов моды: например, *Синдикат высокой моды* – ‘создатель’, ‘коммерческий’, ‘защита национальной направленности’, ‘элитарная мода’.

Небезынтересно, что в Словарь не включено выражение *уличная мода* (*street-Fashion*), которая рассматривается в качестве альтернативы высокой моде. Ее начало видят в Токио, где молодежь пресытилась гляncем, или в послевоенном Лондоне, где снижение уровня жизни повлекло новое явление – стало модным чинить одежду или делать ее своими руками.

Уличная мода находит свое место сегодня даже на сайте весьма уважаемого журнала VOGUE, конкурируя со степенью представленности на разных сайтах с элитарной модой. Вместе с тем Словарь включает весьма популярное сегодня слово *фейк*, которое, в применении к моде, означает «подделку изделия известного модного бренда. Отличается низким качеством и невысокой ценой». Мистификация равенства, на наш взгляд, проявляется именно в популяризации фейк-изделий, порождающих, например, такие рекламные призывы: «Сумки фейк известных брендов! Отличное качество! Выкуп в сентябре.

⁵ *Топ-модель* – «высокооплачиваемая модель, имеющая контракты с ведущими брендами и регулярно появляющаяся на обложках глянцевого журналов. Термин появился в 60-х годах XX века) (Словарь моды). Материнское агентство – *модельное агентство*, с которым модель подписывает свой первый контракт. Оказывает модели помощь в поиске заказов, с которых имеет определенный процент, а при недостатке работы – в поиске более серьезного агентства) (Словарь моды).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы описали мир модной индустрии как лингвокультурологическое явление – через набор дифференциальных семантических признаков, выявленных на основе лексических оппозиций, и показали иерархию в организации модного бизнеса с использованием лингвистических инструментов. Можно сказать, что анализируемый словарь в исследуемом фрагменте картины мира демонстрирует социальную дифференциацию общества: обеспеченные слои ориентированы на элитарную моду, которая, проходя через производство и маркетинг, постепенно демократизируется. В свою очередь, существующая за пределами картины мира Словаря моды «уличная мода» бросает свой вызов подиумам и кутюрье.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аракелова, А.Р. (2014). *Дискурс моды как объект лингвистического моделирования*. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 10–2, 21–24.
- Барт, Р. (2003). *Предисловие к «Словарю Ашетт»*. В: Барт Р. *Система моды. Статьи по семиотике моды*. Москва: изд-во им. Сабашниковых.
- Блумер, Г. (2008). *Мода: от классовой дифференциации к коллективному отбору*. *Blumer H. Fashion: from class differentiation to collective selection // sociological quart. - Columbia, 1969. - Vol. 10, n 3. - P. 275–291*. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: социология. 132–134.
- Гофман, А.Б. (1994). *Мода и люди*. Новые теории модного поведения. Москва: Наука.
- Долгова, Т.В. (2014). *Влияние процессов глобализации на формирование языка моды. Англицизмы в профессии*. В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXXVI междунар. науч.-практ. конф. № 5(36). Новосибирск: СибА, 3–13.
- Исхакова, О.С. (2017). *Динамика развития письменно-речевых жанров журнального дискурса моды: на материале анализа англо-язычного журнала моды Harper's Bazaar*. Авт. дис. канд. фил. наук. Уфа.
- Кавамура, Ю. (2009). *Теория и практика создания моды*. Минск: Гревцов Букс, Издательство Гревцова.
- Косицкая Ф.Л. (2014). *Дискурс моды и его жанровая дифференциация*. Вестник ТПГУ, 4(145), 22–26.
- Матвеева, Е.К. (2018) *Языковая идентификация архетипических образов в русском рекламном дискурсе моды*. Авт. дис. канд. фил. наук. Казань.
- Одинцов, А.А., Одинцова, О.В. (2018). *Об инструментах управления модой*. Вестник РУДН, т. 5, 4, 446–457.
- Свендсен, Л. (2007). *Философия моды*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Седых, А.И. (2019). *Индустрия моды*. Москва-ВШЭ.
- Словарь Энциклопедии моды*. URL: <https://wiki.wildberries.ru/glossary> (доступ 12.12.2020).
- Финансовый словарь*. Финанс. URL: <http://www.finam.ru/dictionary> (доступ 22.11.2020).

- Arakelova, A.R. (2014). *Diskurs mody kak ob'ekt lingvisticheskogo modelirovaniya*. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 10–2, 21–24.
- Bart, R. (2003). *Predislovie k «Slovaryu Ashett»*. V: Bart R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike mody*. Moscow: izd-vo im. Sabashnikovyxh.
- Blumer, H. (2008). *Fashion: from klass differentiation to collective selection/sociological quart*. Social sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology, 132–134.
- Dolgorova, T.V. (2014). *Vliyanie protsessov globalizatsii na formirovanie yazyka mody. Anglitsizmy v professii*. V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sb. st. po mater. XXXVI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. № 5(36). Novosibirsk: SibA, 3–13.
- Finansovyi slovar'*. Finam. URL: <http://www.finam.ru/dictionary> (dostup 22.11.2020).
- Gofman, A.B. (1994). *Moda i lyudi*. Novye teorii modnogo povedeniya. Moscow: Nauka.
- Iskhakova, O.S. (2017). *Dinamika razvitiya pis'menno-rechevykh zhanrov zhurnal'nogo diskursa mody: na materiale analiza anglo-yazychnogo zhurnala mody Harper's Bazaar*. Avt. dis. kand. fil. nauk. Ufa.
- Kavamura, Yu. (2009). *Teoriya i praktika sozdaniya mody*. Minsk: Grevtsov Buks, Izdatel'stvo Grevtsova.
- Kositskaya F.L. (2014). *Diskurs mody i ego zhanrovaya differentsiatsiya*. Vestnik TPGU, 4(145), 22–26.
- Matveeva, E.K. (2018) *Yazykovaya identifikatsiya arkhetypicheskikh obrazov v russkom reklamnom diskurse mody*. Avt. dis. kand. fil. nauk. Kazan.
- Odintsov, A.A., Odintsova, O.V. (2018). *Ob instrumentakh upravleniya modoi*. Vestnik RUDN, t. 5, 4, 446–457.
- Sedykh, A.I. (2019). *Industriya mody*. Moscow-VShE.
- Slovar' Entsiklopedii mody*. URL: <https://wiki.wildberries.ru/glossary> (dostup 12.12.2020).
- Svendsen, L. (2007). *Filosofiya mody*. Moscow: Progress-Traditsiya.

Анжелика Литвинович

 <https://orcid.org/0000-0003-4256-5352>

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы
факультет истории, коммуникации и туризма
230000 Беларусь, Гродно, ул. Октябрьская 5-206
anzhelalsh@tut.by*

**Полевая организация глагольной лексики
(на примере глаголов со значением ‘защищать’
в русском языке)***

**Field arrangement of verbs
(on the basis of verbs with the meaning ‘to defend’ in the Russian language)**

Резюме

В статье рассматривается лексико-семантическая группа глаголов защиты в русском языке. Задачей исследования является выявление особенностей семантической структуры глаголов, которые включают компоненты ‘защищать’, ‘каузировать’, и описание принципов организации поля каузативных глаголов защиты.

Исследование способствует разрешению некоторых спорных моментов в теории каузативности: разграничение каузативных и некаузативных глаголов, границы класса каузативных глаголов, ядерные и периферийные элементы категории каузативности на примере лексико-семантической группы глаголов защиты. Наличие небольшого количества фрагментарных исследований категории каузативности в русском языке в данном аспекте подчеркивает актуальность и необходимость проведения данной работы.

Методы исследования: контекстуальный, трансформационный, компонентный, дистрибутивный анализ, анализ словарных дефиниций.

В ходе исследования были получены следующие результаты. Ядро и периферия лексико-семантической группы глаголов защиты и каузативных глаголов не совпадает. Среди глаголов с семантикой ‘защищать’ выявлена единица, которая в своей семантической структуре

* Статья подготовлена во время прохождения научной стажировки в PIASt (Polski Instytut Studiów Zaawansowanych Polskiej Akademii Nauk).

не содержит компонент 'каузировать'. Систематизированы критерии периферийного положения ЛСГ глаголов защиты в классе каузативных глаголов.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, полевая структура, ядро семантического поля, периферия семантического поля, каузативный глагол, некаузативный коррелят.

Summary

The author looks into the lexical semantic group of Russian defence verbs. The point of the research is to trace peculiarities of the semantic structure of verbs containing the elements of 'defend' and 'cause.' Another question is the principles governing the causative defence verbs in terms of field organization.

The analysis seeks answers to some disputable questions: distinctions between causative and non-causative verbs, boundaries of the causative verbs class, the nucleus and peripheral elements of the causative category within the lexical semantic group of defence verbs. The relevance of the research is increased by the insufficient amount of causativity analyses of specific lexical semantic groups in the Russian language.

The research methods are the contextual method, transformation method, component analysis, distributive analysis, and dictionary definitions analysis.

It was found out that the core and periphery of the lexical semantic group of defence verbs and causative verbs do not coincide. Among defence verbs, there is one item which does not contain the element 'cause' in its semantic structure. The criteria of the peripheral position of Russian defence verbs among causative verbs have been systematized.

Keywords: lexical semantic group, field structure, nucleus, periphery, causative verb, semantic structure.

Исследование семантической системы языка возможно посредством выделения лексических группировок разного типа и объема, а также установления их соотношения друг с другом. В современной лингвистике изучение глагольных лексико-семантических группировок становится все более глубоким и многоаспектным. Это обусловлено тем, что, в отличие от системных связей в грамматике, которые объективированы в самих словоформах, системная организация лексики, в частности глаголов, имеет скрытый характер и не получает непосредственного выражения в формах слова.

Мысль Ф. Соссюра о языке как системе знаков и результаты такого подхода в фонологии и морфологии подсказывают путь изучения лексики как целостной системы. По меткому замечанию А.Е. Супруна, лексика должна быть определенным образом организована, чтобы язык успешно функционировал. «Иначе говоря, лексика не может не быть системной, коль скоро словарь языка успешно используется в процессе его функционирования» (Супрун, 1975, 7).

Лексическая система – это совокупность подсистем, элементы которых объединены различными типами связей. Наиболее универсальными из них

являются синтагматические и парадигматические. Члены лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов объединены парадигматическими отношениями.

Отличие ЛСГ от других парадигматических сцеплений слов (например, от лексико-семантического поля) заключается в том, что лексико-семантическая группа основана на внутриязыковых связях слов, идентификатор (доминанта) – это слово, которое входит в состав группы. «Отдельные единицы находятся с идентификатором в отношениях синонимии» (Попова, 1989, 33).

Глагол – это важнейший элемент номинируемой ситуации. Он создает вокруг себя валентное поле, в которое попадает вся необходимая для данной ситуации лексика.

Поскольку список глаголов, составляющих ЛСГ глаголов со значением ‘защищать’, у разных исследователей на материале разных языков не совпадает, представляется целесообразным определить свой объект исследования. Объектом исследования в данной работе являются глаголы, интегральным признаком которых является сема ‘защищать’. Общее значение глаголов с семантикой ‘защищать’ – ‘каузировать быть в безопасности, каузировать не исчезнуть, каузировать остаться в силе, сохраниться’ (делать так, чтобы кто-либо был в безопасности; делать так, чтобы что-то осталось в силе, не исчезло, сохранилось). Такой широкий семантический спектр обеспечивается многозначностью глагола *защищать*, который, будучи глаголом-идентификатором, выражает общую, свойственную всему классу семантическую идею.

Системная организация лексики обнаруживается посредством специально разработанных методик. При отборе материала использовалась трансформационно-объяснительная методика. Она относится к группе лингвистических методик, с помощью которых «...семантические поля выделяются на языковой, а не на понятийной основе, следовательно, базовым критерием является слово, а не понятие» (Долгих, 1973, 121). Лексемы считаются семантически связанными друг с другом, если в их толкованиях встречается хотя бы один общий компонент.

Путем сплошной выборки из *Словаря русского языка* (Ожегов, 1987), были отобраны лексемы, для которых идентификатором является глагол рус. *защищать*. Единицей интерпретации в данной работе является лексико-семантический вариант (ЛСВ), то есть отдельное номерное значение слова. Употребляя термин «глагол» по отношению к исследуемой лексеме, мы имеем в виду ЛСВ.

ЛСГ глаголов со значением ‘защищать’ в русском языке состоит из семнадцати глаголов: *вступаться, гарантировать, заступаться, защищать 1* (Охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности. *Защищать обиженного. Защищать город от врага.*), *защищать 2* (Предохранить, обезопасить от чего-н. *Защищать от холода.*), *защищать 3* (Отстаивать мнение, взгляды перед чьей-н. критикой, возражениями. *Защищать свою точку зрения.*), *защищаться, оберегать, оборонять, отбивать, от-*

бываться, отражать, отстаивать, охранять, предохранять, прикрывать, стоять.

Вычленение ЛСГ, элементы которой объединены значением одной лексемы (имени ЛСГ), представляет собой формальную процедуру, и в итоговый список попадают слова, связанные не только с центральным, но и с периферийными значениями слова-имени. Поэтому с целью более полного отражения системных связей глаголов в ЛСГ защиты русского языка включались глаголы в основных и неосновных (вторичных, периферийных) значениях.

Вслед за А.В. Бондарко (1971), выделяя главное, или основное, значение, мы основываемся на критерии наименьшей зависимости от контекста. Такое значение не требует особых дополнительных условий реализации и проявляется в минимальном контексте.

Основным для глагола-идентификатора будем считать значение, приведенное в указанном выше словаре под цифрой 1: защищать кого-что – ‘охраняя, оградить от посягательств, враждебных действий, опасности’ (защищать ребенка, защищать город). Значение остальных ЛСВ, включающихся в ЛСГ глаголов со значением ‘защищать’, является для них основным либо неосновным в зависимости от условий реализации в контексте.

Системно-структурные отношения в словаре проявляются в организации лексических единиц в лексико-семантические группы. Трудно найти более общую черту строения лингвистических (и не только лингвистических) объектов, чем наличие, с одной стороны, центральных, а с другой – периферийных явлений.

Разделяя мнение Ю.Д. Апресяна (2004), основной закономерностью организации центра и периферии лексической системы будем считать меньшую специфичность единицы, находящуюся в центре данной системы или подсистемы по сравнению с периферийными элементами.

«В исследуемом языке ядро составят глаголы, значение которых является прямым, стилистически нейтральным и несвязанным (свободным)» (Левинский, Стернин, 1989, 43). К периферии следует относить глаголы, у которых нарастает семантическая специфика значений и возникает все больше ограничений на их реализацию в текстах.

К центральным элементам ЛСГ глаголов со значением ‘защищать’ относятся *вступаться, заступаться, защищать 1, защищать 2, защищать 3, защищаться, оберегать, оборонять, отбивать, отбиваться, отражать, отстаивать, охранять, предохранять*. Значение перечисленных выше глаголов является прямым, стилистически нейтральным и несвязанным (свободным).

Периферия представлена глаголами *гарантировать, прикрывать, стоять*. Глаголы *гарантировать* (книжн.), *прикрывать* в значении ‘защищать’ реализуются только в определенном синтаксическом либо лексическом кон-

тексте. Но даже самый смелый телохранитель не может гарантировать Вас от нападения (НКРЯ¹). Двадцать седьмым в строю стоял старший лейтенант Клочков; он добровольно остался прикрывать их и погиб. Глагол стоять входит в состав ЛСГ глаголов со значением ‘защищать’ в переносном значении, что позволяет относить его к периферии данной группы. *Кузнец и охотник, он никого не обижал в своей жизни, а когда уходил на войну, сказал соседям, что будет стоять за родную землю так: «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах».*

А.В. Бондарко в качестве еще одного отличия периферийных и центральных элементов предлагает рассматривать возможность частичного пересечения периферии с другими лексическими подсистемами (Бондарко, 2005, 171). Общеизвестно, что один полисемантический глагол может входить в состав нескольких ЛСГ. При этом в одной из них он входит в число ядерных глаголов и выступает в первичном денотативном значении, а в остальных располагается на периферии и имеет производно-номинативное или коннотативное значение.

Следует отметить, что трудно, а может быть, невозможно установить абсолютно четкие границы между ядром и периферией, так как центростремительные и центробежные процессы постоянны, а в семантическом поле присутствуют глаголы, движущиеся от периферии к ядру и наоборот. Глаголы, составляющие периферию ЛСГ защиты, реализуясь в контексте в значении, отличном от ‘защищать’, могут включаться в другие лексико-семантические группы.

Кроме семы ‘защищать’ в лексических значениях глаголов защиты также выявляется семантический компонент ‘причина’. Глаголы защиты обозначают какое-то конкретное действие, которое является причиной другого конкретного действия или состояния. То есть семантическая структура глагола включает пропозиционную сему (носительница наименования действия) и сему каузации, поэтому каузативные глаголы могут быть распределены по лексико-семантическим группам в соответствии с их денотативными значениями.

В связи с отсутствием единой точки зрения на каузативность четко определить границы класса каузативных глаголов достаточно сложно. Это вызвано тем, что, в зависимости от точки зрения автора, один глагол может рассматриваться и как каузативный, и как некаузативный.

В данной работе предпринимается попытка решить проблему на материале глаголов со значением ‘защищать’ с помощью механизма разграничения каузативных и некаузативных глаголов, включающего следующие семантические и формальные характеристики каузативных глаголов: 1) при-

¹ Здесь и далее примеры приводятся из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) <https://ruscorpora.ru>.

чинно-побудительная семантика ‘Х делает так, что начинает иметь или имеет место новая ситуация Р’ (объект каузируемой ситуации сам совершает действие, испытывает новое состояние, меняет качество); 2) переходность глагола (прямая либо косвенная); 3) наличие соотносительного некаузативного коррелята, имеющего однословное выражение; 4) трансформация каузативного глагола в каузативную ситуацию.

На каузативность глаголов *защитить 1, защищать 2, защищать 3, оберегать, оборонять, отстаивать, охранять, предохранять* указывает причинно-следственный компонент (‘делать так, чтобы кто-, что-либо был(о) в безопасности, сохранился(ось), продолжал(о) существовать’), содержащийся в их семантической структуре. Следствием воздействия каузатора является новое состояние объекта, которое может выражаться различными способами: супплетивно – некаузативным парным глаголом, аналитически – глаголом-связкой и причастием прошедшего времени от каузативного глагола, глаголом-связкой и подходящим по смыслу существительным с предлогом (прилагательным). В работе не проводится систематизация некаузативных коррелятов каузативных глаголов. Потенциал построения коррелятов практически бесконечен. *Когда боевики напали на военный городок, наши мужики смогли защитить своих детей и жен.* (Каузативный глагол – *защищать*, некаузативный коррелят – *быть в безопасности*). *Такая стена протянулась примерно на тысячу километров, и наши солдаты смогли ее оборонить.* (Каузативный глагол – *оборонять*, некаузативный коррелят – *уцелеть*).

Отдельно следует отметить глаголы *отбивать* и *отражать*. В их семантической структуре содержится каузативный компонент, наличие которого легко выявляется путем подстановки названных выше глаголов в диагностическую конструкцию *делать так, чтобы*. Например, *отражать атаку – делать так, чтобы атака прекратилась; отбивать противника – делать так, чтобы противник отступил*. Но значение этих двух глаголов несколько отличается от общего значения остальных членов ЛСГ глаголов со значением ‘защитить’: ‘каузировать объект быть в безопасности, каузировать сохраниться, продолжать существовать, не исчезнуть’. Глаголы *отбивать, отражать* представляли бы собой отдельную подгруппу ‘действие – каузация прекращения ситуации’ при разделении ЛСГ защиты на таковые. К тому же новая ситуация, субъектом которой является каузируемый объект глаголов *отражать* и *отбивать*, не обозначается парными некаузативными коррелятами *быть в безопасности, уцелеть* и т. д., как это характерно для большинства глаголов с семантикой ‘защитить’. В связи с этим не представляется возможным рассматривать данные единицы наравне с другими глаголами, входящими в состав ЛСГ защиты. Поэтому далее они подробно не описываются.

Особый интерес среди глаголов со значением ‘защитить’ представляют *вступаться* и *заступаться*. Поскольку мы относим их к классу каузатив-

ных, то будем считать, что действие каузирующего субъекта направлено на объект в форме винительного падежа с предлогом *за*.

Функции *-ся* в отношении к объекту состоят в устранении прямой переходности и ограничении, а не полном исключении косвенной переходности. Здесь *-ся* обозначает, что действие, отстраняя объект или ставя его в косвенное отношение к себе, в то же время не охватывает и субъекта, а лишь как бы исходит от него (Виноградов, 1986, 515).

Новое состояние объекта обозначается некаузативным оппозитом *быть в безопасности*. *Увидев, как избивают его отца, он вступился за него*. Каузатор – *он*, действия каузатора – *вступиться*, следствие – *отец в безопасности*. *Очевидно, новоселы не желали вести Спирьку через Расстань, чтобы не поднимать на ноги расстанских мужиков, которые могут заступиться за односельчанина*. Каузатор – *мужики*, действия каузатора – *заступаться*, следствие – *односельчанин в безопасности*.

Глагол *защищаться*, вероятно, стоит относить к разряду автокаузативных. Возможность использовать данный глагол в диагностической конструкции, применяемой для верификации рефлексивной каузативности (подстановка возвратного местоимения на место возвратного элемента), является доказательством наличия у него основного признака «... автокаузативности – совпадение субъекта и объекта действия» (Золотова, 1973, 287). *Брат отчаянно защищался – брат отчаянно защищал себя*. Как отмечает Б.Ю. Норман, «... такая подстановка является искусственной, разрушительной для смысла (и для формы) возвратного глагола...» (Норман, 1972, 94), но в целях эксперимента она применима.

Особенность глагола *отбиваться* заключается в том, что его действие направлено скорее на контрагент (*отбиваться от нападающего*), чем на объект, совпадающий с субъектом либо являющийся самостоятельным участником определенной ситуации. Разделяя мнение Ю.Д. Апресяна, контрагентом будем называть «...участника такой ситуации, в которой принимает участие еще и активный субъект, причем действия этих двух участников не совпадают: предикат описывает полностью только деятельность субъекта, но не деятельность контрагента» (Апресян, 1995, 127).

Только лишь формальное сходство анализируемой единицы (наличие возвратного постфикса *-ся*) с автокаузативными глаголами не позволяет относить его к данной разновидности каузативных единиц. Рассматриваемый глагол не верифицируется на автокаузативность: *отбиваться² от бандитов – *отбивать себя от бандитов*.

Глаголы *гарантировать* и *прикрывать* в своей семантической структуре содержат указание на причину совершаемого действия, что позволяет рассматривать их как каузативные. В результате воздействия каузирующего субъекта

² Глагол не является каузативным, поэтому далее не рассматривается.

на объект последний переходит в новое состояние, обозначаемое некаузативными коррелятами *быть под охраной* и *уцелеть* соответственно. *При этом мы и в самом деле способны что-то сделать для курдов, в частности гарантировать их от турок*. Каузатор – *мы*, действие каузатора – *гарантировать*, следствие – *курды под охраной*. *Части и подразделения 3А, входившие в состав дивизий ПВО, уничтожили пикирующие самолеты и низколетящие цели, а также прикрывали аэродромы базирования истребительной авиации*. Каузатор – *Части и подразделения 3А*, действие каузатора – *прикрывать*, следствие – *аэродромы базирования истребительной авиации уцелели*.

Предлог *за* переводит глагол *стоять* из разряда стательных в разряд акциональных глаголов. В семантической структуре вышеназванного глагола содержится указание на причину совершаемого действия ('необходимость защитить, оградить кого-либо, защитить чьи-либо интересы'), поэтому он рассматривается как каузативный. Новое состояние объекта обозначается некаузативным коррелятом *быть защищенным*. «*Если мы, мужики, вас, городских, кормим, значит, вам нужно стоять за нас*», – сказал Алексей Иванович, усиливая впечатление решительным жестом. Каузативный глагол – *стоять*, некаузативный коррелят – *быть защищенным* (интересы мужиков защищены).

Принадлежность всех исследуемых глаголов (кроме *отбиваться*) к классу каузативных подтверждается возможностью их функционирования в конструкциях типа «некаузативный коррелят, *так как, потому что, ибо*, каузативный глагол» отражающих каузативную ситуацию. Например, *мой брат защищен (в безопасности), ибо его защищали все наши друзья; интересы рабочих защищены, так как их защищали члены профсоюза; дети остались целыми и невредимыми, так как их оберегали родители; деревня уцелела, так как ее обороняли солдаты; права рабочих защищены, ибо их отстаивали профсоюзы; государственная собственность уцелела, так как ее охраняли военные; отец в безопасности, так как за него вступился сын*. Из приведенных примеров видно, что каузируемое состояние представлено некаузативным коррелятом, каузирующее – каузативным глаголом со значением 'защищать'.

Соответствие одного некаузативного коррелята нескольким каузативным глаголам объясняется тем, что последние, различаясь оттенками лексического значения и условиями функционирования в речи, одинаково противостоят некаузативному оппозиту (Филипов, 1978, 91).

Еще одним фактом, свидетельствующим в пользу каузативности перечисленных выше русских глаголов со значением 'защищать', является возможность проследить их каузативную историю. Идея заключается в том, что необходимость каузативного воздействия на объект объясняется наличием причины для действий каузатора.

Причина, содержащаяся в семантике глаголов ЛСГ защиты, – это необходимость защитить кого-, что-либо от чего-нибудь опасного, вредного, неприятного, защитить интересы, точку зрения, мнение.

Подчеркнем, что глаголам со значением ‘защищать’, как и другим каузативным глаголам, характерно изменение состояния, переход из одной ситуации в другую. Например, *его возлюбленная всегда первой чуяла опасность, оберегала (его), предостерегала* (причина – *опасность, угрожающая человеку, юноше, мужчине*, действия каузатора – *оберегать*, следствие (новое состояние) – *он (человек, юноша, мужчина) в безопасности*).

Из изложенного следует, что все глаголы русской ЛСГ глаголов со значением ‘защищать’ являются каузативными, за исключением возвратного *отбиваться*, не содержащего семантического компонента ‘каузировать’.

Хотелось бы еще обратить внимание на тот факт, что класс каузативных глаголов как полевая структура характеризуется теми же признаками, что и другие структуры подобного типа, в частности, наличием ядерных и периферийных элементов. Ядро этого поля представляют глаголы, значение которых исчерпывается значением причинной зависимости (собственно каузативные глаголы): *вести, влечь, возбуждать, вызывать, вынуждать, вытекать, давать, добиваться, доводить, допускать, заставлять, мотивировать, обуславливать, определять, позволять, порождать, предопределять, приводить, принуждать, способствовать, последовать* (и их соответствия в других языках), периферию – глаголы, являющиеся имплицитными выразителями каузативности, используемыми при невозможности употребить эксплицитные. К периферии могут относиться такие единицы, как глаголы со значением ‘защищать’.

Периферию класса каузативных глаголов следует подразделять на ближнюю и дальнюю. К ближней будем относить глаголы типа *кормить, будить, толкать, веселить*, имеющие простой некаузативный коррелят и формальные средства выражения, считающиеся традиционными для единиц с каузативной семантикой. Являясь неспециализированными средствами передачи каузативных отношений, глаголы со значением ‘защищать’ составят дальнюю периферию класса каузативных глаголов, так как у них не обнаруживается четкий некаузативный оппозит и причинно-следственная семантика не всегда имеет регулярные формальные средства выражения.

Возможность глаголов со значением ‘защищать’ совмещать каузативную и денотативную семы, указывая на причинно-следственные отношения в случаях, когда эксплицитные маркеры не используются, а также особенности реализации каузативной семантики в рамках каузативной оппозиции, связанные с отсутствием простого некаузативного коррелята, позволяют рассматривать их как периферию класса каузативных глаголов. Исследование отдельных ЛСГ в аспекте каузативности представляется чрезвычайно важным, поскольку дает возможность детально рассмотреть особенности выражения каузативной семантики близкими по значению глаголами.

Широкая трактовка каузативности, принятая в данной статье, позволяет включать в класс каузативных большое количество глаголов. Возникающий в связи с этим вопрос об объеме класса каузативных глаголов и его границах решается с помощью механизма разграничения каузативных и некаузативных глаголов. Применение данного механизма к глаголам со значением 'защищать' показало, что все они (кроме возвратного рус. *отбиваться*) являются каузативными, так как соответствуют минимум трем критериям, релевантным для каузативных глаголов. Отсутствие однословного некаузативного коррелята у большинства глаголов защиты не является основанием для того, чтобы не включать их в класс каузативных.

Глаголы со значением 'защищать', являющиеся, с одной стороны, составной частью определенного функционально-семантического поля, с другой стороны, представляют собой абсолютно самостоятельную лексико-семантическую группу со своими лексическими и грамматическими особенностями. Пересечение отдельных полей, приводящее к образованию общих сегментов, является важной характеристикой поля. Такое явление считается не исключением из правила о членении целого на отдельные части, а закономерным проявлением одной из важных сторон полевой структуры языковых групп. Лексико-семантическая группа глаголов со значением 'защищать' представляет собой типичную полевую структуру. С помощью специальных критериев нами выделены ядро и периферия данной ЛСГ, что является важной чертой полевого подхода к исследуемым явлениям.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апресян, Ю.Д. (1995). *Избранные труды: в 2 т. Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка*. Москва: Шк. «Яз. рус. культуры».
- Апресян, Ю.Д. (2004). *Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике*. В: *Типологические обоснования в грамматике*, 20–35. Москва: Знак.
- Бондарко, А.В. (1971). *Грамматическая категория и контекст*. Ленинград: Наука.
- Бондарко, А.В. (2005). *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*. Москва: Языки славянских культур.
- Виноградов, В.В. (1986). *Русский язык: граммат. учение о слове*. Москва: Высшая школа.
- Долгих, Н.Г. (1973). *Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии*. *Филологические науки*, 1, 89–98.
- Золотова, Г.А. (1973). *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Наука.
- Левицкий, В.В., Стернин, И.А. (1989). *Экспериментальные методы в семасиологии*. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета.
- Национальный корпус русского языка (2003–2020)*, <http://www.ruscorpota.ru> (доступ: 5.08.2020).
- Норман, Б.Ю. (1972). *Переходность, залог, возвратность: на материале болг. и др. слав. яз.* Минск: Изд-во БГУ.
- Ожегов, С.И. (1987). *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык.

- Попова, З.Д. (ред.). (1989). *Полевые структуры в системе языка*. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета.
- Супрун, А.Е. (1975). *Лексическая система и методы ее изучения. Проблема системности лексики*. В: *Методы изучения лексики*, 5–22. Минск: Белорусский государственный университет.
- Филиппов, А.В. (1978). *К вопросу о каузативных и некаузативных глаголах*. Русский язык в школе, 1, 90–94.

- Апресьян, Ю.Д. (1995). *Izbrannye trudy: v 2 t. T. 1: Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow: Shk. «Yaz. rus. Kul'tury».
- Апресьян, Ю.Д. (2004). *Printsipy organizatsii tsentra i periferii v leksike i grammatike. V: Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike*, 20–35. Moscow: Znak.
- Bondarko, A.V. (1971). *Grammaticheskaya kategoriya i kontekst*. Leningrad: Nauka.
- Bondarko, A.V. (2005). *Teoriya morfologicheskikh kategorii i aspektologicheskie issledovaniya*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Dolgikh, N.G. (1973). *Teoriya semanticheskogo polya na sovremennom etape razvitiya semasiologii*. Filologicheskie nauki, 1, 89–98.
- Filippov, A.V. (1978). *K voprosu o kauzativnykh i nekauzativnykh glagolakh*. Russkii yazyk v shkole, 1, 90–94.
- Levitskii, V.V., Sternin, I.A. (1989). *Eksperimental'nye metody v semasiologii*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (2003–2020)*, <http://www.ruscorpora.ru> (dostup: 5.08.2020).
- Norman, B. Yu. (1972). *Perekhodnost', zalog, vozvratnost': na materiale bolg. i dr. slav. yaz.* Минск: Izd-vo BGU.
- Ozhegov, S.I. (1987). *Slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Russkii yazyk.
- Popova, Z.D. (ред.). (1989). *Polevye struktury v sisteme yazyka*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Suprun, A.E. (1975). *Leksicheskaya sistema i metody ee izucheniya. Problema sistemnosti leksiki. V: Metody izucheniya leksiki*, 5–22. Минск: Belorusskii gosudarstvennyi universitet.
- Vinogradov, V.V. (1986). *Russkii yazyk: grammat. uchenie o slove*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Zolotova, G.A. (1973). *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka*. Moscow: Nauka.

Инга Милевич

 <https://orcid.org/0000-0002-4948-8655>

Alberta College

Skolas 22, LV-1010, Riga, Latvia

inga.milevica@gmail.com

Стратегии перевода: средство самопрезентации автора научной публикации?

Translation strategy: self-presentation of the author of a scientific publication?

Резюме

Статья посвящена одному из дискуссионных терминов современного переводоведения – *стратегии перевода*. Типологии стратегий перевода отличаются принципами их выделения и обоснования. В статье анализируется 325 научных статей электронной библиотеки *Cyberleninka*, содержащих сочетание *стратегия + перевод*. Результаты анализа показали, что в научных статьях понятие *стратегии перевода* часто используется в аннотации/ключевых словах научной статьи, но в то же время никак не определяется в самом тексте статьи. В таком случае возможно предположить, что использование понятие *стратегии перевода* продиктовано соображениями самопрезентации автора научной статьи.

Ключевые слова: стратегия перевода, самопрезентация, научная статья, *Cyberleninka*.

Summary

The article is devoted to one of the controversial terms of modern translation studies, namely translation strategy. The typologies of translation strategies differ in terms of principles of their identification and justification. The article analyses the *Cyberleninka* electronic library and 325 scientific articles containing the combination *strategy + translation*. The results of the analysis showed that in scientific articles the concept of a translation strategy is often used in the abstract/keywords, but at the same time, it is not defined in any way within the article proper. In this case, it is possible to assume that the use of the concept of translation strategy is driven by considerations of self-presentation of the author of a scientific article.

Keywords: translation strategy, self-presentation, scientific article, *Cyberleninka*.

Как известно, *стратегия перевода* относится к дискуссионным терминам современного переводоведения. На большое количество конкурирующих терминов (*procedures, techniques, operations, changes, shifts, methods, replacements*), несогласованность в принципах выделения и обоснования стратегий перевода указывает, напр., Ив Гамбье (Gambier, 2010, 412, 413), и находит частичное объяснение этому:

This terminological variation can be explained partly by the disciplinary background of the researchers (comparative literature, stylistics, discourse analysis, psycholinguistics, etc.), the purpose of their investigation (pedagogical application, theoretical discussion, explanation of a problem), and/or the scope of their studies (intending to cover all possible relationships between a source text (ST) segment and a target text (TT) segment, discovering what is going on in the translator's mind, focusing on a very specific item) (Gambier, 2010, 412).

Тем не менее возможно обнаружить три основных понимания *стратегии перевода*: 1. Переход между языками (*Shifting between languages*); 2. Решение проблемы (*Solving a problem*); 3. Рабочий процесс перевода (*Translation working process*) (Gambier, 2010, 413–415).

Однако, если обратиться, в частности, к научным статьям российских исследователей, то названных оснований для понимания стратегий перевода недостаточно. Нередко причиной использования термина *стратегия перевода* является самопрезентация автора статьи, вследствие чего понимание стратегии перевода отходит на второй план (если вообще присутствует).

Целью данной работы явилась проверка гипотезы: если такой неоднозначный термин как *стратегия перевода* выносится в аннотацию/ключевые слова научной статьи, то в статье должно присутствовать его определение. В январе 2020 года в электронной библиотеке *Cyberleninka* для анализа были отобраны статьи, содержащие сочетание *стратегия+перевод*, общее число статей – 325 (статьи не отражены в библиографическом списке). *Cyberleninka* – это самая большая российская электронная библиотека, созданная на основе парадигмы *Open Science*, входящая в топ-5 международного рейтинга *Transparent Ranking of Repositories*, а статьи включены в такие значимые базы как *BAK, RSCI, ESCI, Scopus*. Методы исследования – семантический, контекстуальный и статистический анализ. Для анализа использовались следующие позиции:

1. Использование сочетания *стратегия перевода* (варианты – *переводческая стратегия, стратегия переводчика*) в т. н. сильных позициях текста – аннотация и ключевые слова.

2. Присутствие или отсутствие в тексте статьи определения *стратегии/я перевода*.

Кроме того, учитывался жанр статьи (не принимались во внимание рецензии и обзоры); специализация автора статьи, его образование и государственная принадлежность (рассматривались статьи, написанные россий-

скими авторами со степенью выше магистра); материал исследования (художественная литература, научная литература, аудиовизуальные тексты и др.).

Итак, понятие (от использования *термин* пока воздержимся) *стратегии перевода* зачастую используется без определения, в то же время именно это понятие указывается в аннотации, ключевых словах или даже названии статьи. Можно предположить, что причинами этого могут стать тенденции моды в науке, некритичность, конформизм и др., другими словами, нарушение принципов научного этики и увлечение самопрезентацией автора научной статьи.

Самопрезентация определяется как ‘any behaviors intended to convey a particular image of, or particular information about, the self to other people’ (*APA Dictionary of Psychology*). Соответственно, самопрезентация подразумевает определенный набор моделей и приемов коммуникативного поведения, направленных на управление впечатлением – контролируемому представлению информации о себе.

Исследований самопрезентации достаточно много на материале различных средств коммуникации (особенно невербальных), гендерных ролей в коммуникации (особенно в ситуации знакомства), а также социальных сетей, публичных выступлений, корпоративных коммуникаций, детской речи, отдельных жанров (напр., биография), особенно жанров делового общения (особенно – первого рабочего интервью), однако исследований самопрезентации на материале научного дискурса немного. Среди таких исследований выделяется исследование самопрезентации в аспекте гендерных ролей (Daubman, Heatherington, Ahn, 1992), кроме того, изредка появляются исследования самопрезентации исследователя, в частности, интервьюера во время интервью (Lee, Roth, 2004). Следует упомянуть сравнительное исследование политического, судебного и научного дискурсов в аспекте самопрезентации (Аксенова, 2013). Одной из особенностей самопрезентации в научном дискурсе является косвенность.

Гораздо чаще [прямой] встречаются элементы косвенной самопрезентации, с помощью которых подчеркивается принадлежность к авторитетной научной школе, самостоятельность исследования, масштабность проделанной работы и т.п. В некоторых случаях адресант с помощью этой стратегии старается подчеркнуть свой авторитет в научном мире (Аксенова, 2013, 111).

Использование лексемы с более абстрактным значением может стать таким косвенным способом самопрезентации. Лексема *стратегия* является более абстрактной, и она может создать нужный автору статьи ракурс восприятия, в отличие от лексемы *прием*, которая является не столь абстрактной. Ср.: *Стратегия* 1. ‘Наука о ведении войны, искусство ведения войны. Теория военной стратегии. 2. Общий план ведения войны, боевых операций. Побе-

доносная с. 3. перен. Искусство руководства общественной, политической борьбой, а также в целом искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах' и прием '1. см. принять. 2. Отдельное действие, движение. Выпить стакан в два приема. 3. Способ в осуществлении чего-н. 4. Собрание приглашенных (обычно у официальных лиц) в честь кого-чего-н.' (Толковый словарь русского языка/ТСРЯ online).

Обратимся к материалу исследования, которое охватывает – 325 статей. В 11 статьях нефилологов понятие стратегии перевода было 11 раз использовано в аннотации и/или ключевых словах; в 9 статьях нет определения *стратегии перевода*, в двух статьях с определением производился анализ определений. Примечательно, что в статьях без определения стратегии перевода это понятие контекстуально заменяется на (сближается с такими понятиями как) *тенденция, подход, выбор автора*. Ср.: ...однако новые тенденции в польском стихосложении побуждают переводчика комбинировать **вышеперечисленные стратегии**; Следовательно, переводчик должен сделать выбор между **двумя вышеуказанными подходами**: переводит ли он для чтения вслух или про себя? Разумеется, одно и то же стихотворение может оказаться в **обеих ситуациях**. В другой статье контекстуальными заменами/сближениями становятся **установка, цель**: *Используя математический термин, подчеркнем, что стратегия перевода является функцией установки перевода, которая, в свою очередь, является функцией цели инициатора...*

Во всех 18 статьях литературоведов понятие стратегии перевода использовано в аннотации и/или ключевых словах, в 16 статьях нет определения стратегии перевода. Типичный пример контекстуальных синонимов/сближений в статьях: *В работе поднимается проблема передачи сравнений и сравнительных конструкций в художественном переводе...*; и далее *Вопрос о закономерностях предпринимаемых переводческих решений при передаче сравнений не универсален. Каждый переводчик находит свои стратегии и методы по преодолению трудностей перевода. При переводе сравнительных оборотов переводчик сталкивается с рядом задач: достоверно передать денотат оригинала, прагматическое значение, национальную специфику оборота.*; *Рассмотрим специфику переводческих стратегий при передаче сравнительных конструкций с русского на осетинский язык в произведениях русской литературы*; в заключении статьи: *Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ способов передачи в художественном переводе сравнительных конструкций на русский / осетинский язык показал основные переводческие стратегии, к которым прибегает переводчик в своей работе. Доминирующим способом передачи образов, лежащих в основе сравнения, является калькирование – дословный перевод. В исключительных случаях переводчик прибегает к замене, опущению сравниваемых образов или описанию средствами переводящего языка передаваемого ими смысла.*

Соответственно, без определения или формулирования разницы между понятиями исчезает терминологическая точность научной статьи. Примечательно, что реализации синонимических замен контекстуального характера и семантическое сближение происходит подчас в рамках одного предложения: *Выявляется специфика **переводческой техники** названного автора, теоретически обосновывается правомерность и плодотворность **новаторского приема поэтической трансформации**, делается вывод о том, что одно из несомненных достоинств книги – попытка внести в современную теорию художественного перевода новую **стратегию диалога** с подлинником и продемонстрировать на практике ее содержательные возможности.* Далее в тексте статьи: ***Трансформация как концептуальная стратегия**, судя по всему, коррелирует с отдельными, не совпадающими с ней **видами перевода**, из которых самым примечательным является свободный стих, или верлибр.* И далее: *По сути, выбрана **продуктивная тактика перевода**, отличающаяся от всех ныне существующих: сонеты Шекспира, состоящие из четырнадцати строк, мастерски «уплотняются» в четыре строки авторских рубаи по персидскому каноническому образцу, а сами рубаи Хайяма «выпрямляются» в четырнадцатистрочной линейке авторских сонетов на английский манер.* Еще один характерный пример: *зависимость **стратегии Ш. Мударриса** от канонизированного в те времена маршаковского стиля оспаривать не приходится, за одним исключением; в статье далее понятие стратегии не только синонимизируется с понятием *принцип*, но и указывается на несоответствие выбранного, но так и не определенного инструмента исследования объекту исследования. Если подходить к подобному переводу с точки зрения историко-социальных условий, то можно было бы сказать так: Ш. Мударрис совместил **переводческие принципы** 1940-х годов с **принципами поэтического творчества** 1960-х годов – холодно-рациональную ясность сталинского «века-зверя» с чувством «оттепельной» свободы. Конечно, такое определение **переводческой стратегии** является **видимым упрощением**, вульгаризацией литературного опыта, подобно всякой редукции, пытающейся свести сложные художественные феномены к **простым и легко прочитываемым схемам**.* И еще один пример: *Перед нами не форенизация как **стратегия сохранения** при переводе маркеров иной этнокультурной идентичности. **Переводческие решения** Пивера и Волохонски (и частично Герни), скорее, можно обозначить **термином «остранение»** в том смысле, в котором его употреблял В.Б. Шкловский. Англоязычное **понятие «defamiliarization»**, соответствующее русскоязычному «остранение», обладает большим объемом, чем «форенизация». Поэтому далее для обозначения соответствующей **стратегии** на всех уровнях мы будем пользоваться **понятием «остранение»**. Тогда **противоположную стратегию** можно назвать «натурализацией», поскольку это **понятие означает и «одомашнивание» и «придание естественности»**.*

Из 98 статей переводоведов 42 статьи посвящены вопросам теории перевода, в том числе, 13 – вопросам методики и 6 – видам перевода. В 14 статьях использовано определение стратегии перевода, в 5 из этих статей понятие подвергается детальному анализу; в 40 статьях понятие стратегии перевода использовано в аннотации/ключевых словах. Примечательно, что в 18 статьях используется дуальная структура: в 12 статьях – микро- и макростратегии, в одной статье – буквальный/вольный, в трех – форенизация/доместикация, в одной – прототипическая/адаптивная стратегия; в одной – стратегия формы и содержания; в 21 статье понятие стратегии применяется для характеристики этапов перевода, напр., *стратегия понимания исходного текста и стратегия передачи*. Примечательно, что 36 статей из 98 посвящены переводам художественной литературы (в 30 статьях нет определения теории перевода, в 33 статьях рассматриваемое понятие включено в аннотацию/ключевые слова; в 9 статьях (в трех использовано определение) использована дуальная структура стратегии *доместикация/форенизация, направленная на культурную адаптацию/не направленная*), аудиовизуальному переводу посвящено 6 статей (5 статей без определения стратегии перевода) – во всех статьях понятие стратегии перевода использовано в аннотации/ключевых словах; в двух статьях – без определения – стратегия перевода рассматривается в дуальной структуре: *локализация/стандартизация; точность/вольность*; медицинскому переводу посвящены две статьи (в статьях нет определения стратегии перевода, но понятие включено в аннотацию/ключевые слова); переводу публицистики – две статьи (в обеих статьях нет определения стратегии перевода, но оно включено в аннотацию/ключевые слова); переводам туристического дискурса посвящены четыре статьи (в трех статьях нет определения стратегии перевода, во всех статьях понятие включено в аннотацию/ключевые слова); переводам дискурсов политики и дипломатии посвящены четыре статьи (во всех статьях нет определения стратегии перевода, но понятие включено в аннотацию/ключевые слова; в одной статье использована дуальная структура стратегии – *микростратегия и макростратегия*); переводу компьютерных игр посвящена одна статья (нет определения стратегии перевода, но понятие включено в аннотацию/ключевые слова); индустриальному специальному переводу посвящена одна статья (нет определения стратегии перевода, но понятие включено в аннотацию/ключевые слова).

Из 198 статей языковедов 124 статьи посвящены переводу художественной литературы (в том числе одна статья – переводу Библии): в 13 статьях есть определение стратегии перевода, в 115 статьях понятие включено в аннотацию/ключевые слова; 21 статья посвящена аудиовизуальному переводу (в пяти статьях есть определение, в 18 понятие использовано в аннотации/ключевых словах); одна статья – переводу компьютерных игр (нет определения стратегии перевода, но понятие использовано в аннотации); три статьи

посвящены переводу рекламы и публицистики (из трех статей – в одной есть определение, а в трех используется понятие в аннотации/ключевых словах; в двух использована дуальная структура стратегии перевода; *доместикация/форенизация; сохранять или изменять концептуальную составляющую исходного состава*); четыре статьи – переводу экономических и финансовых текстов (из четырех статей – в одной использовано определение, во всех четырех статьях – включено в аннотацию/ключевые слова); две статьи – техническому переводу (в обеих статьях нет определения стратегии перевода, но понятие использовано в аннотации/ключевых словах, в одной – использована дуальная структура стратегии перевода – *прототипическая/адаптивная*); одна статья посвящена переводу дискурса туризма (нет определения стратегии перевода, но понятие использовано в аннотации; использована дуальная структура *вольность/тьнь автора*); одна статья посвящена переводам милитарного текста (есть определение стратегии перевода, понятие включено в аннотацию); три статьи посвящены переводу дискурса политики и дипломатии (во всех трех статьях нет определения стратегии перевода, но понятие использовано в аннотации; в одной статье использована дуальная структура *микро – и макростратегия*); семь статей посвящено переводу научных, в том числе исторических и философских текстов (в двух статьях использовано определение стратегии перевода, во всех статьях включено в аннотацию/ключевые слова; в одной статье – с определением стратегии перевода – использована дуальная структура стратегии перевода *адаптивная/резистентная стратегия*); одна статья посвящена переводу конференций (есть определение стратегии перевода, понятие использовано в аннотации); одна статья – переводу текстов искусства (нет определения стратегии перевода, но понятие использовано в аннотации); одна статья – переводу медицинских текстов (нет определения стратегии перевода, но понятие использовано в аннотации); семь статей посвящены переводу юридических и деловых текстов (четыре статьи с определением стратегии перевода, в каждой статье понятие использовано в аннотации), 28 статей посвящено теории и методике переводоведения, из которых шесть – теории перевода, 10 – методике перевода, 12 статей – проблемам перевода (проблемы перевода отдельных языковых единиц) – семь статей с определением стратегии перевода, в 25 определение использовано в аннотации/ключевых словах.

Предварительный анализ показал, что в статьях присутствуют и другие тенденции. Обращает на себя внимание использование контекстуальных синонимов или невнятных формулировок. Ср.: *Некоторые исследователи коммерческой адаптации текстов называют такой перевод дезориентирующим [1], однако, на наш взгляд, корректней отнести его к приему стратегии замены; в статье рассматриваются стратегии перевода иноязычных вкраплений в художественном тексте на материале французского и русского языков. [...] Переводческая тактика в отношении*

латинских слов... [...]; Кроме вышеупомянутых **стратегий форенизации и доместикации** локализаторы видеоигр часто пропускают фрагменты текста оригинала, оставляя их без перевода (*no translation strategy* – **стратегия «без перевода»**) [3]. Данный прием перевода можно встретить на любом участке игры; Переводы последних лет ориентируются на **стратегию сохранения художественного и эстетического воздействия текста**. Переводчики (А. Адамов, А. Маркович, Ф. Морван) уделяют особое внимание передаче авторского замысла, подтекста произведения, сохранению стилистической и эстетической специфики подлинника. [...] **Противоположная тенденция** перевода связана со стремлением переводчиков акцентировать русский колорит пьес А. П. Чехова, их «славянский характер». [...] **Ведущим принципом** большинства переводов второй половины XX в. является «дерусификация» текста оригинала, отсутствие явной ссылки на Россию конца XIX в. [...] **Главная особенность** переводов А. Адамова – знание им не только текста произведения, но и творчества автора в целом. Подобные замены наблюдаются даже в рамках одного предложения: Это во многом зависит от выбранной **переводчиком стратегии (способа)** трансляции имени на другой язык. Отдельно стоит обратить внимание на то, что синонимы используются в заключении статей. Напр., начало статьи: *Специфика перевода городской безэквивалентной лексики сводится к двум основным стратегиям: а) переводчик стремится найти в той или иной степени адекватные оригиналу номинации, чаще всего описательные обороты, или б) вводит в текст варваризм, комментируя его в подстрочнике*. В заключении статьи: **Приемы и стратегии** в интерпретации городского пространства в значительной мере зависят от авторских интенций.

Анализ показал, что в 242 статьях из 325 (т.е. в 74,46% статей) не используется определение стратегии перевода, причем в 255 (т.е. в 78,46% статей) статьях понятие включено в аннотацию/ключевые слова именно тогда, когда понятие стратегии перевода не подвергается определению. Таким образом, гипотеза не подтвердилась: не наблюдается корреляции между использованием понятия стратегии перевода в аннотации/ключевых словах и введением в текст статьи определения стратегии перевода. Обращает на себя внимание факт, что часто используется дуальная структура стратегии перевода, а наиболее частым материалом исследования остается художественная литература. Эти два факта могут свидетельствовать не только о традициях и приемственности научных исследований, но и о нежелании покинуть зону комфорта исследователя-филолога. В ходе исследования также обнаружили следующие тенденции: понятие стратегии перевода в тексте статьи регулярно замещается (сближается с) понятиями *приема, способа, решения, тенденции, принципа* и др., что позволяет предположить, что понятие стратегии используется в целях самопрезентации автора статьи. Важно отметить, что подобное явление вокруг денотата не является спора-

дическим явлением, а регулярным. Понятие стратегии перевода становится инструментом или маркером современного научного дискурса, видимо, потому что понятие *стратегии* воспринимается как более концептуальное и актуальное, чем, напр., *прием*, особенно в сильных позициях научной статьи – аннотациях, ключевых словах. Таким образом, утверждение об узком и широком понимании понятия стратегии перевода оказывается неполным: понятие стратегии перевода может быть использовано в целях самопрезентации автора научной статьи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксенова, А.В. (2013). *Стратегия самопрезентации как средство формирования имиджа в разных видах дискурса*. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 15, 109–114.
- Толковый словарь русского языка online*. <https://ozhegov.slovaronline.com/> (доступ: 8.12.2020).

- Aksenova, A.V. (2013). *Strategiya samoprezentatsii kak sredstvo formirovaniya imidzha v raznykh vidakh diskursa*. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki, 15, 109–114.
- APA Dictionary of Psychology*. <https://dictionary.apa.org/self-presentation> (dostup: 8.12.2020).
- Daubman, K.A., Heatherington, L., Ahn, A. (1992). *Gender and the Self-Presentation of Academic Achievement*. Sex Roles, Vol. 27, Nos. 3/4, 187–204.
- Gambier, Yves. (2010). *Translation strategies and tactics. Handbook of Translation Studies*. Volume I. Ed. Yves Gambier, Luc van Doorslaer. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 412–418.
- Lee, Y.-J. & Roth, W.-M. (2004). *Making a Scientist: Discursive “Doing” of Identity and Self-Presentation During Research Interviews*. Forum: Qualitative Social Research Social Forschung. Vol. 5, No. 1, Art. 12 January 2004.
- Tolkovyi slovar' russkogo yazyka online*. <https://ozhegov.slovaronline.com/> (dostup: 8.12.2020).

Наталья Немич

 <https://orcid.org/0000-0002-9515-1084>

Филиал Военного учебно-научного центра

Военно-воздушных сил

«Военно-воздушная академия

им. профессора Н.Е. Жуковского

и Ю.А.Гагарина» в г. Сызрани

446007, г. Сызрань, Самарская область, ул. Маршала Жукова, 1

nemich.natalya@mail.ru

Лексические средства семантики невыразимого в современном газетном дискурсе

Lexical means of the semantics of the inexpressible in modern newspaper discourse

Резюме

В статье рассматриваются лексические средства семантики невыразимого. Невыразимое – это функционально-семантическая категория русского языка, которая служит для передачи невозможности выразить участниками речи объект речи. Динамичное развитие печатных средств массовой информации оказывает огромное влияние на процесс производства и распространения газетных текстов. Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что тексты газет являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка. В современном газетном дискурсе усилилась активная оценочно-воздействующая направленность. Сегодня можно говорить об особой прагматической интенсивности газетного текста, его насыщенности. Одной из смысловых составляющих интенсивности является семантика невыразимого, которая и вызывает интерес. Цель статьи – выявление бытования семантики невыразимого в современных газетных текстах. Принимая во внимание богатый потенциал газетного дискурса как сферы, продуцирующей все новые приемы реализации категории образности, полагаем, что изучение семантических и функциональных свойств невыразимого является актуальной научной задачей. В современном газетном дискурсе авторами используются понятия «невыразимое» и его лексико-семантическая группа как критерий невозможности выразить словами. В текстах газет семантика невыразимого выражается широким набором лексических средств: это имена прилагательные с приставкой, передающей семантику

отрицания, лишения (невыразимый, непередаваемый, неопиcуемый, неизреченный и др.), их дериваты: непередаваемо, несказанно, неопиcуемо, неизъяснимо и др.; глагольные словосочетания: невозможно выразить (передать, сказать); оксюморон: выразить невыразимое; фразеологические единицы: нет слов (чтобы выразить). Наиболее частотны в современном газетном дискурсе в плане передачи значения невыразимого прилагательные *невыразимый, непередаваемый* и их дериваты, среднечастотны – наречия, грамматические и лексические варианты фразеологизмов-предложений *нет слов, не находить слов, словами не передать* и глагольные перифразы с отрицанием *не могу выразить, не могу передать словами, сказать не могу*.

Ключевые слова: семантика, лексические средства, невыразимое, непередаваемое, современный газетный дискурс, маркеры отрицания.

Summary

The article studies the lexical means of the semantics of the inexpressible. The inexpressible is a functional and semantic category of the Russian language which serves to convey the impossibility of expressing an object of speech by speech participants. The dynamic development of the printed media has a huge impact on the production and distribution of newspaper texts. The relevance of our research lies in the fact that newspaper texts are contemporarily one of the most common forms of language existence. The modern newspaper discourse has been dominated by the evaluative and influencing orientation. Today we can talk about a special pragmatic intensity of newspaper texts and their saturation. One of the semantic components of intensity is the semantics of the inexpressible. The purpose of the article is to identify the existence of unspeakable semantics in modern newspaper texts. Taking into account the rich potential of newspaper discourse as a sphere that produces all new methods of implementing the category of imagery, we believe that the study of the semantic and functional properties of the inexpressible is an urgent research objective. In the modern newspaper discourse, authors use the concept of 'inexpressible' and its lexical-semantic group as a criterion for the impossibility of expressing things in words. In newspaper texts, the semantics of the inexpressible is expressed by a wide range of lexical means: adjectives with a prefix that conveys the semantics of negation, deprivation (inexpressible, indescribable, indescribable, unspeakable, etc.) and their derivatives, such as indescribable, unspeakable, indescribable, inexplicable, etc.; verb phrases that it is impossible to express (convey say); oxymoron as an expression of the inexpressible; phraseological units with no words (to express). The most frequent in the modern newspaper discourse, in terms of the transfer values of unspeakable, are the adjectives *unspeakable, indescribable* and their derivatives, mid-adverb, grammatical and lexical variants of phraseological units-sentences, such as *no words, not finding words, words cannot describe* and paraphrased verbs with negation, such as *a can't tell, not words, I cannot say*.

Keywords: semantics, lexical means, inexpressible, indescribable, modern newspaper discourse, markers of negation.

Семантика невыразимого является объектом внимания ученых-филологов, ученых-литературоведов, ученых-лингвистов, ученых-геологов в разных странах мира на протяжении многих веков. Вечная проблема «невыразимого» модифицируется в каждую эпоху в конкретном историко-культурном преломлении. Константу «невыразимого» В.В. Дудкин трактует «зazorом

между полнотой, целостностью и непосредственностью и ... визуальной данностью и способностью, а точнее – неспособностью ее адекватно выразить – в данном случае – в слове» (Дудкин, 2012, 101).

Невыразимое – это функционально-семантическая категория особого типа, так как ее значения «накладываются» на значения других категорий. Семантика невыразимого в русском языке служит для передачи невозможности выразить участниками речи объекта речи. Единицы поля невыразимого передают сигнификативную ситуацию невыразимости. Говорящий констатирует, что не может выразить объект речи. Следовательно, понятие «невыразимое» применяется для обозначения отсутствия возможности выражения в силу экстраординарности предмета речи.

В научных трудах, в основном, ученые пишут о средствах передачи семантики невыразимого в своих исследованиях. Так, исследователь Р. Перельштейн пишет о том, что в религии область невыразимого сопряжена с отказом от «внешней мудрости» и устремленностью к «высшему бесстрастию», или безмолвию, каким оно предстает в традиции исихазма, а шире – в традиции отрицательного богословия, именуемого апофатизмом» (Перельштейн, 2015, 12). Апофатика, по мнению Р. Перельштейна, присуща природе кинематографа, который пытается «выразить невыразимое, визуализируя отсутствие видимых вещей и присутствие вещей невидимых, какими они предстают в «чистом созерцании» (Перельштейн, 2015, 15).

Е.М. Верещагин, анализируя рече-поведенческие тактики выражения «невыразимого» выясняет, возможно ли в диалоге продвинуться в постижении «непостижимого» и выражении «невыразимого», какие для этого должны быть выполнены условия и какие соответствующие рече-поведенческие тактики способны привести к успеху (Верещагин, 2010, 43).

Е.П. Иванян, исследуя семантику умолчания, говорит о пересечении ее с семантикой невыразимого (Иванян, 2015). Г.С. Сырица определяет специфику семантики невыразимого «особенностями самих денотатов, свойства которых трудно или невозможно передать словами, так и системой языковых средств, их репрезентирующих» (Сырица, 2009, 294).

Специальное исследование, посвященное феномену семантики невыразимого в языке и речи, проведено М.Ю. Михайловой, которая дала характеристику денотативной области семантики невыразимого; осуществила моделирование функциональносемантического поля невыразимого; выявила стилистические приемы передачи семантики невыразимого (прозопографии, экфрасиса и оксюморона) и др. (Михайлова, 2020).

Категория невыразимого в книге О.Э. Мандельштама «Камень» изучалась В.А. Глазыриным и Ю.В. Казариным (Глазырин, Казарин, 2016). М.Ю. Михайлова охарактеризовала семантику невыразимого в «Рассказе о семи повешенных» Л. Андреева (Михайлова, 2016), в творчестве К.Г. Паустовского (Михайлова, 2020).

Исследуя классический текст, М.В. Михайлова определяет его как игру языка и молчания, где «могущественные слова выявляют бытие того, что собой огораживают, вершат священный танец вокруг невыразимого, чтобы оно стало внятно, оставшись неназванным, не разменянным на медную монету прямых именованый» (Михайлова, 2012, 18).

В.В. Дудкин определяет проблему «невыразимого» «как проблему перевода (не в узкоспецифическом, а в общем, культурологическом, смысле): 1) перевод процесса творчества в его результат; 2) перевод визуального (точнее: визуально интеллектуально эмоционально – телесного в их целостности) в вербальное и т. д.» (Дудкин, 2012, 108).

Е.Ф. Гладкая в основе невыразимости видит «острое переживание конфликта между субъективностью, неповторимостью внутреннего, психического содержания и обобщенностью, объективностью языка, между полнотой, целостностью внутреннего знания и конечностью языковых средств выражения» (Гладкая, 2008, 7–8). К лексическим маркерам, указывающим на невербализованные смыслы, Е.Ф. Гладкая относит «слова и выражения со значением невыразимости: несказанный; недосказанность; неназванный; невыразимый; неизъяснимый; для сравнения слов не найду; в словах не опишешь» (Гладкая, 2008, 9).

В.В. Андреев определяет умолчание в качестве намека на невыразимое, несказанное. Исследователь к средствам семантики трудно вербализуемого относит «неопределенные местоимения, наречия, прономинативы и лексические единицы с семой «невыразимое», «неописуемое» (Андреев, 2007, 9).

По мнению Л.А. Горшковой, знание человеком чего-то важного не облегчает возможность это знание выразить. Следовательно, содержанием высказывания с семантикой невыразимого может быть сообщение о знании, которое трудно сформулировать, передать, выразить» (Горшкова, 2005, 22).

М.Ю. Михайлова отмечает, что «семантика невыразимого опирается на грамматическую категорию отрицания, это базовое (основополагающее) значение семантики невыразимого. Все языковые средства передачи семантики невыразимого содержат «грамматику отрицания» (отрицательную частицу *не* или *ни*, отрицательное слово *нет*, отрицательные предлоги *без*, отрицательные приставки *без-/бес-, а-, не-*)» (Михайлова, 2015, 964).

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что тексты газет являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка. В современном газетном дискурсе усилилась активная оценочно-воздействующая направленность. Сегодня можно говорить об особой прагматической интенсивности газетного текста, его насыщенности. Одной из смысловых составляющих интенсивности является семантика невыразимого, которая и вызывает интерес. Невыразимое – это то, что не поддается выражению или не может быть выражено или объяснено словами, что не может быть рассказано, описано с помощью слов.

Средства передачи семантики невыразимого в основном содержат в большей или меньшей степени отрицание, например: *не могу выразить, невозможно передать, невозможно выразить*; или характеризуются наличием отрицательного префикса, например: *невыразимый, неопикуемый, неперередаваемый* и их дериваты.

Невыразимое представляет собой функционально-семантическую категорию, которая располагает ядром и периферией средств передачи своего содержания. В ядро поля семантики невыразимого входят отрицательные предложения типа *не могу выразить, невозможно передать, невозможно выразить* и т.п. и абстрактная лексика с семантикой невыразимого: имена прилагательные с префиксом, передающим семантику отрицания (*невыразимый, непередаваемый, неопикуемый*) и их дериваты; абстрактные субстантиваты (*невыразимое, непередаваемое, неопикуемое* и др.); наречия (*невыразимо, непередаваемо, неопикуемо* и др.).

Периферия поля включает в себя стилистические маркированные прилагательные *несказанный, небывалый, неизреченный* и их дериваты; метафоры (*не могу найти слов, нет слов*) и оксюмороны (*выразить невыразимое*).

Важно заметить, что граница между ядром и периферией семантики невыразимого и отдельными зонами периферии достаточно нечеткая. Следующим этапом нашего исследования будет деление лексем внутри поля на отдельные микрополя по дополнительным дифференциальным признакам, выявление пересечения микрополей для определения общих зон семантического перехода.

Рассмотрим, как используется семантика невыразимого в современных газетных текстах.

Материалом для исследования послужил современный газетный дискурс: российские федеральные газеты («Известия», «Российская газета») и региональные («Самарская газета», «Волжская коммуна», «Волжские вести»), а также газетный подкорпус Национального корпуса русского языка. Важным критерием отбора материала послужило время его опубликования (с 2000 по 2020 годы). Отбор материала производился методом сплошной выборки.

М.Ю. Михайлова к лексическим средствам поля невыразимого относит «прилагательные с отрицательным префиксом (*невыразимый, несказанный, неопикуемый, ненареченный* и др.), наречия *невыразимо, несказанно* и т.п., фразеологические выражения *слов нет, ни в сказке сказать ни пером написать (описать)* и т. п., нечленимые сочетания *нечто невыразимое, что-то неопикуемое* и т.п.» (Михайлова, 2020а, 99).

В текстах газет семантика невыразимого выражается широким набором лексических средств: это имена прилагательные с приставкой, передающей семантику отрицания, лишения (*невыразимый, непередаваемый, неопикуемый, неизреченный*, и др.), их дериваты: *непередаваемо, несказанно,*

неописуемо, неизъяснимо и др.; глагольные словосочетания: *невозможно выразить (передать, сказать)*; оксюморон: *выразить невыразимое*; фразеологические единицы: *нет слов (чтобы выразить)*. Ср.: *Безусловно, Греция влечет и морем. У меня не хватает слов, чтобы описать всю его притягательность. Оно здесь необыкновенно красиво и имеет столько колористических оттенков* (Волжские вести, 25.12.2015); **Невозможно передать словами, в каких условиях проживали эти дети** (Новый регион 2, 10.03.2010); *К слову, в темное время суток трасса освещена настолько, что кататься по ней среди огоньков – непередаваемое удовольствие!* (Волжские вести, 30.01.2015); *Мне кажется, в ту ночь возвращения домой под невыразимо ужасным и невыразимо величественным небом я поняла несколько важных вещей* (Известия, 1.03.2012); **Непередаваемый сержантский рык** выравнивает строй людей в белых строительных касках, с палками и арматурой в руках (Комсомольская правда, 4.07.2013).

Средства выражения функционально-семантических значений невыразимого содержат маркеры отрицания (невозможность выразить, описать, передать): *Посещение рынков – незабываемая экскурсия, знакомство с ремеслом, творчеством, традициями и мудростью прекрасного узбекского народа. Впрочем, пережитый мною восторг словами не выразить. Нужно все увидеть своими глазами. Поезжайте в Узбекистан!* (Волжские вести, 5.06.2015).

Также нами выявлено, что пишущий часто пытается каким-то образом дополнительно охарактеризовать *что-то/нечто невыразимое/непередаваемое*, чтобы сделать этот объект если не «выражаемым, понятным другими», то хотя бы представляемым в воображении: *Тут началось что-то непередаваемое, фантастическое – на наших глазах несколько пуль попало в «губастого», а он продолжал стрелять, не реагируя на эти попадания* (Труд-7, 20.07.2005); *– Впервые побывал на фестивале красок Холи, эмоции не передать словами!* – поделился впечатлениями Иван Исаев. – *Жаль, что не ходил раньше: не знал, насколько это весело* (Волжские вести, 2.07.2019).

Автор газетной статьи иногда ориентируется на ощущаемое, но трудно передаваемое словами: *Уверяю: любые гастрономические фантазии меркнут перед узбекским пловом! Передать его вкус невозможно. Нужно просто приехать в Ташкент и отведать это блюдо* (Волжские вести, 29.05.2015); или вкладывает ориентацию на ощущаемое в речь реципиента: **Бывают эмоции, которые не выразить словами**, – *говорит моя героиня задумчиво. – Но передать чувства все равно хочется. И тогда я делаю это с помощью своих вязаных игрушек* (Волжские вести, 13.02.2015).

Лексика с семантикой невыразимого используется по отношению к предметам и явлениям объективной действительности, имеющим и не способным иметь «запах»: *Более сложная модель – очищенная от мякоти шкурка половины апельсина заполняется гелем для свечей оранжевого цвета (такой гель можно купить, например, в магазине ИКЕА). Запах от таких*

*фруктовых свечек **непередаваемый!*** (Комсомольская правда, 23.12.2002); характеризующими звуки: *Командир в новомодном камуфляже «флектарн» издаёт совершенно **непередаваемый** звук «ч-ч» – то ли ветка сухая упала, то ли осенний лист* (Комсомольская правда, 21.10.2011); *И тут я слышу **невыразимо нежные** звуки, похожие больше на журавлиное курлыканье, чем на кваканье наших лягушек* (Комсомольская правда, 20.02.2004).

Выявлено, что лексика с семантикой невыразимого используется при характеристике:

– особенностей значимых для человека периодов времени: *Около часа длится хореографическая симфония на музыку Малера «Что говорит мне любовь», а кажется, что пролетел один **невыразимо прекрасный** миг* (Известия, 29.03.2012);

– материальных и нематериальных ценностей: *«Тут все мое, даже трава», – говорит один из героев фильма, окидывая взглядом **невыразимо прекрасные** поля, луга, перелески* (Труд-7, 9.11.2005).

– социальных явлений: *США осуждают осаду Эль-Кусейра, в ходе которой было убито **несказанное** число людей* (Комсомольская правда, 6.06.2013).

– эмоций, чувств-ощущений: *Теперь человек, вчера считавшийся русским (или советским, что не слишком-то отличимо от русского), ощутил себя совершенно и **невыразимо** одиноким на просторах Вселенной, планеты которой вращаются вокруг американской звезды – главного светила, расположенного, увы, за мириады световых лет от нашей утратившей прошлое и сдавшей в аренду будущее страны* (Комсомольская правда, 19.01.2004); *Глядишь на Броньку, героиню романа «На острове Буяне», – беспутную, глуповатую, но такую природно мудрую при том бабу, – и **невыразимая нежность** авторская чувствуется, и любовь такая, что до рези в глазах* (Комсомольская правда, 18.05.2018).

Этим чувствам-ощущениям в определенных ситуациях трудно подобрать слова, выразить свои эмоции, поэтому, демонстрируя свои эмоции, говорящий использует в своей речи слова, содержащие аксиологические оценки, например: *Вечером мы легли спать, а ночью очнулись от того, что кто-то нас душил. **Ужас был непередаваемый**. У нас обеих было ощущение, что мы умираем* (Комсомольская правда, 31.07.2006); *– В последние годы у нас с мужем появилось особое хобби. Мы стали путешествовать в автобусах по всем странам Европы, – рассказывает моя собеседница. – Побывали практически во всех столицах. Ощущения – **непередаваемые!** Потом весь год вспоминаем и планируем поездки* (Волжские вести, 23.07.2019).

Невыразимое используется в виде субстантиватов с общим значением «обобщенная субстанция». В предложении такие слова выступают в роли подлежащего и дополнения: *Подобно бергмановскому оператору Нюквисту, игрой теней, рефлексов, изломом перспективы **передает невыразимое**: шепоты и крики, спор жизни и смерти* (Новая газета, 18.04.2018).

Авторами газетных текстов элементы невыразимого, непередаваемого, неопишуемого употребляются в качестве текстовых синонимов. Ср.: *У всех великих групп есть нечто общее, прекрасное и неопишуемое, что невозможно передать словами, и что отличает их от всех остальных* (lenta.ru, 5.03.2015).

Как отмечает М.Ю. Михайлова, «происходит некоторое семантическое выветривание, сближение значений данных языковых единиц. В таких случаях правомерно говорить о кластерном бытовании семантик невыразимого, непостижимого» (Михайлова, 2020а, 59).

Причины использования ситуаций категории *невыразимое*, по мнению М.Ю. Михайловой, следующие: это «низкая языковая компетенция, отсутствие сформированности логического концепта понятия, плохое знание языка, врожденные девиации, психическое или физическое состояние, экстраординарность предмета речи (его инобытие)» (Михайлова, 2017, 177).

Причины ситуации невыразимости способны быть не только объективного, но и субъективного характера. Так, говорящий может на свое усмотрение маркировать ситуацию как невыразимую. Ср.: *В ходе проведения мероприятия было задержано и доставлено в отделы внутренних дел 114 граждан, из них 44 несовершеннолетних в возрасте от 1 месяца до 18 лет. «Невозможно передать словами, в каких условиях проживали эти дети. В хибарах, построенных из фанеры и досок, стояли самодельные печки. Со стороны улицы дома были обтянуты плеткой, а изнутри одеялами...»* (Новый регион 2, 10.03.2010).

Пример является стандартной фигурой речи, узуальной гиперболической метафорой. Очевидно, что журналисту на самом деле не трудно найти слова, чтобы охарактеризовать условия проживания детей, например, в домах, не пригодных для жилья, в полной антисанитарии и т. п.

Процесс осуществляется (констатируется невозможность выразить) относительно абстрактного опредмеченного понятия, качества, свойства. Это предмет речи описываемой ситуации невыразимости, точнее, ее предметность, ср.: *Поездку эту мы посвятили великим классикам – Тициану и Тинторетто. Каждую базилику украшают творения этих гениальных мастеров. Мы ходили по тем же улочкам, что и они, только веками раньше. Писали те же виды, с тех же мосточков... Как будто мы с этими великими венецианцами стали добрыми соседями... Такое ощущение – **непередаваемо!** Причем – в доступе для всех, кто сюда приезжает* (Волжские вести, 29.01.2019).

Семантика невыразимого в газетном дискурсе содержит внушительное количество оксюморонов (например, *выразить невыразимое*), и фразеологических единиц (например, *нет слов*): *Но при всех проблемах (прежде всего драматургической невнятности) авторская анимация продолжает заниматься поиском киноязыка, который мог бы **выразить «невыразимое»*** (Новая газета, 20.03.2018); *Многие рассуждают о том, как можно **переда-***

вать непередаваемое (Известия, 23.05.2014); «*Была разрушена 21 могила советских солдат, которых похоронили на Старом кладбище. Нет слов!*» – сказал он. *Польская полиция разыскивает вандалов, которые повредили надгробия, рассказал ТАСС пресс-секретарь посольства России в Варшаве Владимир Александров* (Коммерсант, 9.10.2018).

Из субстантиватов *невыразимое, непередаваемое, несказанное, неописуемое* в качестве наиболее общего понятия данной семантики выделяем субстантиват *невыразимое*. По мнению М.Ю. Михайловой, «он обладает меньшим количеством дифференциальных сем, как и положено доминанте синонимического ряда» (Михайлова, 2020, 58). Семантика невыразимого утверждает невозможность передать мир чувств и отношений, мир внутрителесных ощущений при помощи речи. Отрицая возможность выразить, конститuentы поля невыразимого передают эти сложные явления и сферы действительности. Ср.: *Не могу выразить словами, как сжалось сердце мое от таких слов великого актера* (Труд-7, 10.11.2005). *Я не могу выразить словами, что мы чувствуем...* (Труд-7, 1.09.2005). *А Гусев – это эмоции, непередаваемый, «гусевский» способ произношения слов* (Труд-7, 2.06.2008). *Ловлю себя на желании говорить о работах Сафронова еще и еще. Но никакие слова не передадут чувств, которые испытываешь от его картин* (Волжские вести, 10.04.2015).

В целом заключаем, что в современном газетном дискурсе авторами используются понятия «невыразимое» и его лексико-семантическая группа как критерий невозможности выразить словами в силу экстраординарности предмета речи. Общими для анализируемых значений являются маркеры отрицания, сфера бытования, общие средства выражения: наречия, прилагательные, субстантиваты с отрицательным префиксом, отрицательные синтаксические конструкции.

Наиболее частотны в современном газетном дискурсе в плане передачи значения невыразимого такие лексические средства, как прилагательные *невыразимый, непередаваемый* и их дериваты, среднечастотны – наречия, грамматические и лексические варианты фразеологизмов-предложений *нет слов, не находить слов, словами не передать* и глагольные перифразы с отрицанием *не могу выразить, не могу передать словами, сказать не могу* и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев, В.В. (2007). *Средства выражения семантики умолчания в произведениях З.Н. Гиппиус*: автореф. дисс. ...канд. филолог. наук. Самара.
- Верещагин, Е.М. (2010). *Несказанное, неизреченное и неизглаголанное. Рече-поведенческие тактики выражения невыразимого*. Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах, 43–58. Москва: Индрик.

- Гладкая, Е.Ф. (2008). *Языковые маркеры невербализованных смыслов в лирике: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук.* Москва.
- Глазырин, В.А., Казарин, Ю.В. (2016). *Категория невыразимого в книге О.Э. Мандельштама «Камень».* Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке, 317–325. Москва–Екатеринбург: Кабинетный ученый.
- Горшкова, Л.А. (2005). *Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б.К. Зайцева: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук.* Уфа.
- Дудкин, В.В. (2012). *«Невыразимое» У Данте, Гете и Достоевского».* Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанры, ПетрГУ – Петрозаводск; Москва.
- Иванян, Е.П. (2015). *Семантика умолчания и средства ее выражения языке.* М.: ФЛИНТА.
- Михайлова, М.В. (2012). *Эстетика классического текста: автореф. дисс. ... докт. филолог. наук.* Санкт-Петербург.
- Михайлова, М.Ю. (2015). *Семантика невыразимого и смежные явления.* Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 17, № 1(4), 963–966.
- Михайлова, М.Ю. (2016). *Семантика невыразимого в «Рассказе о семи повешенных» Л. Андреева.* Российский гуманитарный журнал, № 5(6), 573–579.
- Михайлова, М.Ю. (2016). *Семантика невыразимого: узкое и широкое понимание.* Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 9(63): в 3-х ч. Ч. 1, 128–131.
- Михайлова, М.Ю. (2017). *Характеристика ситуации невыразимости для функционально-семантической категории.* Российский гуманитарный журнал, т. 6, № 2, 174–179.
- Михайлова, М.Ю. (2020a). *Семантика невыразимого в языке и речи.* М.: ФЛИНТА; Самара: СГСПУ.
- Михайлова, М.Ю. (2020b). *Семантика невыразимого в творчестве К.Г. Паустовского.* Поволжский педагогический вестник, т. 8, № 1(26), 88–94.
- Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. (1999). *Толковый словарь русского языка.* М.: Азбуковник.
- Перельштейн, Р. (2015). *Видимый и невидимый мир в киноискусстве.* СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Сырица, Г.С. (2009). *Семантика невыразимого как этнокультурный феномен.* Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум: Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 294–295.

- Andreev, V.V. (2007). *Sredstva vyrazheniya semantiki umolchaniya v proizvedeniyakh Z.N. Gippius: avtoref. diss. ...kand. filolog. nauk.* Samara.
- Dudkin, V.V. (2012). *«Nevyrazimoe» U Dante, Gete i Dostoevskogo».* Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanry, PetrGU – Petrozavodsk; Moscow.
- Gladkaya, E.F. (2008). *Yazykovye markery neverbalizovannykh smyslov v lirike: avtoref. diss. ... kand. filolog. nauk.* Moscow.
- Glazyrin, V.A., Kazarin, Yu.V. (2016). *Kategoriya nevyrazimogo v knige O.E. Mandel'shtama «Kamen'».* Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke, 317–325. Moscow–Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi.
- Gorshkova, L.A. (2005). *Semantika i funktsii neopredelennykh mestoimenii v proze B.K. Zaitseva: avtoref. diss. ... kand. filolog. nauk.* Ufa.
- Ivanyan, E.P. (2015). *Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke.* M.: FLINTA.

- Mikhailova, M.V. (2012). *Estetika klassicheskogo teksta: avtoref. diss. ... dokt. filolog. nauk*. St. Petersburg.
- Mikhailova, M.Yu. (2015). *Semantika nevyrazimogo i smezhnye yavleniya*. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, t. 17, № 1(4), 963–966.
- Mikhailova, M.Yu. (2016). *Semantika nevyrazimogo v «Rasskaze o semi poveshennykh» L. Andreeva*. Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal, № 5(6), 573–579.
- Mikhailova, M.Yu. (2016). *Semantika nevyrazimogo: uzkoie i shirokoe ponimanie*. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, № 9(63): v 3-kh ch. Ch. 1, 128–131.
- Mikhailova, M.Yu. (2017). *Kharakteristika situatsii nevyrazimosti dlya funktsional'no-semanticheskoi kategorii*. Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal, t. 6, № 2, 174–179.
- Mikhailova, M.Yu. (2020a). *Semantika nevyrazimogo v yazyke i rechi*. M.: FLINTA; Samara: SGSPU.
- Mikhailova, M.Yu. (2020b). *Semantika nevyrazimogo v tvorchestve K.G. Paustovskogo*. Povolzhskii peda-gogicheskii vestnik, t. 8, № 1(26), 88–94.
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. M.: Azbukovnik.
- Perel'shtein, R. (2015). *Vidimyi i nevidimyi mir v kinoiskusstve*. SPb.: Tsentri gumanitarnykh initsiativ.
- Syritsa, G.S. (2009). *Semantika nevyrazimogo kak etnokul'turnyi fenomen*. Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire: Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium: Trudy i materialy, 294–295. M.: MAKS Press.
- Vereshchagin, E.M. (2010). *Neskazannoe, neizrechennoe i neizglagolannoe. Reche-povedencheskie taktiki vyrazheniya nevyrazimogo*. Logicheskii analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh, 43–58. Moscow: Indrik.

Jarosław Wierzbński

 <https://orcid.org/0000-0002-1351-4276>

*Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Językoznawstwa
90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173
jaroslaw.wierzbinski@uni.lodz.pl*

Aleksy Kucy

 <https://orcid.org/0000-0001-6655-6886>

*Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Językoznawstwa
90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173
aleksy.kucy@uni.lodz.pl*

VII Международная научная конференция «Вопросы семантики и стилистики текста: лингвистический дискурс»

VII International Scientific Conference ‘Issues of Text Semantics and Stylistics: Linguistic Discourse’

Резюме

В настоящем обзоре речь идет о Международной научной конференции, организованной Кафедрой языкознания Института русистики Лодзинского университета в 2020 году. Обсуждаются вопросы, связанные с темами докладов, международным охватом и другими важными деталями этого события.

Summary

The present review looks back at the International Scientific Conference organised by the Department of Linguistics, Institute of Russian Studies, University of Lodz in 2020. Issues related to the topics of the papers, international scope and other important details related to the event.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ЗАВКАФЕДРОЙ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ПРОФ. ЯРОСЛАВА ВЕЖБИНСКОГО НА ОТКРЫТИИ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Уважаемые участники конференции, дорогие коллеги!

Этот год для всех нас очень трудный по известным причинам. Однако и в такое непростое, сложное время мы встречаемся, чему я искренне рад. Я от всей души приветствую наших гостей и всех докладчиков.

Дорогие коллеги! Добро пожаловать на филологический факультет Лодзинского университета и в Институт русистики!

Хочу особо отметить, что нашей встрече всячески способствовала декан, госпожа проф. Йоанна Яблковска, поэтому приношу ей особые слова благодарности!

Друзья! Конференционные планы (относительно сроков и формата проведения) несколько раз менялись, о чем Вы знаете. К сожалению, пандемия внесла свои коррективы, что осложнило ситуацию и, прежде всего, нашим организаторам из университета Юстуса Либиха в Гиссене, Болгарской академии наук и Гродненского университета Янки Купалы.

Однако, мы собрались! Спасибо, дорогие друзья, за оказанное доверие, за поддержку! Спасибо заодно и Ученому совету конференции, в рядах которого не только наши специалисты, но и профессора из России, Беларуси, Украины, Казахстана, Болгарии, Чехии, Турции и Италии.

Хочу пожелать всем нам плодотворной работы во время конференции, интересных докладов и не менее интересной дискуссии в ходе обсуждений!

* * *

28–29 ноября 2020 года в Лодзи прошла VII Международная научная конференция «Вопросы семантики и стилистики текста: лингвистический дискурс», организованная Кафедрой языкознания Института русистики Лодзинского университета. Конференция проходила в гибридном формате: стационарно и дистанционно (он-лайн). Международными партнерами по организации конференции были: Институт славистики Гисенского университета имени Юстуса Либиха (Германия), Институт болгарского языка Болгарской академии наук (Болгария) и Кафедра русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь). Заседания проходили в Зале Ученого совета Филологического факультета в Лодзи и транслировались с помощью профессионального оборудования в рамках созданной конференц-группы на платформе Teams. Ученые из Лодзинского университета имели возможность лично принимать участие в конференции, а остальные, из-за карантинных мер, вынуждены были принимать участие дистанционно. Тем не менее, несмотря на все препятствия, конференция состоялась без каких-либо сбоев или технических проблем.

Главной научной целью конференции был обмен результатами научных исследований представителями языковедческих и нефилологических дисциплин по следующим тематическим направлениям:

- семантические и стилистические исследования: теория и практика;
- семантика и стилистика художественного текста: идиолект;
- текст в переводе: стилистика, семантика, прагматика;
- (меж)культурная коммуникация: языковые контрасты;
- текст в средствах массовой информации: тенденции, закономерности, прогнозы;
- дискурсология как направление коммуникативной лингвистики;
- семантическое пространство языка и методы его описания;
- языковая картина мира: средства категоризации действительности;
- семантика и стилистика в исторической ретроспекции: фактография, художественная литература, сакральные тексты;
- лингвистика текста: анализ и расширение дискурса;
- лингвистическая теория: проблемы построения дисциплины;
- лингвистические модели и анализ языковой культуры;
- палеография, текстология, библиография: поиск новых исследовательских задач;
- текст в лингвометодической перспективе;
- текст в геополитическом пространстве: язык современной политики;
- философия дискурса.

Столь широкий спектр исследований сделал возможным участие в мероприятии большого количества специалистов, как опытных, так и начина-

ющих ученых из Польши, России, Украины, Беларуси, Болгарии, Германии и Казахстана. В свою очередь, научный Совет конференции был представлен учеными из девяти стран. В его состав вошли:

проф. Йоанна Яблковска (Польша),
проф. Анна Варда (Польша),
проф. Ярослав Вежбинский (Польша),
проф. Анна Беднарчик (Польша),
проф. Томас Дайбер (Германия),
проф. Кристияна Симеонова (Болгария),
проф. Светла Коева (Болгария),
проф. Стефка Калева (Болгария),
проф. Ольга Саприкина (Россия),
проф. Юлия Кравцова (Украина),
проф. Дамина Шайбакова (Казахстан),
проф. Эмине Инанир (Турция),
проф. Гёнюль Узелли (Турция),
проф. Елена Стоянова (Болгария),
проф. Зденка Недомова (Чешская Республика),
проф. Ирина Тарасова (Россия),
проф. Татьяна Автухович (Беларусь),
проф. Жале Джошкун (Турция),
проф. Анна Паола Бонола (Италия),
проф. Адриано Делл'Аста (Италия),
проф. Мауриция Калузио (Италия).

Конференция проходила в течение двух дней, во время которых было зачитано свыше тридцати научных докладов, вызвавших большой интерес и плодотворные дискуссии. Произнес вступительное слово и подвел итоги конференции руководитель Кафедры языкознания, профессор Ярослав Вежбинский (приведены в дальнейшей части текста). С приветственным словом к участникам конференции обратились также Декан Филологического факультета, профессор Йоанна Яблковская, а также представители соорганизаторов из Германии, Беларуси и Болгарии: профессор Томас Дайбер, профессор Татьяна Автухович и профессор Кристияна Симеонова. Программа конференции включала в себя также художественную часть – выступление церковного хора Православного кафедрального прихода св. Александра Невского в Лодзи, явившееся своего рода творческим и духовным вдохновением для проведения последующего обмена научными достижениями между участниками мероприятия.

**ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ КОНФЕРЕНЦИИ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ
СЛОВО ЗАВКАФЕДРОЙ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ПРОФ. ЯРОСЛАВА ВЕЖБИНСКОГО**

Дорогие коллеги, друзья!

Конференция подошла к концу. Пора подвести итоги. Позволю себе констатировать некоторые факты. Во-первых, считаю, что наша конференция проходила и в целом прошла в творческой и дружеской обстановке. Надеюсь, что разделяете мое мнение. Во-вторых, в ходе конференции были высказаны новые идеи, прозвучали творческие концепции, были продемонстрированы оригинальные поиски и практические решения. Друзья, мы славно потрудились, правда!

Программа была очень богатая и насыщенная как подбором тем, так и их презентаций. Всех нас объединяла общая тема «Вопросы семантики и стилистики текста», хотя и с разных точек зрения: лингвистической, культурологической, исторической, функциональной, коммуникативной, прагматической, компаративной, социолингвистической и когнитивной. Более корректно было бы сказать, что в методологическом плане это был междисциплинарный, синергетический подход к рассмотрению ряда вопросов.

Доклады, вне всяких сомнений, вызвали большой интерес, что сказалось во время их обсуждений. Рассматривались самые различные тексты: художественные, публицистические, документальные, научные, эпистолярные, церковнославянские, богослужебные, а также медиальный дискурс, политические и рекламные тексты.

Был представлен анализ по многим тематическим разрядам и темам: анималистическая фразеология и антропоцентризм, метафора и метафорика текста, неологизмы, лексикография, перевод, невербальная коммуникация, антонимия и другие категории лексической семантики, заимствования, терминология, этимология, идиолект, стилистические фигуры и тропы, ономастика, языковая картина мира и др.

Приношу слова благодарности руководству нашего Института в лице его директора проф. Анны Варды за активное участие и организационную поддержку конференции. Спасибо научному руководителю конференции (проф. Алексей Куций), а также секретарям (к.ф.н. Зоя Куцая и магистр Ия Блюменталь). По инициативе оргкомитета перед участниками конференции великолепно выступил церковный хор, который стал украшением нашего мероприятия. За технической стороной конференции следил информатик факультета, Гжегож Згондек, которому все мы очень признательны.

Выражаем благодарность нашим соорганизаторам конференции: проф. Томасу Дайберу из Института славистики Университета Юстуса Либиха в Гиссене; проф. Кристиане Симеоновой из Института болгарского языка

Болгарской Академии наук; проф. Татьяне Автухович с кафедры русской филологии Гродненского университета имени Янки Купалы. Всем председателям секций/панелей большое спасибо за их работу.

Коллеги, мы расстаемся, но надеемся на дальнейшее сотрудничество. Следующий раз хотелось бы встретиться очно! Желаю всем научных успехов, счастья и благополучия. Всем крепкого здоровья! До новых встреч, дорогие друзья!

Jarosław Wierzbński

 <https://orcid.org/0000-0002-1351-4276>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Językoznawstwa

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

jaroslaw.wierzbinski@uni.lodz.pl

**Петр Червинский, *Знак и значение. Семантика предсказаний в знамениях, повериях и приметах*,
Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020, ss. 240**

**Piotr Czerwiński, *The sign and meaning. The prophecy semantics in harbingers, beliefs and folk predictions*,
Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020, pp. 240**

Резюме

Монография носит междисциплинарный характер, поскольку она совмещает вопросы когнитивной этнолингвистики, лингвистики культуры, социоллингвистики, семантики, фольклористики, мифологии и рассматривает как вербальные, так и иконические коннотации и язык в магическом сознании. Предметом анализа в книге Петра Червинского являются магические ритуалы, заклинания, сны и видения, а также семантика защитных атрибутов, то есть амулетов разного рода. Книга является ценным вкладом в исследования семиотической оценки пророчеств и народных гаданий. Это важное исследование как своей тематической оригинальностью, так и разнообразием анализируемого материала и его интерпретации.

Summary

The presented monograph is of an interdisciplinary nature, since it combines the issues of cognitive ethnolinguistics, cultural linguistics, sociolinguistics, cultural semantics, medieval studies, folklore, mythology and examines verbal and iconic connotations and language in magical consciousness. The subject of analysis in the book of Peter Czerwiński is magic rituals, spells, dreams and visions, as well as the semantics of protective attributes, that is, amulets of various kinds. The book is a valuable contribution to research into the semiotic evaluation of prophecy and folk fortune-telling. This is a valuable study both for its thematic originality and for the variety of analyzed material and its interpretation.

Prezentowana monografia Piotra Czerwińskiego stanowi niezwykle inspirującą pozycję wydawniczą. Książka ma charakter interdyscyplinarny, ponieważ łączy w sobie zagadnienia z etnolingwistyki kognitywnej, lingwistyki kulturowej, socjolingwistyki, semantyki kulturowej, mediewistyki, folklorystyki, mitologii i traktuje o konotacjach werbalnych, ikonicznych oraz o języku w świadomości magicznej. Autor analizuje teksty nasycone przepowiedniami i odzwierciedlonymi w nich wróżbami, prorocत्वami, obrazami snów i znakami symbolicznymi. W kręgu owych tekstów znajdują się również paremie. Istotne jest odniesienie omawianych tekstów zarówno do określonej tradycji, jak i uwarunkowań kulturowo-mentalnych.

Tematyka monografii sama w sobie jest pasjonująca, co intrygująca zarazem, ponieważ traktuje o wieszczaniu o rzeczach mających nastąpić, o przepowiadaniu, przewidywaniu, czy też prognozowaniu przyszłych zdarzeń. Przepowiednie oparte są na odczytaniu przyszłości i zdarzeń z rozmaitych źródeł o rodowodzie biblijnym, astrologicznym, numerologicznym, apokaliptycznym, przy czym występują ich rozmaite interpretacje. Obiektem analiz w książce Piotra Czerwińskiego są obrzędy magiczne, zaklęcia, sny i widzenia, a także semantyka atrybutów obronnych, czyli amuletów różnego rodzaju.

Strukturę monografii tworzą zasadniczo trzy części/rozdziały obejmujące kolejno następujące zagadnienia: 1. *О структуре предсказательных образов* (Struktura przepowiedni); 2. *Предсказание как экзистенциальный процесс* (Przepowiednia jako proces egzystencjalny); 3. *Мир человека как объект воздействия скрытых сил* (Świat ludzki jako obiekt wpływu sił nieznanych/wyższych/ukrytych).

Całość została opatrzona *Прзписами* (Примечания), które właściwie są szczegółowymi odsyłaczami/komentarzami i wyjaśnieniami omawianych kwestii wraz z wykazem bogatej literatury przedmiotu, czyli bibliografią. Pracę wieńczy wykaz wykorzystanych opracowań leksykograficznych oraz krótkie streszczenia w języku polskim i angielskim.

W rozdziale pierwszym *О структуре предсказательных образов* (s. 8–58) Autor odnosi się do symptomów, które zwiastują jakąś oczekiwaną nieuchronność, omawia przepowiednię w jej potencjale do materializowania się. Przedstawia czynniki zewnętrzne i wewnętrzne w projekcji przepowiedni. Nawiązuje przy tym do typologicznych różnic w semantyce kreowanych przepowiedni, do subiektów/podmiotów i ról w interakcjach oraz omawia emotywny charakter zachowań ludzkich.

Przepowiednie mają to do siebie, że ich semantyka nie ma ściśle jednoznacznego, konkretnego charakteru, jest ona raczej uogólniająca, co odnotowali tacy badacze, jak M. Kulkowa, M. Makarenkow, N. Fattachowa, T. Ziewachina, E. Tonkowa, A. Oropaj, Cz. Czintao, W. Stiegnij.

Piotr Czerwiński skrupulatnie śledzi najnowszą literaturę przedmiotu. Autor często prezentuje stanowisko innych badaczy, by na konkretnych przykła-

dach wykazać różnice terminologiczne np. pomiędzy wierzeniami i wróżbami. Wg W. Charczenko i E. Tonkowej wyrażenie *Ножницы держите сомкнутыми – не будет в доме ссор* należy rozpatrywać jako wierzenie, natomiast jego transformacja *Ножницы оставить открытыми – к ссоре* staje się już wróżbą (zob. o tym w przypisie 2 na s. 223). Autor podziela stanowisko O. Christoforowej, że wierzenia determinują zachowania ludzi. Zgadza się też ze stanowiskiem N. Fattachowej, że właściwością przysłów i wróżb ludowych jest uogólniająca semantyka.

Rozdział drugi *Предсказание как экзистенциальный процесс* (s. 59–187) jest najobszerniejszy pod względem analizowanych zagadnień. Autor docieka odpowiedzi w rozlicznych kwestiach, m.in. i takiej: co powoduje subiektem, co go skłania, by pewne stany, zjawiska i symptomy odbierać i interpretować jako znaki. Za przykład może posłużyć obrazowanie z Latopisu, gdzie ciemności, które ogarnęły wojów, jako efekt zaćmienia słońca, w interpretacji Igora zwiastują ich niechybną śmierć. Piotr Czerwiński analizuje adresatywny charakter wielu innych znaków zawartych w tych kronikach. Skupia się jednak na symbolice snu Światosława opisanego w ważniejszym zabytku literatury staroruskiej z okresu Rusi Kijowskiej „Słowie o wyprawie Igora”.

Widzenia senne relacjonuje Światosław. Przekaz Autora monografii na ten temat jest następujący: „Приснившийся Святославу сон, который он пересказывает затем своим боярам, наполнен образами несчастья, гибели и смерти. Первое, сразу же, – ночью с вечера одевали его черным саваном на кровати тисовой, что само по себе означает приготовление к положению в гроб. Но не о его, Святославовой, смерти, судя по всему, речь. И синее вино, с горем («съ трудомъ») смешанное, и крупный жемчуг из пустых колчанов поганых толковин, и доски без князька в златоверхом тереме, и серые вороны, граявшие на лугу, после чего понесшиеся к синему морю, – все это знаки смерти. Вопрос только, чьей и какой, и почему именно в такой последовательности и в столь большом количестве?” (s. 61). Tak więc perły we śnie symbolizują łzy; zobaczyć dom bez belek konstrukcyjnych, na których osadzone są deski i krokwie dachowe (дом без князька) oznacza wielkie nieszczęście; widok kruków zwiastuje śmierć.

Dalej nie brakuje też kolejnych spostrzeżeń i sugestii na ten temat z uwzględnieniem również innych świadectw źródłowych zawierających ważny przekaz o śnie Światosława. Są zatem w rozważaniach semantycznych Piotra Czerwińskiego odesłania i do Sriezniewskiego i do D. Lichaczowa, a także M. Famera czy też dociekań etymologicznych P. Czernych. Źródłowy opis snu Autor dosłownie rozkłada na czynniki pierwsze i wyciąga z przeprowadzonej analizy stosowne wnioski. Rozpatruje semantykę wyrażen *синее море* i *синее вино* (s. 65–67), by przekierować dalej analizę na symbolikę znaków i obrazów. Analizuje też przekaz bojarów o klęsce wojowników Igora i zwycięstwie Połowców. Podkreśla również przeciwstawienie tego co swoje i co obce.

Uwaga skupia się następnie na zebranych przez Dala przysłowiaach. Część z nich koresponduje z prowadzoną wcześniej analizą. Czerwiński rozpatruje z jednej strony paremie typu *Кони ржут – к добру. / Галки и вороны, сидящие с криком перед домом, особенно утром, к худу. / Зеркало разбить – к худу*, z drugiej zaś takie jak: *Аршина на кровать не класть – покойник будет. / Если невеста под венцом уронит платок, а жених поднимет, то скоро умрет. / Тринадцатый за стол не садится. / Троица троицей, а трех свечей на стол не ставят*. Właśnie te drugie zakładają podejmowanie działań obronnych, bądź unikanie działań o niekorzystnym znaczeniu, czyli: *Не класть* (аршина на кровать); *Не садиться* albo *Не сажать* kogoś (trinaudcym, jak trinaudcym, za stol); *Не ставить* (trzech świeczek na stol) (s. 74). Przegląd podobnych sytuacji kształtuje swoisty paradygmat nie tyle symbolicznych znaków i wierzeń, co zawartych w nich sensów.

Uchwycenie tych sensów nie jest ani proste ani jednoznaczne; często mają charakter implicytny. Zawarte w nich wróżby i przesady niejednokrotnie wykraczają poza granice zwykłej bezpośredniej interpretacji i percepcji. Naprowadzają jednak na myśl, by czegoś nie robić lub działać w taki sposób, aby uniknąć nieprzyjemnych zdarzeń. Można w tym dostrzec pewien schemat czy model zachowania akceptowany przez daną społeczność, zgodnie z którym i przez który rozpoznaje ona i odróżnia swoje i własne od innego i obcego. Akceptowany jest zatem model pozytywny, natomiast jego przeciwieństwo nie zyskuje aprobaty i jest odrzucane przez ową społeczność. Poprzez taką interakcję, kontakt, czy też współdziałanie z czymś niewidzialnym i pozaziemskim jest rozpoznawane to, co własne, rodowe. Istnieje jakaś siła, która współpracuje z tą społecznością, którą można określić jako sacrum.

Czerwiński analizuje kolejne wróżby, które manifestują się w paremiach, m.in.: *Перед дальней дорогой не мой волосы – беду накличешь. / Перед дальней дорогой надо подержаться за угол стола – это к удаче. / Если кто-то чужой по твоим следам идет, то он забирает у тебя, впереди идущего, силу. / Незванный гость на двор – и беда на двор* (s. 77). Kolejne trzy przykłady wskazują na to co robić lub czego nie należy robić, zaś ostatni wskazuje na zagrożenie, któremu można jakoś zapobiec, czy też je osłabić. Autor monografii wskazuje na szereg innych konotacji i możliwych rozstrzygnięć zdarzeń sygnalizowanych w paremiach.

Nadrzędny wątek tej części książki to jednak projekcja snu Światosława w relacji do ponadczasowości egzystencjalnej, a także liczne spostrzeżenia wróżbiarskie w aspekcie behawioralnym. Rozdział traktuje też o typologii semantycznej przepowiedni, zawiera rozważania o wilku, który przebiegł drogę i zawiera spostrzeżenia o semantyce w części interpretacyjnej, w której Autor odnosi się do interakcji z rzeczywistością, prezentuje czynniki czasowe i stałe w projekcji zachowań i osiągniętych stanów. W tej części rozprawy Autor omawia specyfikę pożądanego/oczekiwanych działań, odnosząc się do rozmaitych okoliczności, w tym działań względem sił wrogich człowiekowi, jak biesy, diabły i demony.

Rozdział trzeci *Мир человека как объект воздействия скрытых сил* (s. 189–217) traktuje o ingerencji tychże sił w egzystencjalnej przestrzeni człowieka i sposobom wyzwiania się z tej zależności. Autor inicjuje analizę w tej części pracy takim oto przykładem: *Хлеб не выпекается, сырым остается – к разлуке или разорению* (s. 189–190). Powstaje pytanie o jakąś siłę fatalną, która powoduje, że chleb nie wypieka się jak należy. Nie to jest jednak przedmiotem analizy lecz więzi rodzinne, te egzystencjalne i emocjonalne, które są zagrożone w wyniku działania tej siły. Innego rodzaju przekaz wróżbiarski manifestuje się w powiedzeniu *Не ешь во время учения: заешь выученное* (s. 192–193). Nie tyle wiedza jest tu imperatywem, co adaptacja, przystosowanie do ogółu. Istotna jest myśl, że zostanie zmarnowana jakaś szansa. Jest tu przestroga przed utratą czegoś ważnego.

Specyficzne też treści kryje w sobie powiedzenie *Ложку на столе после обеда забыть – к гостю* (s. 194–196). Dotyczy ono sfery kontaktowej i to nie tyle czy tylko w odniesieniu do osób bliskich. Odnosi się do nieproszonego gościa i nie towarzyszy temu jakaś negatywna konotacja. Nie można przy tym wykluczyć, że jest to znak jakiejś ukrytej mocy, która powoduje, że łyżka zostaje zapomniana na stole. Ten znak można odczytać na rozmaite sposoby co prezentuje w swojej analizie Autor monografii. Istotne jest to, że oczekiwane przyście gościa działa na domowników w ten sposób, że łyżka pozostaje. Taka sytuacja budzi niepokój i rodzi potencjalne zagrożenie.

Imponująca jest za każdym razem metodyczna argumentacja, którą proponuje Piotr Czerwiński. Jest to całe spektrum skojarzeń, przemysłów i analiz, by wydobyć różne sensory, które przecież nie leżą na powierzchni, lecz trzeba je odczytać i przekonująco uzasadnić. Autor prezentuje różne projekcje bliskich relacji ludzkich posiłkując się przy tym ich wizualizacją w postaci tabelarycznego schematu co stanowi dobrą płaszczyznę syntetycznego obrazowania podjętej w książce tematyki. Swoje rozważania Autor zamyka perspektywą kontynuowania prac studyjnych na temat konceptualizacji świata, uwzględniającej przestrzeń semantyczną i semiotyczną słów, znaków i symboli.

* * *

Po tym przeglądzie, wybiórczym z konieczności, czas na podsumowanie i konkluzję. Znaczenie naukowe rozprawy Piotra Czerwińskiego *Знак и значение. Семантика предсказаний в знамениях, повериях и приметах* uwarunkowane jest ważną rolą czynników antropocentrycznych, psychologicznych w tym parapsychologicznych oraz parametrów socjologicznych we współczesnym językoznawstwie.

O wartości naukowej prezentowanej książki świadczą m.in. następujące cechy:
1. Wykorzystanie, opracowanie i usystematyzowanie licznych prac naukowych,

odnoszących się do tematu rozprawy; 2. Dogłębność i wysoki poziom przeprowadzonej analizy językowej i kulturowej, a także umiejętność wieloaspektowego podejścia do problemu naukowego oraz interdyscyplinarnej interpretacji materiału badawczego, co jest zadaniem arcytrudnym; 3. Autor zaprezentował spójny paradygmat kognitywny i kulturowy; 4. Rozprawa jest utrzymana w ścisłym stylu naukowym, czy wręcz w stylu naukowo-eksperymentalnym. 5. Narracja Autora jest oryginalna, uporządkowana i precyzyjna.

Oryginalność monografii polega głównie na tym, iż analizowane w niej zagadnienia w takim wymiarze nie były, bądź były tylko częściowo podejmowane przez badaczy. Poszczególne rozdziały monografii pozwalają na zapoznanie się z różnymi nurtami badawczymi w obrębie semantyki i symboliki przepowiedni w zwiastunach, wierzeniach i wróżbach ludowych. Nie sposób nie stwierdzić raz jeszcze dobitnie, iż problematyka w zaproponowanym przez Autora ujęciu nie była dotychczas przedmiotem całościowych, pogłębionych analiz.

Merytoryczny poziom przeprowadzonej analizy i interpretacji jest wysoki zarówno w warstwie teoretycznej poruszanych kwestii, jak i w zakresie praktycznego zastosowania metodologii badań, przynoszących interesujące i godne uwagi rezultaty. Praca wnosi wiele do wiedzy o znakach i ich symbolice oraz jej tendencjach rozwojowych. Trafność wyboru tematyki omawianej rozprawy jest poza wszelką dyskusją. Chciałbym podkreślić przy sposobności adekwatność tytułu monografii i jej śródtytułów do treści publikacji, w tym materiału ilustracyjnego.

Po lekturze monografii mam jednoznacznie pozytywną opinię o jej zawartości i walorach poznawczych. Stwierdzam z pełnym przekonaniem, że monografia Piotra Czerwińskiego pt. *Знак и значение. Семантика предсказаний в знамениях, повериях и приметах* stanowi cenny wkład w badania nad semiotycznym wartościowaniem przepowiedni i wróżb ludowych, dostarcza również szereg interesujących i ważnych w najnowszych badaniach informacji w zakresie analizowanych zjawisk. Aparat przypisów i odsyłaczy jest bogaty i pozwala umiejscowić rozważania na szerszym tle innych przywoływanych opracowań. Analiza przywoływanej literatury przedmiotu jednoznacznie potwierdza, że podnoszone w monografii zagadnienia zbadane zostały w kontekście aktualnego stanu badań. Na rynku wydawniczym nie ma podobnej publikacji z zaproponowanej przez Autora dziedziny. Jest zatem książka Piotra Czerwińskiego opracowaniem wartościowym zarówno ze względu na swą oryginalność tematyczną, jak i różnorodność materiału poddanego analizie i jego interpretację.